

Эдуард Лимонов

Подросток Савенко

Книги Эдуарда Лимонова:

РУССКОЕ (Стихотворения, поэмы, тексты).
Анн Арбор, «Ардис», 1979.

ЭТО Я – ЭДИЧКА. Роман.
Нью-Йорк, «Индекс Пабlishерс», 1979.

ДНЕВНИК НЕУДАЧНИКА.
Нью-Йорк, «Индекс Пабlishерс», 1982.

Эдуард Лимонов

ПОДРОСТОК САВЕНКО

**«СИНТАКСИС»
ПАРИЖ**

Обложка работы Тблстого.

© Copyright E. Limonov, 1983.

**© Все права на русское издание
сохранены за издательством «Синтаксис»**

**8, rue Boris Vildé
92260 Fontenay aux Roses
FRANCE**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Эди-бэби пятнадцать лет. Он стоит с брезгливой физиономией, прислонившись спиной к стене дома, в котором помещается аптека, и ждет. Сегодня Седьмое Ноября, в прохладный полдень мимо Эди дефилируют наряженные граждане, или козье племя, как он их называет. Козье племя по большей части идет уже с демонстрации. Парад войск Харьковского гарнизона на площади Дзержинского закончился, и началась демонстрация. Передовые и сплоченные массы пролетариев уже давно прошагали в колоннах, пересекая вымощенную пленными немцами самую большую в Европе, вторую в мире площадь. "Больше нашей площади Дзержинского только площадь Тянь Ань Мынь в Пекине" — эту первую заповедь харьковского патриотизма Эди-бэби хорошо знает.

Граждане, идущие в настоящее время мимо Эди-бэби, — это ленивые, плохо организованные, недостаточно охваченные общественной работой представители мелких предприятий: магазинчиков, ларьков, лавочек по ремонту — как бы подобие буржуазии. Они выползли из домов в праздничной одежде только сейчас, предварительно уже успев выпить пару-тройку рюмок водки и закусить праздничной едой. Эди-бэби знает, что обычно это салат оливье, колбаса и неизменные шпроты. Глава семьи напялил тяжелое пальто, и черный или темно-синий пиджак, и галстук, и новые туфли, которые причиняют ему невероятную боль при каждом шаге. Нарядные дети, одетые под взрослых в большие нелепые костюмы, жрут неизменное мороженое, и каждый волокет за собой по нескольку шаров на нитках. Время от времени надувные шары лопаются со страшным пистолетным грохотом, всякий раз неожиданно. Платье супруги и ее пальто наврядка воняют невыдохшимся наф-

талином — они берегут свои вещи. Эди-бэби морщится.

Эди-бэби не такой, как они. Потому он и стоит тут в рваных и мятых польских вельветовых брюках и желтой куртке с капюшоном, стоит этаким Гамлетом Салтовского поселка и сплевывает независимо. Эди-бэби думает, что ебал он их всех. И еще он размышляет тоскливо над тем, где же ему достать денег.

Ему нужно 250 рублей. И достать их он должен завтра к вечеру. Если он не достанет денег... Эди-бэби предпочитает об этом не думать. Эди-бэби обещал Светке взять ее к Сашке Плотникову. Это самая клевая компания в поселке. Попасть к ним большая честь. Эди-бэби удостаивается этой чести уже второй раз. Но на этот раз родители взбеленились, последний визит капитана Зильбермана произвел на них большое впечатление. Не дали денег.

Эди-бэби презрительно усмехается, вспоминая свой арест. Зильберман явился с двумя милиционерами в шесть часов утра, разбудил его, спавшего на веранде в спальном мешке, — подарок семьи Шепельских, и, сунув ему под нос желтую бумажку, произнес: "Гражданин Савенко, вы арестованы!"

Зильберман чокнутый, он любит произвести впечатление. Он очевидно представляет себе, что он комиссар Мегрэ, недаром он вечно одет в идиотское кожаное пальто до пят и курит трубку. Эди-бэби фыркает, вспоминая комическую миниатюрную фигуру капитана Зильбермана. Чарли Чаплин, а не комиссар Мегрэ — вот он кто.

Заведующий отдела по делам несовершеннолетних 15-го отделения милиции капитан Зильберман — недоразумение. Начать с того, что он еврей. Милиционер — еврей звучит как анекдот. Смешнее этого может быть только еврей-дворник.

А в тот раз Зильберману пришлось к вечеру отпустить Эди-бэби. Никаких доказательств, что это он ограбил магазин тканей на проспекте Сталина, не было у капитана.

Зильберман не дает покоя Эди-бэби — воспитывает его. Он часто приходит и к Эди домой, вечерами, проверяя-

ет. Хуй он теперь застает Эди-бэби, после пары таких визитов Эди стал убегать от Зильбермана нарочно — уходить на танцы, скажем. Однажды Зильберман приперся в поисках Эди-бэби и на танцы в "Бомбей". Но киномеханик Сева выпустил Эди через служебный вход. Официальное название этой большой комнаты по соседству с 11-ым гастрономом — "Клуб работников пищевой промышленности Сталинского района города Харькова", — для ребят же это "Бомбей". В Бомбее все свои — Эди-бэби может придти туда без копейки в кармане и через двадцать минут выйти оттуда вдребезги пьяным, если захочет. Ребята его уважают и поят. Эди, правда, не любит унижаться и пользуется даровой выпивкой редко, когда уж совсем паршивое настроение, только тогда.

Ебаная жизнь! — думает Эди-бэби, — где же все-таки взять денег? Знал бы, что родители откажут, придумал бы что-нибудь заранее. 250 рублей не такие большие деньги, но когда их нет, их нет. Вчера еще у него была сотня, но спокойно размотал, надеясь на родителей. Тридцать рублей заплатил Вацлаву за стрижку, остальные неизвестно куда делись. Поил Толика Карпова и Кадика — вот куда! С Вацлавом тоже нужно будет выпить — он никогда не берет с Эди-бэби на чай, а между тем он лучший парикмахер в городе с миллионным населением. Работает он в парикмахерской 3-ей автобазы, ему бы в Кремле работать, но Вацлаву кажется все равно. Эди-бэби потрогал свой выбритый пробор. "Волосы следует стричь каждую неделю, — говорил ему поляк, — они не должны быть длиннее спички". С прической у Эди все в порядке. Ебанные деньги — вот проблема.

Эди-бэби не просто торчит у аптеки, убивая праздничное утро, но ждет своего приятеля Кадика. Кадик живет совсем рядом — от аптеки Эди-бэби может видеть серый угол его дома номер семь по Салтовскому шоссе. Дом, в котором живет Кадик, один из самых старых на Салтовском поселке, когда-то там размещалось общежитие, теперь живут семейные.

Кадик, он же Колька, Николай Горюнов — почтальоншин сын. Отца у него нет, во всяком случае мать Эди-бэби Раиса Федоровна никогда не слышала об отце Кадика, и никто другой не слышал, а вот почтальоншу тетю Клаву, она разносит письма "на нашей" — нечетной стороне Салтовского шоссе, знают все. Маленькая, как бы испуганная чем-то женщина. Злые языки утверждают, что Кадик бьет свою мать. "Здоровый кобель отмахал, — говорят злые языки, — пятнадцать лет, а такой бугай откормленный. Рад, что отца у него нет, над матерью измывается". Эди знает, что Кадик не бьет свою мать, ругаются они очень, это да.

Эди-бэби любит Кадика, хотя и чуть-чуть над ним подсмеивается. "Кадик" — ненормальное, синтетическое имя, которое Колька сам придумал себе от американского названия автомобиля — "Кадиллак", конечно немножко пижонски звучит, но Кадик с малых лет отирается с "лабухами" — с джазовыми музыкантами, ему простительно.

Кадик же и придумал звать его, Эдку, — "Эди-бэби", тоже на американский манер. Кадик даже немного говорит по-американски, или по-английски, он утверждает, что эти языки почти не отличаются. "Эди-бэби" пристало к Эдке, теперь многие его так называют. Вообще-то до знакомства с Кадиком Эди-бэби умудрился прожить без клички.

В случае Эдки Савенко "Эди-бэби" все же ближе к истине, чем Колька и Кадиллак, потому что Эдуард — настоящее имя Эди-бэби. На Салтовке есть еще два Эдуарда, один из них делает самодельные однозарядные пистолеты у себя на заводе "Поршень", где он работает подручным токаря, и продает их ребятам. Эди-бэби купил у него такой пистолет год назад, но теперь пистолет не работает, что-то с затвором, Эдка обещал починить. У того Эдки русская фамилия Додонов.

Эдуардом Эди-бэби назвал его отец. Когда мать позвонила ему в часть из родильного дома и спросила, как назвать сына, — у вас, Вениамин Иванович, сын родился! — то отец Эди-бэби, ему было тогда 25 лет, сидел у себя в каби-

нете и читал стихи поэта Эдуарда Багрицкого — отец сказал, чтоб сына записали Эдуардом. Стихи Багрицкого отцу очень нравились. Так получилось, что Эди-бэби дали имя в честь поэта-еврея.

Недавно, прошлой весной, Эди-бэби впервые прочел стихи Багрицкого, собранные в небольшой книжечке в синем твердом переплете, и они ему тоже понравились, как и его отцу пятнадцать лет назад. Особенно понравилось стихотворение "Контрабандисты":

"По рыбам, по звездам пронесит шаланду,
Три грека в Одессу везут контрабанду..."

В середине стихотворения Эди-бэби к своему изумлению обнаружил неприличные строчки:

"Чтоб звезды обрызгали грудь наживы —
Коньяк, чулки и презервативы..."

Стихи эти Эди-бэби показал Кадику, про презервативы. Ему тоже понравилось. Хотя Кадик не очень любит стихи. Он любит джаз и рок. Он учится играть на саксофоне.

Эди-бэби долгое время не любил стихи. Когда в библиотеке Виктория Самойловна, кутаясь в шаль и кашляя, у нее слабые легкие, предлагала ему стихи, он всегда, иронически ухмыляясь, отказывался. Баловство!

Виктория Самойловна знает Эди-бэби с девяти лет. Он, может быть, самый "старый" читатель в библиотеке. Правда, сейчас Эди-бэби приходит в библиотеку все реже и реже. Ему не до библиотеки. Эди-бэби стал мужчиной, и у него свои дела. Последний раз он видел Викторию Самойловну в июле. А сейчас уже ноябрь, книги давно просрочены. Два тома Валерия Брюсова и стихи Полонского. Эди-бэби не хочет их отдавать, хочет оставить себе. Скажет, что потерял. Однако Эди-бэби стыдно обманывать Викторию Самойловну, и он все тянет с визитом в библиотеку. "Завтра

... на той неделе”, – говорит он себе, и с каждым днем ему все труднее пойти в районную библиотеку. В школьную он давно не ходит, во-первых, он терпеть не может Лору Яковлеву, от нее противно пахнет мочой, во-вторых, там ему нечего читать, он ненавидит школьные книги.

2

Эди-бэби повезло со стихами. Первые стихи, прочитанные им в жизни, Виктории Самойловне удалось все-таки всунуть ему книгу, были ”Юношеские стихи Александра Блока” с нарисованной на обложке веткой сирени. Стихи Блока Эди-бэби открыл в мае, в саду у Витьки Фоменко, как раз цвела в саду именно сирень. Вместе со всем классом Эди-бэби пришел на похороны Витькиной матери. С похоронами произошла задержка – во-первых, похороны оттянул майский ливень, а потом – старухи. Витькина бабушка настояла на том, чтобы ее дочь пришел отпевать священник, в то время как Эди, ужасаясь и поражаясь, захлебываясь, читал, сидя на бревнах, спрятавшись от соучеников в угол сада: ”Снится, снова я мальчик и снова любовник / И – овраг, и в овраге колючий шиповник... Старый дом глянет в сердце мое, / Розовея от края до края, / И окошко твое... Этот голос – он твой, / И его непонятному звуку / Жизнь и горе отдам...”, из старого дома Витьки Фоменко доносилось заунывное пение старух. ”Хоть во сне, твою прежнюю милую руку, / Прижимая к губам...” – и от этих слов Эди хотелось умереть, умереть от любви к Светке, с которой он только на Первое мая познакомился.

Многое началось с Витьки Фоменко. Карьера Эди-преступника тоже. Вообще-то Витька трус – по нему видно, что он трус, – он кругленький, жирненький и небольшого роста. Но у Витьки свой дом, старый деревянный, у самого Турбинного завода расположенный. С другой, не с уличной, а с задней стороны дома Витьки – кукурузные поля,

потом овраг, опять поля, и дальше начинается настоящая деревня.

Еще недавно на месте Салтовского поселка была тоже деревня, но лет десять назад на ее месте стали строить двухэтажные и трехэтажные дома с двумя или четырьмя подъездами, так и построили постепенно поселок. Эди-бэби отлично помнит, как в 1951 году солдаты привезли их — отца, мать и его — на Салтовку. Их дом был еще заперт, и сержант Махитарьян взял кусок толстого железного прута, расплющил его молотком на камне, потом этим прутом он открыл замок, и они вселились. Их сосед по квартире майор Печкуров вселился только через два месяца, а через полгода уже умер. Выселился.

Отец Эди-бэби — старший лейтенант, скоро он будет капитаном. "Никогда, — думает Эди-бэби, — никогда он не будет капитаном, потому что он робкий, как женщина". Мать говорит, что он будет капитаном, но Эди-бэби знает, что его отец занимается не своим делом. Это тоже говорила ему мать, только она не помнит всего, что она говорит. Отцу Эди-бэби не нужно быть военным, ему нужно быть музыкантом, все это утверждают. Он очень талантливый — он играет на гитаре, и на пианино, и на многих других инструментах, и даже сочиняет музыку, а он почему-то старший лейтенант.

Отец Витьки Фоменко — мастер на Турбинном заводе. Денег он получает меньше, чем отец Эди-бэби, но живут они куда лучше и веселее. И у них дом. Эди-бэби живет с отцом и матерью хотя и в большой, и с верандой, но в одной комнате.

Витьку Фоменко перевели из другой школы к ним в класс меньше года назад. Было сразу видно, что он трус, но было видно также, что он веселый трус, и когда Витька пригласил Эди к себе на Новый год вместе с несколькими ребятами и девочками из их класса, Эди пошел. У Витьки Фоменко он и познакомился с Вовкой-боксером, краси-

вым мальчиком с Тюренки. Вместе с Вовкой Эди-бэби ограбил свой первый в жизни магазин.

Тюренка занимает большое место в жизни салтовчан и Эди-бэби. Тюренка начинается за кладбищами — если пройти мимо заросшего зеленью действующего русского кладбища и перейти недействующее еврейское, все в каменных плитах и обелисках, по нему вьется тропинка, растоптанная салтовскими жителями, каждый вечер в хорошую погоду отправляющимися на тюренский пруд за целебной водой, она там испокон веков льется из железной трубы (летом салтовчане толпами ходят на тюренский пруд купаться); за еврейским кладбищем и начинается Тюренка.

Тюренские ребята — все дети "куркулей", как их называют на Салтовке. Живут они в старых частных домах, то есть их родители — частники. Родители тюренских ребят обычно устраиваются на работу на заводы поздно осенью и увольняются, когда сходит снег. Гораздо больше денег, чем за зиму на заводах, тюренские жители зарабатывают летом, когда продают на харьковских базарах свои вишни и яблоки или клубнику. Некоторые имеют небольшое картофельное поле или выращивают у себя на участке помидоры и огурцы. Тюренку еще называют и Тюриной дачей. Говорят, что давно, до революции, у самого пруда находилось имение помещика, по имени Тюря. Так говорит бабка Витьки Немченко.

На Тюренке из их класса, кроме Витьки Немченко, живет еще Сашка Тищенко. Витька Проуторов и докторская дочь Вика Козырева живут у входа в еврейское кладбище. Это еще не Тюренка, это самая дальняя часть Ворошиловского проспекта. Витька Проуторов и Вика ходят на совсем другую трамвайную остановку.

Так как часть тюренских ребят учится в салтовской школе, то отношения у Тюренки с Салтовкой почти всегда хорошие. Иногда случаются стычки, особенно с тюренскими цыганами, их там живет целая толпа, но в общем тюренские и салтовские ребята — союзники. Некоторое превосход-

ство, которое испытывают салтовские ребята, в основном дети рабочих и служащих, по отношению к детям полудеревенских куркулей, вполне уравнивается тем обстоятельством, что тюренцы имеют на своей территории источник минеральной воды, и пруд, и еще часть единственной в миллионном городе реки, в которой возможно купаться. Точнее говоря, один ее берег. Другой берег занимает Журавлевка.

Журавлевская шпана — враги и салтовских, с которыми они не граничат, и тюренцев, с которыми граничат и постоянно дерутся. В основном, большие сражения происходят летом. Две армии обычно сходятся на искусственном острове посередине реки размером с пару квадратных километров — на острове находятся пляжи и большой, нелепый, якобы современный, сделанный из бетона ресторан, который, впрочем, больше похож на немецкие береговые укрепления эпохи Второй мировой войны, чем на место отдыха харьковских граждан.

Прошлым летом, в августе, Эди-бэби участвовал в таком сражении. Ему тогда порезали руку, и он сам, по неосторожности, сломал себе палец. А один из журавлевских ребят умер потом в больнице. Четыреста человек, сказал ему Зильберман, участвовало в этой битве. Эди сделал вид, что он безобидный малолетка и ни в чем не участвовал.

Кадик, который почему-то постоянно вытесняет из жизни Эди-бэби всех его других друзей, говорил Эди-бэби, чтобы он не ходил на побоища шпаны. Кадик одинаково терпеть не может и "своих" — салтовских, и тюренских, и журавлевских, он ездит гулять в "центр" — на Сумскую улицу, там у него свои друзья — джазисты и стилиаги, все они намного старше Кадика. "Эди, зачем тебе все эти "раклы"?" — говорит Кадик. Это его обычная песня. "Зачем тебе раклы, Эди?" За эту песню Кадик — единственный из всех друзей Эди-бэби, кто нравится его матери, потому что это и ее песня.

Эди-бэби считает, что Кадик "тухлый интеллигент".

Выражение это Эди услышал впервые от майора милиции Шепотько. Шепотько поселился в их квартире недавно — после того, как уехал совсем в Иваново-Франковск Вовка Печкуров, последний выучившийся в Харьковском Политехническом Институте сын рано усопшего майора Печкурова. Шепотько упрямо называет мать Эди-бэби — Лариса Федоровна вместо Раиса Федоровна, и он — этот здоровенный пузан в синих галифе — начальник вытрезвителя, впрочем, не в их районе. Так что Эди-бэби живет теперь в одной квартире с мусором.

Кадик — тухлый интеллигент, Эди даже думает, что он боится шпаны, но Эди-бэби интересно с Кадиком. Когда нет дома его матери-почтальонши, Эди-бэби ходит к Кадик у в их девятиметровую комнатку слушать музыку. У Кадика есть "маг" — у очень немногих ребят на Салтовке есть маги. У Сашки Плотникова, к которому Эди-бэби обещал повести завтра Светку, тоже есть маг. Кадик знает все о таких музыкантах, как черный Дюк Эллингтон, или Глен Миллер, или "сам" Элвис Пресли. Кадик поднял Эди-бэби на смех, когда узнал, что Эди не имеет представления о том, кто такой Элвис, и о том, что его недавно взяли в армию (или он вернулся из американской армии, Эди-бэби не помнит).

Если бы Эди-бэби считал, что Кадик трус, он бы с ним не общался. Но Кадик особенный, он не трус, очевидно, Эди-бэби видел, как Кадик однажды набил морду Мишке Шевченко, когда тот стал его высмеивать. Все ребята сидели тогда тут же на Салтовском шоссе под липами на зеленых скамейках. Обычно под липами собираются старшие ребята — штангисты Кот и Лева, только что пришедшие из тюрьмы, — сидели за то, что побили милиционера, друг и покровитель Эди-бэби Саня Красный, Славка Цыган, Бокарев, Толик Дерганый, Фима Мешков, Витька Косой, но он сейчас в армии. Этим ребятам всем уже за двадцать, они не малолетки.

Ага, вот и Кадик. В точно такой же желтой, как у Эди-бэби, с капюшоном куртке, подпрыгивая и корча гримасы, Кадик выбегает из-за серого угла своего дома и машет Эди рукой. Желтые куртки они придумали сами, а сшила их тетя Мотя — соседка Кадика. У него сто соседей, или больше, Кадик живет не в квартире, а у них коридорная система. Осталась от общежития. Модель желтых курток ребята сняли с австрийского альпийского пальто Кадика, которое он привез с фестиваля. Вместе со старшими ребятами из "Голубой лошади" Кадик ездил на фестиваль. Это было год назад, а среди лабухов Кадик отирается с двенадцати лет. Все на Салтовке знают, что Кадик это тот парень, который был в "ГОЛУБОЙ ЛОШАДИ" и ездил на ФЕСТИВАЛЬ.

— Извини, старик, — говорит Кадик. — Маханша, дура, куда-то переложила пласт, который я должен отвезти сегодня Юджину. Все перерыл, так и не нашел. Пласт дорогой. Вот сука, вот блядь старая!..

В отличие от всех других салтовских ребят Кадик и Эди ругаются мало. У других ребят после каждого "нормального" слова следует "ебаный в рот!", или "блядь", или "пизда", или более редкие индивидуальные ругательства. Эди-бэби же ругается только иногда. Он сам не знает, почему так получилось.

До одиннадцати лет Эди-бэби был невероятно примерным мальчиком — каждый год получал похвальные грамоты и несколько лет подряд был председателем совета отряда. Эди-бэби помнит себя с красным галстуком, с маленьким чубчиком идиота, стоящего, подняв правую руку в пионерском салюте, перед председателем совета дружины или старшим пионервожатым и рапортующим: "Товарищ старший пионервожатый!" — дальше следовала пшенная каша из слов, которую Эди-бэби начисто позабыл. Раиса

Федоровна вспоминает о том времени, как о потерянном рае.

В свободное от школьных занятий время Эди-бэби читал все, что попадалось под руку. И не просто читал, а выписывал интересующие его сведения в особые тщательно рассортированные тематически тетрадки. Эди-бэби ни с кем не дружил в тот период, кроме Гришки Гуревича, с которым они изредка играли в карты, — Гришка всегда жульничал и выигрывал — и исследовали окружающие поля и овраги. Гришка, очень похожий на лягушку, необыкновенно умный мальчик, был так же любопытен, как и Эди-бэби...

Можно сказать, что первые четыре года школы до годовых одиннадцати лет Эди-бэби промечтал. Он читал, выписывал и мечтал. Выписывал он многое. Например, из нескольких томов путешествий доктора Ливингстона по Африке Эди мелким почерком исписал восемь (!) 48-страничных тетрадей. На среднем пальце правой руки у Эди появился внушительный мозоль, сам палец искривился, и хотя мозоль постепенно сократился в размерах, палец остается кривым и мозолистым и посейчас. Ночами на его диване Эди-бэби снилось, что он наблюдает солнечное затмение в Африке, в травяной хижине вокруг него разложены никелированные мореходные инструменты для определения местонахождения — широты и долготы, — секстан, астролябия и другие, бьет барабан, и голые туземцы кружатся в соломенных юбочках вокруг изгороди, на колах которой, спокойно моргая глазами, торчат отрубленные человеческие головы.

Вероятнее всего, что Эди-бэби был в те годы практический романтик. Едва научившись читать, он поспешно поглотил огромное количество обычных книг, вроде детей капитана Гранта и пятнадцатилетних капитанов, разбавленных островами сокровищ, прихватив по пути все содержимое родительского книжного шкафа, довольно обширного, в числе родительских книг несколько разрозненных

Мопассанов и Стендалей, которые, впрочем, оставили его тогда равнодушным.

Очевидно, как практический романтик Эди-бэби не удовлетворился бессистемными восторгами Жюль Вернов, Стивенсонов и других авторов и решил пойти дальше — приготовить себя к жизни романтического путешественника крепко и основательно. Посему в последующие годы он, скривив позвоночник, старательно скорчившись за родительским круглым столом, стоявшим в центре комнаты, позже ему купили маленький письменный стол, видя его старания, а то и стоя на коленях, положив книгу и тетрадку на табурет, выписывал латинские названия растений и животных, терпеливо изучал методы добывания воды в Сахаре или названия кактусов, которые возможно употреблять в пищу, оказавшись без еды в мексиканской пустыне.

Его страсть к систематизации простиралась так далеко, что Эди-бэби завел себе специальные каталоги, где растения и животные были растасованы по семействам и родам, со старательно выписанными на отдельные листки данными. О растении было сказано, каких бывает размеров, какого вида у него листья, размер ореха, способ размножения, какие части данного растения возможно употреблять в пищу, где данное растение возможно встретить Эди-бэби в его последующих скитаниях, и рисунок растения. В нормальной стране Эди-бэби не отходил бы от Зирокс-машины. В городе Харькове Эди-бэби переводил рисунки на кальку и затем наклеивал рисунок на лист с данными растения или животного. Строгий порядок царил в мире будущего путешественника и исследователя. Замечательно все же, что предпочтение Эди-бэби отдавал растениям и животным экзотическим, а среди экзотических решительно предпочитал виды и роды тропической зоны. Может потому, что холодный период года длится в Харькове много дольше, чем теплый?

Нетрудно догадаться, что как истинный романтик в сфере мореходства Эди предпочитал парусные суда. Он

мог бы, если бы было кому, Гришку Гуревича родители скоро увезли на другую квартиру, часами говорить о бермудском и латинском парусных вооружениях, о стоячем и бегучем такелаже, о типах якорей, о галсах и узлах, о том, как совершить поворот на зюд-зюд вест, если ветер дует неблагоприятный.

Библиотекарша Виктория Самойловна вначале не верила, что Эди-бэби читает все эти книги со сложными названиями "Фауна Патагонии" или "Записки русского географического общества", работы Дарвина на Галапагосских островах или бесконечные путешествия по миру никому, кроме Эди-бэби, не известных биологов и зоологов — загоскиных и зенкевичей, но однажды, заговорив с бледным мальчиком, только что отстучавшим шапкой с валенок снег, вдруг обнаружила, что зеленое существо все знает. Мало того, существо, вообще-то не любившее читального зала, время от времени вынуждено было в своих изысканиях обращаться к помощи Большой Советской Энциклопедии — посему проводило часы, близоруко (очков существо стеснялось) копаясь в огромных томах, пополняло свои знания.

Такое существо было единственным на весь район, и хотя русские дети традиционно много читали в те годы и в библиотеке всегда стояла очередь, — Эди-бэби вскоре получил исключительное право входить за конторку, где восседала Виктория Самойловна, и копаться в книгах, сколько влезет, хоть весь день. Эди-бэби был счастлив и вскоре присоединил к своим обширным каталогам, которые он хранил с молчаливого согласия соседей по квартире в неработающей ванной комнате (все равно не было горячей воды), еще и каталог геологический. Изучать так изучать!

Фанатический педантизм их дитяти в накапливании знаний выглядел, надо полагать, весьма странно для людей вне его мира, для родителей Вениамина Ивановича и Раисы Федоровны, так как Эди-бэби никому и никогда не хва-

стался своими знаниями, никогда не раскрывал их в школе, что уж и вовсе было непонятным.

Когда же в дополнение к сланцам, песчаникам, известнякам и базальтам мира Эди-бэби вдруг сделал резкий поворот и стал изучать и систематизировать французских и английских королей, римских императоров и даже императоров никому не нужной Австро-венгерской империи, родители не на шутку всполошились.

”Эдинька, ты пошел бы погулял, что ли, — говорила ему мама Рая, — что ты все сидишь взаперти. Смотри, какой ты бледный. Вот Гена все время на улице, у него поэтому розовые щеки — здоровый вид. Пойди, покатайся на лыжах!” Отец-старший лейтенант только что купил сыну лыжи, которые Эди-бэби игнорировал.

Эди-бэби терпеть не мог мальчика Гену из соседнего подъезда, которого ему всегда ставили в пример, и знал, что Гена круглый идиот. Если Эди-бэби и держался до своих одиннадцати лет в школе особняком, его все же уважали, не совсем понятно, за что, может быть, именно за то, что он держался особняком, и в конце концов три года подряд единодушно выбирали председателем совета отряда, хотя Эди это и мало интересовало. Отсидев с большими муками свои шесть часов в школе, Эди-бэби бежал в библиотеку, она находилась по другую сторону трамвайной линии, напрямик от школы, а потом домой, к своим тетрадкам и каталогам. Гену же никто не уважал, ребята над ним смеялись и часто били. Эди-бэби был избит только раз, и он, этот один раз, навечно отразился на психике Эди и даже сформировал его характер. Но об этом дальше. Сейчас Эди-бэби и Кадик пошли к гастроному.

4

Кадик и Эди-бэби встретились, чтобы выпить. Праздник есть праздник, как ты не сторонись козьего племени,

а к вечеру Кадик будет занят — поедет "в центр" к Юджину, его модели-герою, предмету его обожания и подражания, Юджин играет на саксофоне в Доме культуры работников связи. Кадик "гуляет" октябрьские с Юджином и его лабухами. Не очень уверенно, с неделю назад, Кадик предложил Эди-бэби гулять Октябрьские с ним у Юджина на Сумской, но, во-первых, он предложил не очень уверенно, он не "босс", как он сам сказал, взрослые лабухи таскают его с собой, а гордому Эди-бэби не хочется быть еще одним малолеткой; во-вторых, хотя он и знает Юджина, он же Женя Заборов, Юджин не очень нравится Эди-бэби. Может, он и гениальный саксофонист, каким считает его Кадик, но ни Эди, ни Сане Красному, к чьему мнению Эди прислушивается, Саня на семь лет старше, он как бы старший братишка Эди, Эди ему доверяет, — Юджин не нравится.

Не хочет Эди гулять Октябрьские с Юджином еще и по другой причине, о которой он Кадиду не говорит. Из-за Светки. Идти со Светкой в компанию взрослых ребят Эди чуть-чуть побаивается. Светка красивая, все ребята завидуют Эди, что он "ходит", как у них в поселке говорят, со Светкой. К Сашке Плотникову, который учится не у них в восьмой, а в другой школе, Эди-бэби тащит именно Светка. Всех ребят и девочек, которые там будут, Эди-бэби знает. Они все немножко кривляки, особенно Гарик, по кличке "морфинист", и его Ритка, но хотя бы Эди-бэби знает, чего от них ожидать. Эди-бэби впервые стал ходить со Светкой на майские праздники, но уже несколько раз дрался из-за нее. Светка — кокетливая девочка. Эди-бэби не хочет, чтобы напоив его Светку, а она всегда напивается сама, кто-нибудь из взрослых ребят "отжарил" бы ее, он Светку любит, хотя она и стерва. Эди-бэби слышал о таких историях.

Кадик очень добрый парень. Он знает, что у Эди-бэби нет денег, и потому угощает он. Обычно они, как все ребята, "сбрасываются" на бутылку. Как бы там ни было, еще

вчера Эди-бэби угощал Кадика и Толика Карпова, так что сегодня все равно очередь Кадика угощать.

Как всегда в праздничные дни, у гастронома номер семь особенно многочисленная толпа. Здесь не только "ханьги", которые и в будние дни от открытия и до закрытия отираются здесь в расчете выпить за чужой счет, они постоянные, их знают продавщицы, ханьги, как у них в поселке говорят, "играют за сборную гастронома". В праздничный же день тротуар перед гастрономом кипит людскою жижей — к обычным посетителям присоединились нарядно одетые рабочие, успевшие улизнуть с демонстрации, — многие из них в велюровых коричневых или зеленых шляпах и при галстуках, белое кашне на шее — местная харьковская мода. Сразу можно понять, что рабочие не привыкли ни к шляпам, ни к галстукам — шляпы на них не сидят, галстуки режут им шеи, и в конце концов можно видеть, как один за другим, разгоряченные выпивкой, они сдирают с себя галстуки и прячут их в карманы пальто.

Тут же между группками прыгают дети, тоже очень нарядные, обязательно с воздушными шарами. Каждый уважающий себя ребенок на Салтовском поселке не может сегодня обойтись без, по крайней мере, трех воздушных шаров. Жены пытаются оторвать уже изрядно нагружившихся глав семейств от товарищей, по этому поводу возникают мелкие ссоры, но общая атмосфера праздничная, рабочие дружно смеются, если не в меру настойчивая жена пытается вытащить своего супруга из круга соседей или товарищей по работе. "Рукав! Рукав, гляди, не оторви!" — смеются рабочие.

Водку с утра и здесь перед гастрономом пьют немногие — впереди еще целый день и ночь пьянства, потому берегаются, а если и пьют, то покупают бутылку не на троих, а, скажем, на пятерых. В основном же пьют местное украинское вино, называемое на жаргоне "биомицин" — производное от "Билэ мицнэ", что в свою очередь в переводе с украинского означает "Белое крепкое". Водку рабочие на-

зывают "косорыловкой", очевидно оттого, что у проглотившего эту жидкость волей-неволей появляется на лице гримаса.

Между группами оживленных, праздничных рабочих ходят ханыги и предлагают стакан, некоторые же, особенно предприимчивые, имеют с собой подобие закуски — крепко соленный огурец огромного размера или плавленый сырок в станиолевой обертке. Взамен эти "бизнесмены", как в шутку называет их Кадик, имеют право на пустую бутылку. Этот обмен имеет смысл — пустые бутылки возможно тут же сдать, одна пустая поллитровая бутылка стоит 1 рубль 20 копеек, большая — 0,8 литра — стоит 1 рубль 80 копеек, а поллитровая бутылка биомицина (полная, разумеется) стоит 10 рублей 20 копеек. Потому ханыги никогда не бывают трезвыми.

У гастронома номер семь стоит невообразимый шум.

— Пролетариат гуляет! — иронически замечает Кадик и протискивается в двери гастронома. Эди-бэби следует за ним.

Две продавщицы не успевают сегодня обслуживать жадное до вина салтовское население. Гроздь бутылок перекочевывают через прилавок — никому не хочется стоять в очереди, потому рабочие стараются запастись бутылками впрок.

— Стиляги пришли! — орет маленький заебистый мужичонка в белой кепке, натянутой на самые уши, уже пьяный.

Кадик и Эди в своих яркожелтых куртках выглядят, конечно, несколько странно, тропическими птицами в толпе черных и темных больших пальто с плечами или серых, как на подбор, ватных полушубков с меховым, искусственного меха, воротником — пролетарская мода. "Полупердунчики" эти, по выражению Кадика, они, пролетарии, называют "москвичками". Еще год назад пролетарии носили эти полупердунчики с сапогами. Сейчас эта мода почти отошла, только несколько человек в очереди в сапогах.

Стиляги-то стилияги, но свои. Их прекрасно знает и сборная гастронома, и продавщица Маруся, и другая продавщица тетя Шура. Завидев Кадика в очереди, тетя Шура кричит ему, не отрываясь от денег и бутылок: "Как мать, Колька? Я слышала, что приболела немного?"

— Да нет, ничего, тетя Шур. Простудилась немного, но на работу ходит, — отвечает ей Кадик стеснительно.

Правда, только Эди-бэби знает, что Кадик стесняется своей матери-почтальонши. Отца своего Кадик никогда не видел, только однажды коротко сказал Эди-бэби, что отец его знаменитый ученый, но Эди-бэби мало верит в это. Разве станет знаменитый ученый интересоваться маленькой, невидной, сморщенной матерью Кадика — почтальоншей? Даже если учесть, что пятнадцать лет назад она была куда моложе и привлекательнее? Впрочем, Эди-бэби все равно, какая у Кадика мать. Ему Кадик нравится.

Кадик берет две бутылки биомидина, и они вытискиваются на улицу, по пути пожимая с десятков рук. Мелькают лица двух одноклассников Эди-бэби — Витьки Головашова и Леньки Коровина, они только что заняли место в хвосте очереди. Витька и Ленька не стилияги, но ребята интересные, они всегда ходят вместе. Это Витька повел Эди-бэби впервые в секцию борьбы. Витька занимается вольной борьбой уже год, а Эди-бэби только начал. Витька и Ленька ребята современные, не то что большинство салтовских ребят, большинство или шпана, или пролетарии. Родители Эди-бэби, или родители Витьки (его отец — начальник строительства), или родители Вики Козыревой — оба доктора — редкость на Салтовке или Тюренке, или Ивановке. В основном здесь живут рабочие. Вокруг расположено по меньшей мере три больших завода — "Серп и Молот", "Турбинный" и "Поршень". До самого большого в Харькове завода — Тракторного от Салтовки ехать на трамвае полчаса. На Тракторном заводе работает больше чем сто тысяч рабочих, и почти все они живут вокруг завода на Тракторном поселке.

Выбравшись из магазина, Кадик и Эди-бэби находят свободное место чуть в стороне от остальной публики. Свободное место расположено между стеной трехэтажного дома, в котором на первом этаже во всю его длину и помещается гастроном номер семь, и ларьком — обычно в нем продают конфеты, сахар, печенье, пряники. Сегодня, по случаю праздника, деревянное сооружение обвешано огромными замками — ларек закрыт.

Кадик открывает бутылку, ее ничего не стоит открыть — биомидин закрывается металлическими, легко срываемыми пробками, как водка, а не пробковыми пробками, и протягивает бутылку Эди-бэби. Оба, и Кадик, и Эди-бэби, предпочитают пить из горлышка, оба очень хорошо умеют это делать. Эди-бэби может задрать голову, раскрыть рот и вылить туда всю бутылку, почти не взглатывая, как в бочку.

Чего Эди-бэби не может делать, так это пить водку через нос. Кадик выпивает носом стопятидесятиграммовый стакан! Правда, он не делает этого каждый день. Нос жжет. Но для девочек или на спор за деньги делает. Даже выдавшие виды ханыги — сборная команда гастронома — уважают Кадика за это и прощают ему желтую куртку, и узкие брюки, и намазанные бриллиантином волосы.

5

Зато Кадик не может выпить столько водки, сколько может выпить Эди-бэби. Эди-бэби иногда использует свой необычный талант — пьет на спор водку на Конном рынке. Сейчас не часто, потому что там его уже знают почти все мясники и богатые азербайджанцы, раньше же он спорил каждую неделю.

Саня Красный тогда работал на Конном рынке мясником. Обычно у него есть деньги, но в тот вечер им очень хотелось выпить, а денег у Сани не было. Вот тогда они и при-

думали спорить. Они пошли в кафе-закусочную, в забега-ловку, где собираются обычно азербайджанцы, торгующие на Конном рынке фруктами, и там, купив себе и Эди-бэби по кружке пива, Саня Красный стал осторожно подьебывать компанию азербайджанцев за соседним столиком, говорил им, что они не умеют пить.

Слово за слово, Саня в конце концов раззадорил азербайджанцев настолько, что когда он предложил им пить на спор с ним — Саней, кто больше выпьет, их главный — Шамиль, он местный азербайджанец, он и живет у Конного рынка, сказал:

— Давай пить! Хотя ты, Красный, такой здоровый, что с тобой спорить будет не очень справедливо. Мы, азербайджанцы, пьем больше вас, русских, но мы меньше вас.

Саня действительно метр восемьдесят ростом, и в его 22 года толстый и здоровый и весит 100 килограмм. По-настоящему Саня даже и не русский — он немец. Его маму зовут Эльза, отца Сани никто никогда не видел, но как друг Сани Эди-бэби знает, что его отца звали Вальтер, как пистолет. И он тоже был немец. Сестра Сани, Светка, родилась от другого отца, уже русского. Мама Эльза работает билетершей в клубе "Стахановец". Красным Саню зовут потому, что вся кожа у него розовая, таким он родился. И лицо тоже розовое. Саня похож на Геринга, Эди-бэби это нравится, он видел фотографию Геринга в книге о Нюрнбергском процессе и видел его в цветном фильме о Великой Отечественной войне. Он тоже розовый, как Саня. Был.

— Не шестери, Шамиль, — сказал тогда Саня. — Не только я, но даже вот этот, — и он показал на Эди-бэби, — мой браток, перепьет любого из вас. Да, Эд? — спросил он Эди-бэби, для солидности называя его Эд. Вообще-то они заранее сговорились, как будут себя вести. Сам Саня не мог выпить столько, сколько выпивал безобидный на вид Эди-бэби.

— Этот? — переспросил, ухмыляясь, Шамиль, и оглядел Эди. — Да ему два дня до смерти осталось и без водки!

Азербайджанцы, или черножопые, как их за глаза называл Саня, расхохотались.

— Этот парень выпивает литр, — сказал Саня. Хладнокровно сказал.

— Не пизди, Красный, — сказал Шамиль, начиная злиться. — Он умрет, выпив литр.

Эди-бэби подумал про себя, что какие все же наглые эти черножопые. Наглые и заебистые хари. Однако денег у них очень много. Они привозят свои фрукты в Харьков и продают их тут в тридорога. Витька Косой, приехав недавно в отпуск из Москвы, где он служит, повезло человеку, раскололся как-то по пьянке, рассказал, что уходя в армию (терять ему особенно было нечего, все равно забреют, а попался бы, ну дали бы семь лет, вместо трех в армии, и освободили бы ввиду первой судимости по половинке), он и еще двое ребят грабнули азербайджанцев, сев с ними в поезд, идущий в Баку. Чемодан денег взяли. Косой смеялся и говорил, что дело было не очень опасное, потому что в милицию заявлять азербайджанцы все равно не пошли бы: мандарины, которые они продают как колхозные, на самом деле частные, и такие деньги, какие есть у азербайджанцев, у нас в Союзе иметь не разрешается. Главное, что они, суки, всегда вооружены, когда деньги везут. Убить могут.

Эди-бэби очень спокойный внешне, он себя тренирует. "Ебанные азербайджанцы!" — только и подумал он, а вслух сказал: "Четыре двухсотпятидесятиграммовых стакана за час, каждый с перерывом в пятнадцать минут".

Азербайджанцы затихли. Ни один из них не может выпить столько водки. Эди-бэби знал. Редко кто может. Научил его пить дядя Жора из их дома, только из другого подъезда — Ванькин отец. Дядя Жора был во время войны в плену в Германии, а потом ездил с его хозяином-немцем во Францию.

Вначале дядю Жору загнали на шахту в Руре, Рурский угольный бассейн — как у нас Донбасс — и дядя Жора там

работал. Немцы на его шахте были ничего ребята, как раз хуже всех были свои русские — бригадиры и надзиратели, немцы же даже в шахту спускаться не любили, считали, что для этого достаточно иностранных рабочих. Дядю Жору заметил немец-инженер, Стефаном его звали — заметил однажды, что дядя Жора водку пьет и не пьянеет. И немец этот придумал идею. Он стал забирать дядю Жору с шахты, вначале на пару дней, и возить его в город. Эди-бэби не помнит, какой там немецкий город был поблизости — вечером дядя Жора пил водку в их кабаке, удивлял немецкий народ. Стефан все это удивление очень драматически обставил — били в барабан тревожную дробь и на столе рядом с дядей Жорой выстраивали ряд больших граненых русских стаканов. Дядя Жора был одет в якобы русский национальный костюм — костюм Стефан купил для дяди Жоры в театре. На самом деле костюм был венгерский.

В конце концов, так как дядижорино всенародное поглощение водки стало пользоваться большой популярностью, Стефан ушел с шахты, забрав дядю Жору, якобы дядя Жора поступил к нему в личное услужение. На самом деле оба они преспокойно добывали себе деньги и в конце-концов добрались даже до Парижа.

”В Париже, — говорил дядя Жора с удовольствием, вспоминая свое славное прошлое, — я выступал в знаменитом ”Фоли-Бержер”. Афиши висели по всему городу: ”Сегодня русский медведь пьет у нас водку!”

Дядя Жора говорил, что пить научиться невозможно. С луженой глоткой и желудком нужно родиться. Но, — говорил дядя Жора, — даже хороший выпивоха должен знать, когда и сколько можно выпить. Бывали периоды, — говорил дядя Жора, — когда я отказывался от ”выступлений”, потому что чувствовал, что в эти дни мой желудок не может работать с водкой так хорошо, как обычно. Как ни ругал меня Стефан, обвиняя меня в том, что срываю прекрасный ангажемент, что мы теряем деньги, я никогда не соглашался. И поэтому до сих пор жив, — говорил назидательно дядя Жора.

Эди-бэби подозревает, что дядя Жора подвирал чуть-чуть. Например, действительно ли он мог "выступать" в "Фоли-Бержер"? Да и был ли он вообще в Париже?

Как бы там ни было, сам Эди-бэби открыл, что он тоже родился с луженым желудком, не так давно. Позже это открыл и Саня Красный. Несколько советов дяди Жоры, впрочем,годились Эди-бэби в его жизни: "Перед большой выпивкой прими стаканчик постного масла — смажь желудок, если боишься опьянеть, — учил дядя Жора. — После выступления, даже если ты не пьян, положи себе за правило пойти в туалет и, заложив два пальца в рот, вырви, не стесняйся. Правда, старайся делать это так, чтобы никто не видел и не слышал, — береги свою честь бойца. И еще не закусывай — между стаканами можешь сжевать соленый помидор или огурец или хватить чуть-чуть рассолу, но и только. Закуска с большой выпивкой не идет. От закуски пьянеешь больше".

Вооруженный этими знаниями и луженым желудком, бледнолицый, 57 килограммов при 1 метре 74 сантиметрах роста, Эди-бэби сидел против орды загорелых черножопых. Они галдели между собой по-азербайджански. Азербайджанцы — они же турки, знал Эди-бэби. Эди-бэби частью татарин, мама его татарка, стоит посмотреть на ее скулы, к тому же она из Казани. Отец в шутку называет мать "татаро-монгольское иго". Но серьезно и украинец-отец, и русско-татарская мать считают себя русскими. Что и есть правда. Кто же они еще? В их классе даже настоящие украинцы стесняются говорить по-украински, это считается деревенским. Все ребята называют себя русскими. Даже евреи Яшка Славуцкий, Сашка Ляхович, Людка Рохман...

Эди-бэби сидел против черножопых и ждал, что они решат.

— 500 рублей ставлю, что выпьет, — сказал Саня, дотянув свое пиво.

Эди-бэби знал, что у Сани в кармане может быть наберется пару рублей мелочью. Но Конный рынок был его тер-

риторией, даже если бы они проиграли, он бы вывернулся как-нибудь. Но они не проиграют – это исключено, Эди-бэби до этого выпивал литр.

– Хорошо! – сказал наконец Шамиль, отвлекшись от своего варварского языка. – Азербайджанский народ не любит водку. Мы пьем вино и чача. Но я ставлю 500 рублей и отдам их ему, если этот "малыш" действительно выпьет четыре стакана и не умрет.

Сука! – подумал Эди. – Решил унижить. Ну и хуй с ним. За пятьсот рублей рабочие с Салтовки вкалывают по полмесяца. А тут за один вечер. Конечно, придется поделиться с Саней, но без Сани азербайджанцы не стали бы с ним и разговаривать. Саню знают все, и Сане они отдадут деньги. Ему бы, будь он один, хуй бы отдали...

Красный еще немного поторговался с азербайджанцами, чтобы они заплатили за литр водки и полкило соленых помидор. В кафе пить водку официально не разрешалось, но мало ли что не разрешается. Водка и помидоры появились через пару минут. И стакан – двухсотпятидесятиграммовый. Один.

Помня заветы дяди Жоры, Эди-бэби потребовал еще три стакана. Повысить драматизм ситуации. Открыв обе бутылки, Саня Красный разлил их до капли в выстроенные в ряд четыре граненых сосуда. Толпа стала собираться вокруг столика. Саня Красный снял с руки золотые часы и положил на стол. "Начали?" – спросил он тревожно, поглядывая вопросительно на Эди-бэби. Это был первый раз, и он тревожился. Эди-бэби кивнул и протянул руку за стаканом...

6

Конечно, они выиграли. Эди-бэби был пьян, но не до бессознания. Поэтому он помнит, как к нему подходили целовать его пьяные базарные ханыги, говоря что он моло-

дец, постоял за русскую честь как следует, показал черножопым, что такое русский человек. Позже какой-то толстый дядька с портфелем, назвавшийся писателем-сатанистом Мамлеевым из Москвы, долго тряс Эди руку, благодаря его за то, что он доказал, "что у нас даже дети умеют летать". Фразы этой Эди-бэби не понял...

Желая ободрить побежденных азербайджанцев, Эди-бэби сообщил им, что у него мать татарка, отчего азербайджанцы вежливо просияли и вежливо же пригласили Эди к себе в Азербайджан, где они найдут ему хорошую жену.

Саня же Красный беспрестанно хлопал Эди по плечу и восхищенно повторял: "Молодец, бля, Эд! Хоть у тебя и нет жопы, но молодец!"

Насчет жопы — это любимая Санина шутка. У всех старших ребят, собирающихся на Салтовском шоссе под липами у трамвайной остановки, есть жопы, а у тощего Эди-бэби нет. Санина шутка с бородой, грубая, но дружеская. Дело в том, что салтовские ребята усиленно "качаются", — моду эту несколько лет назад вместе с волной увлечения вообще спортом невесть откуда занесло на Салтовку. Говорят, что через польские журналы с фотографиями культуристов. "Качаются" обычно гантелями и эспандером, а самые рьяные и штангой. Аяксами и Ахиллами — греческими атлетами — расхаживает летом большинство салтовских ребят по "нашей" стороне Журавлевского пляжа, ловя на себе заинтересованные взгляды городских красавиц, девочек из центра. Вообще Салтовка, могучая и вольная Салтовка, презирая слабый и развращенный центр города и сама себя городом не считая, все же в сущности преклоняется перед городом и все время на него оглядывается. Салтовские ребята качаются беспрерывно, по несколько часов ежедневно, вынося свои штанги и другие гимнастические снаряды из маленьких комнатушек, где они скученно живут с родителями, на вольный воздух, даже на снег, все исключительно с одной только целью — летом показать свои мускулистые жесткие тела де-

вочкам из центра. И слабым и сутулым юношам из центра, студентам из центра. Мощная Салтовка!

Эди-бэби тоже пробовал качаться. Но у Эди-бэби все равно нет жопы. Мышцы его упругие и сильные, тело стройное, но мышцы Эди-бэби не увеличиваются. Кот и Лева сказали Эди, что отчаиваться ему не следует, что у Кота была та же самая история, пока он, Кот, не вырос, что, может быть, Эди-бэби еще растет. Вот когда вырастет, тогда ему можно будет заняться мышцами. "В твоём возрасте, Эд, штангу тягать даже вредно", – сказал Эди Кот.

Витька Косырев, по кличке Кот, симпатичный парень, и даже интеллигентный, хотя и работает слесарем-лекальщиком. Кот живет с матерью в маленькой чистенькой комнатке в пятом доме. На Салтовке все так друг о друге и говорят с номерами домов: "Лысый из третьего дома", "Генка из одиннадцатого"... Пятый дом находится у самой трамвайной остановки, от скамеек под липами до пятого дома двадцать шагов.

Сестра Кота вышла замуж за венгра и живет теперь в Венгрии, откуда присылает в Харьков посылки и, приезжая в отпуск, привозит Коту и матери красивую венгерскую одежду. Кот не стилига, но он носит яркие венгерские брюки, венгерские, веселых цветов, пиджаки и свитера. Половину вещей он отдаст другу Лева, но на Лева те же вещи выглядят совсем по-другому – его фигура штангиста, тяжелая и бесформенная, не то что у Кота – Кот высокий и широкоплечий. Лева же как здоровенный мешок. На Лева венгерские тряпки висят хуже русских. Кот и Лева большие друзья, вместе и избил милиционера, а пистолет его выбросили. За что и получили по три года. Получили бы больше, но милиционер был пьяный. Кот и Лева герои...

7

Эди-бэби и Кадик выпили одну бутылку биомидина

и принялись за вторую, покуривая, когда Кадик вдруг выпалил:

— Эй, Эди-бэби, я совсем забыл. Завтра у "Победы" будет поэтический конкурс. Почему бы тебе не почитать свои стихи?

— Где у Победы? — спросил Эди-бэби. Он не понял.

— Ну, у "Победы", у кинотеатра. Часть народного гулянья. Можно записаться, выйти, и прочесть свои стихи. А потом жюри будет распределять призы, — сказал невозмутимый Кадик и закурил свою "Яву". — Стихи должны быть написаны тобой, и все, что хочешь, то и читай. Лучше, правда, показать им до выступления текст стихов. Можно прочесть два-три стихотворения.

— Откуда ты все это знаешь? — спросил Эди-бэби недоверчиво.

— В газете прочел, — сказал Кадик. — "Социалистычна Харкивщина". У маханши на столе валялась. Пойди, Эди-бэби, покажи козьему племени, как нужно писать стихи. Хочешь, я пойду с тобой?

— Но там же десятки тысяч людей, — сказал Эди-бэби недоуменно.

— Ну и хорошо. Ты же никогда не читал для такой большой кодлы. Оборудование у них сильное, хорошие усилители, сильные "майки", — сказал Кадик с некоторой долей зависти к их "майкам" и усилителям. Все будет слышно. Пойди, девочки увидят. Станешь знаменитым. А, Эди, пойдем?

Кадик верит в Эди-бэби, хотя и не очень любит стихи, но верит, что Эди-бэби талантливый. Кадик хочет, чтобы Эди-бэби стал знаменитым, и все время лезет к Эди с проектами. Однажды он даже потащил Эди-бэби в местную молодежную газету "Комсомольська Змина", только ничего тогда из этого не вышло, стихи Эди они не напечатали. Газета находится на его, Кадика, любимой улице, на "Сумах" — как коротко говорит Кадик. С Эди-бэби он не употребляет всего своего жаргона, Эди не понимает половину

и подсмеивается над Кадиком. Со своими стилиягами из центра он говорит на жаргоне. На их языке сказать, например: "Я иду по Сумской" будет: "Хиляю по Сумам". "Есть" – будет "берлять" и т.д.

– Давай пойдем, чувак? – говорит Кадик проситель-но, но вдруг останавливается и смотрит куда-то за Эди-бэ-би с раздражением.

– Что делают здесь уважаемые чуваки в столь ранний час? – раздаётся из-за спины Эди-бэ-би знакомый голос. Да-же не оборачиваясь, Эди-бэ-би безошибочно знает, кому он принадлежит – Славка Заблодский, по прозвищу Цыган, собственной персоной выбрался к Гастроному. От Славки не так легко отделаться, он прилипала, хотя и ханыгой его не назовешь. Личность он темная.

Темная и интересная. Плохо, что Кадик не любит Славку, хотя должен бы был любить, Славка тоже каким-то боком, и очень короткое время, но принадлежал к организации "Голубая лошадь". Харьковская "Голубая лошадь" в свое время прогремела на всю страну – случилось это два года назад, после статьи в "Комсомольской правде", когда харьковские стилияги стали самыми знаменитыми. В газете писали, что ребята и девушки "Голубой лошади" крикливо одевались, не работали, слушали западную музыку и устраивали оргии. Эди-бэ-би как-то спросил Кадика про оргии. Тот сказал в ответ небрежно, что да, "чуваки керяли, слушали джаз и борали чувих", но что козьему племени не понять этих удовольствий, так как козье племя только и озабочено тем, как бы поскучнее прожить свою жизнь и не дать другим повеселиться.

– Уважаемые чуваки, конечно, керяют в народный праздник, – продолжает Славка, выходя из-за плеча Эди-бэ-би. Эди-бэ-би не поворачивается, чтобы увидеть Славку, он воспитывает в себе мужской характер. В данном случае он подражает персонажу одного из нескольких ковбойских фильмов, которые Хрущев привез из Америки и разрешил показывать населению, – Эди-бэ-би хочет быть невозмутимым.

— Уважаемые чуваки Кадик и Эдик присоединились к народным массам и дружно заглывают биомицин в годовщину Великой Революции, — говорит Славка и, заранее протягивая руку за бутылкой, объявляет: — Последний оставшийся в живых представитель антисоциальной организации "Голубая Лошадь" тоже хочет выпить с народными массами.

— Ты уже кернул, Цыган, хватит с тебя, — бурчит Кадик, но все же дает ему бутылку. Славка жадно всасывается в нее. Несмотря на холод и время от времени начинающий лениво падать сухой снег, Славка в белом, почти летнем плаще — на ногах его какие-то неопределенного цвета опорки, непосредственно переходящие в черные узкие брюки с широкими манжетами.

Заметив взгляд Эди-бэби, Славка, оторвавшись наконец от бутылки и переводя дух, говорит: — Что смотришь? Никогда не видел аристократа в несчастье? Вчера вернулся из Таллина. Украли чемодан.

Эди-бэби уверен, что Славка врет, что у него украли чемодан. Это он, Славка, спокойно может украсть чемодан, однажды он это сделал — украл чемодан у своего приятеля — трубача Коки. Они вместе ехали именно из Таллина, все стилиаги ездят туда время от времени, у них модно ездить в Таллин.

Именно из-за этой истории Кадик не любит Славку Цыгана — он нечист на руку. Но главная причина его неприязни к Цыгану заключается в том, что Кока — друг Юджина. Кадик всегда на стороне Юджина. Воровство среди салтовских ребят не считается предосудительным, но воровать у своих — подло. Если бы Цыган украл не у стилиаги, а у шпаны, у тех ребят, с которыми водится Эди-бэби (Кадик почти единственный стилиага среди его знакомых), ему бы "пописали" бритвой рожу. "Пописать" — значит порезать. Можно пописать ножом, зажав его в руке так, чтобы острое выступало только на пару пальцев, чтоб не убить. Можно пописать бритвой — безопасной, разумеется. Попи-

сать — это значит проучить, оставить память — шрамы, чтоб думал в следующий раз. С возраста одиннадцати лет Эди-бэби ходит с опасной бритвой в кармане пиджака. На Салтовке и на Тюренке все с чем-нибудь ходят: в основном с ножами, у Борьки Ветрова часто с собой ТТ, Костя Бондаренко, в дополнение к финке, пришитой у него ножнами к подкладке пальто, носит с собой еще и увесистую гирьку на цепочке.

Эди-бэби разглядывает Славку и думает, что вид у него затасканный. Где-то он определенно шлялся, может, не в Таллине, но в поселке его не видели с весны. У Славки длинный нос, черные волосы и черные глаза и очень редкая, оливковая кожа, за что его и прозвали Цыганом. Он — старший брат. Его младший брат — очкастый Юрка — считается в поселке интеллигентом, за то что носит очки и усердно учится в техникуме. Над Юркой ребята посмеиваются, но все же неплохо к нему относятся — он человек понятный — работает днем на заводе "Поршень", а вечером бежит в свой техникум. Славка же паразит, по стандартам Салтовки он уже старый — ему 24 года, но он не только не работает, многие ребята не работают, Кадик тоже не работает, но Славка — попрошайка. У Славки никогда нет денег, и все его время уходит на то, чтобы найти возможность "вернуть" за чужой счет. Иногда, как в это лето, Славка куда-то пропадает, потом появляется опять. Вообще-то, думает Эди-бэби, поглядывая искоса на Славку, в то время как Кадик и Славка обмениваются неприязненными репликами, Славка Цыган похож на хоряка. "Противноватая личность", — думает Эди-бэби, созерцая засохшую в одном из углов Славкиного рта пленку слюны. "А мы еще пили с ним из одной бутылки", — брезгливо думает Эди-бэби. Но Эди-бэби испытывает слабость к Славке, потому что он любит слушать Славкины истории.

— Нет, мэн, — говорит Славка Кадику, — твой Юджин не тянет на приличного саксофониста. Для Харькова он, может быть, и сходит, но есть и другие города, чувак. В

Прибалтике, чувак, не говоря уже о маме Москве, его спустят с эстрады...

— Чувак, чувак, что ты несешь! — возмущается Кадик. — Я был с Юджином на фестивале! Юджин играл с американцами. Сам Билл Новак пригласил Юджина поиграть с его оркестром. Юджин — саксофонист высокого класса, мирового класса, чувак!

— Кончай, кончай, Кадиллак, захваливать своих друзей, — скрипит Славка. — От этого ты сам поднимаешься в своих собственных глазах. Не говори этого мне, чувак Кадик, я изучал экзистенциализм, читал работы Сартра. Вы все поверхностны, чуваки... — говорит он, призывая Эди-бэби в свидетели, заглядывая ему в лицо...

Эди-бэби не хочется вмешиваться в их спор, пусть разбираются сами. Он не знает, хороший ли саксофонист Юджин, или нет. Отец Эди-бэби давно открыл, что у Эди-бэби нет слуха и голоса у него тоже нет. Поэтому Эди-бэби спокойно знает, что в области музыки он профан, и все музыкальные способности ушли в их семье к отцу. Так говорит мать. Для Эди-бэби ничего не осталось.

Славка и Кадик спорят, толпа у Гастронома меняет свои очертания, одни группы распадаются, люди уходят, другие рабочие, возвратившиеся с демонстрации, пополняют собою ряды... Эди-бэби знает, что так будет до самого позднего вечера, до закрытия магазина. Здесь как бы клуб, и даже часам к семи, когда советский народ и народ Салтовки официально сядет за столы, чтобы отпраздновать 41-ую годовщину Великой Октябрьской Социалистической революции, здесь все еще будут стоять мужики и ребята и спорить до хрипоты, и орать, и обниматься, и пить свой биомин или портвейн. Они так привыкли, и ничего уже нельзя сделать. Мало того, даже позднее, часов после десяти вечера, мужики будут под любым предлогом рваться от праздничного стола, от семьи — сюда.

Настоящий клуб, и он же кинотеатр "Стахановский", с плюшевыми занавесями, с мраморным фойе, с большим

залом, с плюшевыми же красными стульями и креслами, — совсем рядом, за углом, но мужики и ребята туда не ходят. Во-первых, там не продают биомидин и водку, и нельзя приобрести огурец или плавленый сырок, и не ходит бабка Луша и ханыги со стаканами, и нет свежего воздуха и поземки, метущей в рожу, как сейчас, или мелкого дождя и солнышка, когда лето. Во-вторых, если б и стали вдруг продавать в клубе биомидин и водку, мужики и ребята все равно туда не пошли бы. Они стесняются клуба, его важных портретов старых мужчин с галстуками, клубного красно-вишневого плюша и опрятной курительной комнаты. К тому же там, в жарко натопленном помещении, быстро пьянеешь. Эди-бэби знает сына директора клуба — Юрку Панченко, иногда он использует это знакомство для того, чтобы прощиться в клуб на танцы, но очень редко. Ребята не любят "Стахановский" клуб, предпочитая ему куда более уютный маленький "Бомбей", а для серьезных развлечений ездят в ту же "Победу" на трамвае.

Огромное здание клуба и кинотеатра "Победа" продукт первой советской конструктивистской мысли, возвышается бетонным кубом посередине площади, где происходят многотысячные народные гулянья не только по праздникам, но и по субботам тоже. Несмотря на конструктивизм, "Победа" напоминает увеличенный греческий Парфенон. В самом доме культуры "Победа" сотни помещений, а за зданием расположен обширный парк, в левом крыле парка вместительная, на тысячу танцоров, летняя танцплощадка. Туда и ездят салтовские и тюренские ребята для серьезных развлечений и грандиозных, несколько раз в году, обыкновенно летом, драк.

Территория Победы принадлежит Плехановке. Плехановка — это уже город. Множество ребят живут в районе длинной Плехановской улицы, чуть меньше, пожалуй, чем на Тюренке и Салтовке вместе взятых. Обычно плехановцы держат нейтралитет и позволяют одинаково Тюренке и Салтовке, с одной стороны, и их врагу — Журавлевке, с

другой, приезжать "к Победе", как говорят все ребята. Но иногда плехановцы хитро переходят на сторону того или иного противника, и тогда начинается настоящая партизанская война с засадами, набегами, ножевыми ударами в спину. Порой кого-нибудь убивают.

8

Кадик у нужно уходить. Эди-бэби думает, что ему еще рано уходить, но ему неприятен Славка Цыган.

— Пока, Эди-бэби, — прощается Кадик. — Пошли, пошли завтра к Победе, исполнишь? Хочешь, я за тобой зайду часов в шесть?

— Заходи, — соглашается Эди. — Я не уверен, что буду исполнять для козьего племени, но хоть выпьем. И мать заткнется, поговорив с тобой. Она тебя любит.

Кадик уходит, жестко стуча подкованными туфлями по асфальту. Такие же туфли и у Эди-бэби, вернее такие же огромные, почти лошадиные подковы привинчены к его туфлям тоже. Это их совместное изобретение. Подковы сделаны из особой твердейшей стали. Чтобы просверлить в каждой из них три дыры для шурупов, бедный Эдька Додонов сломал несколько победитовых сверл. Зато Кадик и Эди-бэби щеголяют своими подковами и узнают по ним друг друга в темноте, — дело в том, что если слегка возить каблуками по асфальту при ходьбе, то за туфлями тянутся длинные красно-желтые искры — дуги. Посмотришь — искры на другой стороне темного Салтовского шоссе, значит Кадик идет, кто еще?

Славка Цыган и Эди-бэби курят некоторое время, осматриваясь. Завидев, что к Витьке Головашову и Ленке Коровину подошел Колька Варжайнов, Эди-бэби отходит к ним, ему нужно сказать несколько слов Кольке. Цыган тянется за ним. Эди-бэби, конечно, может сказать Цыгану

”отъебись!” — но ему неудобно. Цыган хоть и приставуч, как ханыга, но старый человек, хуля с него взять.

Ребята все здороваются, Колька Варжайнов снимает перчатку.

— На, глотни, Эд, — говорит ему Ленька. Ленька был самый маленький в их классе еще прошлой весной. За лето он внезапно превратился в гиганта. С непривычки он еще немного сутулится, не зная, что ему с его новым телом делать. Ленька протягивает Эди-бэби бутылку биомидина. Эди-бэби глотает и чувствует напряженную энергию Цыгана рядом с собой, тот готов схватить бутылку именно в тот момент, когда Эди-бэби отнимет ее от губ.

Так и есть, хватает. В другое время ребята послали бы его спокойно на хуй, но сегодня праздник, у всех есть какие-то деньги, все великодушны.

— Ох, хорошо! — говорит Цыган, переполовинив бутылку. — Спасибо, чуваки, уважили старика, я на мели. В следующий раз бутылка за мной.

Все знают, что у Славки никогда нет денег, какой там следующий раз!

Эди-бэби отводит Кольку Варжайнова в сторону.

— Достал? — спрашивает он негромко.

— Только в понедельник, Эд, — говорит Колька виновато. — Все гуляют, — оправдывается он.

С виду Колька вполне нормальный представитель козьего племени — рабочий подросток, слесарь. На голове у него глупая белая кепка, какие большинство нормальных людей уже давно не носит, неизменная серая москвичка его подпоясана таким же поясом. На ногах — яркоохровые, почти апельсинового цвета туфли. У Кольки определенное пристрастие к этому цвету обуви. Эди-бэби помнит его апельсиновые же, сделанные из плавленной резины ручную полугалоши-полусапоги, в которых Колька впервые появился в 8-й средней школе, во втором ”Б” классе много лет назад. Колька отучился свои семь классов и ушел,

как многие ребята, на завод слесарничать. Он же не Сашка Плотников, ему не нужен университет.

Но вряд ли Колька удержится на своем заводе, — думает Эди. — За его невидной внешностью, русской конопатой рожицей и маленьким носиком скрывается ловкий и неглупый "бизнесмен", как называет их Кадик, — другой Колька. Торгует он многими вещами, в том числе и очень редким товаром — редким даже здесь, среди Салтовской шпаны, — у него можно купить пистолет. Эди-бэби и Костя уже купили у него один "ТТ" для работы, теперь он должен достать второй. Достает их Колька, по всей вероятности, у солдат, которые просто воруют оружие в части — у офицеров.

Колька Варжайнов очень уважает Эди. Началось это еще во втором классе "Б". Кто-то сказал ему, что отец Эди-бэби генерал, хотя и тогда, и сейчас отец Эди-бэби был и остался всего-навсего старшим лейтенантом. Генеральство постепенно отделилось от Вениамина Ивановича и от Эди-бэби, но уважение сына полудеревенского сезонного рабочего перед сыном "генерала" осталось.

— Смотри, — говорит Кольке Эди-бэби. — Костя просил побыстрее, "пушка" нам скоро понадобится.

— В понедельник железно будет. Скажи Коту, пусть не беспокоится.

Костя Бондаренко, или "Кот" — другой Кот, в отличие от Кота-штангиста, — ближайший друг Эди-бэби. Он и Кадик соперничают. Вернее, всегда был Костя, а только потом появился Кадик. Костя и Эди-бэби в одной банде. Кадик догадывается, что у них банда, но не знает точно. Костя — главный, он — атаман, он распределяет, кому что делать, и назначает объекты. Еще в их банде Гришка, Ленка Тарасюк, и порой Костя приводит еще ребят, но они не постоянные, ограбив с ними один магазин, ребята эти, как правило, исчезают. Один раз даже Гарик-морфинист участвовал с ними в ограблении. Но основа банды — это Костя, и Эди-бэби, и Гришка.

9

Почти все ребята на Салтовском поселке — шпана. Только некоторые, как Кадик, — стилиаги, или, как Сашка Плотников, — интеллигенты, они мечтают пойти учиться в университет и стать потом инженерами или докторами. По сути дела, так как его отец военный, Эди-бэби должен бы быть с ними — с немногими, с "интеллигентами", с компанией Сашки Плотникова или Алеши Волина (в его сестру Эди-бэби был влюблен весной до Светки), но Эди-бэби почему-то их не любит и предпочитает им шпану.

Шпаны в поселке большинство. Например, "третий дом" — целый огромный квартал, а не дом, построенный замкнутым четырехугольником — внутри которого двор, размером с футбольное поле, застроенный сараями; третий дом весь населен шпаной. Только одна девочка из их класса, живущая в третьем доме, — Ларка Гаврилова — не принадлежит к шпане, ее отец — бухгалтер, а мать — еврейка. Остальные ребята все шпана. И Витька Ситенко, и Витька Карпенко, и Вовка Климчук, и Лисица, и Жирный... все. Мало того — старшие братья ребят из третьего дома тоже шпана, многие из старших братьев сидят или сидели в тюрьме. Отцы ребят из третьего дома, у кого они есть, тоже прошли через тюрьму. Только сейчас, имея взрослых детей, большинство отцов "завязало", наконец, с преступным миром и работают на заводах, на всяких, в основном тяжелых, работах — в литейном цехе, сталеварами и обрубщиками, или на конвейере — работа тяжелая, но хорошо оплачиваемая, отцам нужно много денег, детей у них у всех много.

Эди-бэби любит шпану. Но он, конечно, понимает, что рано или поздно ему придется расстаться со шпаной. Хорошо быть шпаной, когда ты малолетка, но быть приклатненным пролетарием Эди-бэби не хочет. Он, как и Костя, хочет стать знаменитым преступником.

Знакомство Кости и Эди-бэби началось с жуткой ссо-

ры между их родителями. Костю перевели к ним из другой школы, это было в третьем классе, классным руководителем у них тогда была красивая армянка — Валентина Павловна Назарьян. Эди-бэби не обращал никакого внимания на Костю, пока однажды, торопясь в библиотеку, а потом домой, к своим любимым книгам (его задержали, Валентина Павловна оставила его, председателя, и членов совета отряда после уроков — объясняла им подробности экскурсии на завод, которая должна была состояться в воскресенье), на вешалке своего пальто Эди не обнаружил.

Уже тогда у Эди-бэби была близорукость, а может быть, он и родился с близорукостью, неизвестно. Известно, что когда мать Эди носила его беременная в животе, у нее началась малярия и врачи давали ей хинин. Очевидно, слишком много давали, потому ребенок родился близоруким — так теперь считает мать. Но в то время только Эди-бэби знал, что у него близорукость, и боялся кому-либо об этом сказать, ему было неудобно. Путешественник и отважный моряк не имеет права носить очки, — думал Эди-бэби.

Как бы там ни было, даже близорукий Эди-бэби понял, что на вешалке висит тоже темное, похожее на его, но не его пальто. Пальто Эди было новое, родители только что купили ему пальто. На вешалке висело старое пальто, порядочно истертое на обшлагах, локтях и воротнике.

В восьмой средней школе в раздевалке не было слуг. Каждый вешал свое пальто, приходя, на вешалку своего класса и, уходя, сам же забирал его. Эди-бэби стеснительно попытался выяснить судьбу своего пальто у обслуживающего персонала школы, но ни дядя Вася швейцар, ни его жена, которую звали "Васильевна", не могли сказать ему, где его пальто. Потому Эди-бэби, более не желая никого собой утомлять, одел чужое пальто и пошел в свою любимую библиотеку, выбрал несколько очередных географических книг, и пришел домой.

Дома мать устроила ему скандал. Скандал был не-

справедливый, потому Эди-бэби встал с табурета, сидя на котором он ел на кухне борщ, не доев его, любимый борщ, демонстративно, и удалился на свою веранду. Традиционно веранда была его территорией. Поэтому он ушел на веранду и, закутавшись в одеяло, углубился в свои изыскания.

Вечером пришел с работы отец, снял сапоги, в единственной комнате сразу завоняло кожей и портянками, потому мать выставила сапоги и портянки на веранду.

— Выйди на кухню, отец хочет с тобой поговорить, — сказала мать.

Отец тоже устроил Эди-бэби скандал. Тогда они еще устраивали ему скандалы. Отец сидел на табурете, между двумя кухонными столами, их и соседским — печкуровских детей, там же до этого сидел Эди-бэби, и отец тоже ел борщ.

— Дурак, куда же ты смотрел? — сказал Вениамин Иванович, отрываясь от борща. — Неужели ты не видел, что это чужое, старое пальто, и даже не бобриковое?

— И даже не темно-синее, а черное, — сказала мать, Раиса Федоровна, воздев руки к небу. — Нужно срочно купить ему очки.

Но пап, — сказал Эди-бэби, — это было единственное пальто на вешалке. Все ученики уже давно ушли, Валентина Павловна оставила совет отряда после уроков. Там не было другого пальто...

— Он прав, — сказал отец. — Пойди, Рая, с ним завтра в школу и выясни. Ясно, что пальто не украли, если бы украли, не оставили бы этой дряни, — и отец кивнул на чужое пальто, висевшее на ручке кухонной двери.

”Как заразное”, — подумал Эди.

Раиса Федоровна пошла с Эди-бэби в школу, и во время урока, Эди сидел в классе, вместе с Валентиной Павловной они нашли пальто Эди-бэби, именно бобриковое и темно-синее новое пальто. Только на нем изнутри была уже пришта белая тряпочка с надписью химическим карандашом ”Костя Бондаренко, 3 — Б”.

Началась тяжба. Приехали родители Кости — отец его тоже оказался военным, мало того, на два чина выше, чем отец Эди-бэби, он был майором, и к тому же начальником военкомата их района. Родители поругались, Раиса Федоровна очень нервничала, она не умеет ругаться с посторонними, Вениамина Ивановича не было — утром он уехал в одну из своих длинных командировок в Сибирь (правда, и он все равно не умел ругаться с чужими), поэтому бедной маме Эди пришлось выстоять против двоих нахальных родителей Кости одной. Если бы не Валентина Павловна, которая любила и прилежного тихого Эди-бэби с его тетрадками, и маму Раису Федоровну, еще неизвестно, чем бы вся эта история закончилась. Но Валентина Павловна подтвердила, что да, она видела пальто на Эди-бэби, что до этого у него было другое пальто, старенькое, и что не может быть никаких сомнений в том, что новое пальто — его пальто. Что гражданин майор Бондаренко и его жена, к сожалению, ошибаются.

С пальто спорили белую тряпочку и отдали Эди. Эди-бэби было так ужасно стыдно присутствовать при скандале, а его и Костю привели, чтобы они присутствовали, что он с удовольствием отдал бы свое новое бобриковое пальто, только бы не слышать взаимных обвинений на визгливых нотах, раздававшихся с обеих сторон. Он носил бы истертое на локтях Костино пальто, лишь бы избавиться от позора. Дело происходило в кабинете биологии, куда постоянно входили учителя и старшие ученики, и всякий раз останавливались, чтобы послушать. Косте тоже, казалось, вся эта история не доставляет удовольствия — он мрачно смотрел исподлобья и всякий раз кривился, когда его мать произносила ”мой мальчик...”

Родители их навечно остались врагами. А они, как ни странно, нет. Они не сделались немедленно друзьями, но пережитое совместное унижение как-то сблизило их. Через пару недель, в перерыве между уроками, Костя подошел к

Эди и извинился. Две недели ушло у него наверно на обдумывание.

А еще на следующий день Костя подарил ему свою рогатку. Эди-бэби повертел в руках красивый и тщательно сделанный, но ненужный ему совершенно предмет и, поблагодарив, сунул его в карман. Эди-бэби не был охотником, он считал себя исследователем.

Последующим летом Костя не поехал в пионерский лагерь, а остался в поселке и заменил Эди Гришку Гуревича в его прогулках в окружающие поселок поля и овраги. Он даже значительно расширил знания Эди-бэби в пригородной географии. Костя жил на совсем другом конце поселка и потому отлично знал расположенные неподалеку песчаные карьеры, а однажды, после целого дня пути мимо свиноферм и колосющихся полей пшеницы, они даже добрались до искусственного озера.

На следующий учебный год, однако, Кости в их классе не оказалось. Его родители по каким-то известным одним им причинам опять перевели его в другую школу, за пять трамвайных остановок от трамвайного кольца, возле которого возвышается Восьмая средняя школа. Костя и Эди-бэби не виделись несколько лет и опять встретились только тогда, когда обоим уже было по четырнадцать и оба они стали совершенно другими...

11

Эди-бэби и изрядно "бухой" уже Славка Цыган сидят в скверике у Стахановского клуба, курят и допивают бутылку-огнетушитель 0,8 все того же биомидина, которую им оставил выпивший с ними Саня Красный, — он убежал к своей бабе, парикмахерше Доре, — и беседуют.

— Эх, Эди-бэби, — говорит Славка, — ты хороший парень, Эди-бэби. Скажи мне только, что ты тут делаешь?

— Живу, — отвечает Эди-бэби. — То же, что и ты, Славка, — добавляет он, усмехаясь.

— Дурак ты, чувак Эди! — восклицает Славка возмущенно. — Дурак!

— Отчего же это я дурак? — невозмутимо спрашивает Эди-бэби. — Если бы кто-нибудь другой, парень его возраста, сказал бы ему, что он дурак, он бы врезал ему этой же бутылкой, которую держит в руках, но Славка старый мужик и пропаций. Ребята говорили, что он даже на брата своего Юрку тянет, за что Юрка, безобидный технарь в очках, недавно все же побил пьяного Славку. Ударил. Действительно, на левой скуле у Цыгана подсохшая корочка крови.

— Не хуй тебе тут делать на Салтовке, среди шпаны. Пропадешь ты тут! — сокрушенно продолжает Цыган. — В тюрягу сядешь, вот помяни мое слово, сядешь, и очень скоро. Доиграешься, если не свалишь отсюда. А один раз сядешь, с твоим характером сядешь и второй. Ты азартный, как и я...

— Сам-то ты что тут делаешь, Цыган, — перебивает его Эди, передавая бутылку Цыгану.

Цыган булькает вином и, освобождаясь наконец от горлышка, говорит, тихонько икая:

— Хули ты на меня смотришь, чувак Эди, я старый уже человек. Я человек, если ты хочешь знать, пропаций. У меня все уже было, все позади. Я алкоголик, мне уже один хуй. Я сплю до трех часов, и мне не хочется вставать, потому что я боюсь выходить на улицу, так здесь холодно. Юрка и мать уходят на завод, я встаю с ними, делаю вид, что собираюсь ехать устраиваться на работу, но когда они уходят, оставив мне пару рублей на трамвай, я опять ложусь спать. Я ненавижу работу. Ненавижу железо и людей, гремящих железом. У меня деликатный слух. Я другой, я не такой, как рабы пролетарии. Посмотри, какие у меня руки...

Эди-бэби молчит и не смотрит на руки Цыгана. Он

знает, какие руки у Славки, тот ему не раз уже их показывал.

Цыган продолжает: — Ебаная зима! Где мы живем, Эди-бэби, ты понимаешь, что мы живем в хуевейшем климате, в самом хуевом, говенном климате в мире. А почему, ты знаешь, почему, чувак Эди?

— Почему? — спрашивает Эди.

— А потому, что наши предки-славяне были ебанные трусы, вот почему. Ты знаешь, Эди, что по-английски "слэйв", или "слав", значит раб.

— Ну да? — искренне удивляется Эди.

— Правда, правда, — подтверждает Цыган. — У наших предков были рабские души, потому вместо того, чтобы мужественно отвоевать себе жаркие земли вокруг Средиземноморья, где растут лимоны, ты понимаешь, Эди-бэби, растут лимоны, — растягивает Славка и переходит вдруг на уничижительный саркастический шепот, — они, отказавшись от борьбы, позорно бежали в эти ебанные снега, и вот мы с тобой сидим на этой ебаной зеленой советской лавочке, и идет снег, и холодно, а у меня только этот ебанный плащ. И тот Юркин, — прибавляет он с пьяным смешком. — Разве это жизнь?

— Да, — соглашается Эди. — В тропиках лучше. Где-нибудь в Рио, в Буэнос-Айресе. "Сьюдадэ дэ нуэстра дэ синьора дэ Буэнос Айрес..." — произносит он мечтательно. — Знаешь, как это звучит в переводе, Славка?

— Знаю, чувак, — говорит Цыган, — "Город Святой Девы — Покровительницы моряков". Сокращенно местные называют его Байрес.

Славка знает все. С ним не скучно и можно узнать многое. Потом он остроумный, когда не очень пьян. Потому Эди-бэби и сидит сейчас с ним на лавочке. Славка все время читает, и даже по-английски. Вот и сейчас у него из кармана торчит какая-то иностранная газета. Два года Славка проучился в университете, пока не выгнали.

— Уебывай отсюда, Эди-бэби, пока не поздно. И не во-

дись ты со шпаной, у них путь один — в тюрьму, ты же совсем другой, — опять поет Славка и насильно тащит Эди-бэби к себе за отворот куртки. — Посмотри на меня! — требует он пьяно.

— Кончай, Цыган... — отмахивается Эди-бэби раздраженно.

— Нет, ты посмотри мне в глаза! — настаивает Цыган. Эди-бэби смотрит Цыгану в глаза.

Славка пьяно улыбается: — В твоих глазах светится интеллигентность и природное благородство! — возглашает он. — Чего во всех твоих Кадиках, и Карповых, и Котах — нет! И не будет! — кричит Славка.

— Накерялся ты, как свинья, — говорит Эди-бэби серьезно. — С тобой становится неинтересно.

— Может быть, — спокойно соглашается Славка. — Может быть, что и накерялся.

— Эх, — говорит он, внезапно вздыхая. — Скорее бы лето! Поеду я во Владивосток. Надоело мне тут с вами. Ты был когда-нибудь во Владивостоке, чувак-Эди? — спрашивает он.

Эди не был во Владивостоке. Он покачивает головой: — "Нет". Губы его заняты, он досасывает огнетушитель.

— Во Владивостоке хорошо, — с наслаждением говорит Славка. — У тихоокеанских рыбаков полно денег. И у китобоев, — весело вспоминает Славка. — Во Владивостоке — база Тихоокеанской китобойной флотилии. Они, когда приходят в порт после полугода плавания, у них карманы деньгами набиты! Представляешь, Эди — *карманы!* И ничего не стоит из них эти деньги вытащить, — хитро добавляет Славка. — Хороший разговор изголодавшемуся в море по человеческому общению моряку ох, как нужен. Второе дело после секса. Поехали со мной во Владивосток, Эди, а? Вдвоем мы с тобой хорошо смотримся. Я буду играть под моряка, а ты под моего младшего братишку.

— Поедем, — соглашается Эди-бэби, ставя допитый огнетушитель рядом со скамейкой. Он аккуратный — Эди-бэби.

— Представляешь, сидим мы с тобой, Эди, в кабаке, есть там такой на горе, туда именно ходят китобои, внизу — бухта Золотой Рог, а по ней — огни трансокеанских лайнеров... А, представляешь картину, старик Эди? — И, перебив открывшего было рот Эди-бэби, Цыган добавляет: — А ты знаешь, чувак Эди, что бухта во Владивостоке названа в честь бухты Золотой Рог в Стамбуле, а?

Эди-бэби слышал об этом, да. — Да, — говорит он, — а почему?

— А потому, чувак Эди, что она и по очертаниям своим напоминает стамбульскую бухту, — тихо и назидательно, как учитель, произносит Славка. — ”Во Стамбуле, в Константинополе...” — запекает он неожиданно, ударяя для поддержания такта ладонями по скамейке. Цыган сидит на скамейке, широко раздвинув ноги, и ладонями хлопает по куску скамейки между своими ляжками. Взгляд его падает на его собственную худую ляжку в штанине, и он обхватывает ее руками.

— Смотри, как похудел, — обращается он к Эди. — В вашем ебаном Харькове, на вашей ебаной Салтовке.

— А то она не твоя, Цыган? — замечает Эди-бэби. — И не хуя ты не похудел, сколько тебя помню, ты всегда такой тощий и был. У тебя просто строение такое.

— Я родился в Москве, чувак Эди, — говорит Славка. — Запомни это, в Москве, а не в вашем вшивом городе. Мой отец — польский аристократ, ясновельможный пан Заблудски, — произносит он значительно. — Мать, правда, подкачала — русская блядь. Одно имя чего стоит — Екатерина, Катерина... Катька... — скандирует Славка. — Юрка в нее пошел, весь в нее, а я в папу...

Эди-бэби смеется, а Славка опять вздыхает и, перегнувшись через Эди-бэби, который сидит с краю скамейки, дотягивается до бутылки. Но обнаружив, что бутылка пуста, швыряет ее через тропинку в решетчатый железный забор. Бутылка разбивается с неприятным хрустом.

— Ну, на кой хуй? — спрашивает Эди-бэби. — Сейчас

мусора прибегут, сегодня их полно вокруг, праздник. — "Мусора" на салтовском жаргоне означает милиционеров. Один милиционер называется "мусор", несколько — уже "мусора".

— Не учи меня жить, — бросает Славка. — Ты еще малолетка, чтобы меня учить. Поживи с мое, тогда учи. Ебал я мусоров и тебя ебал! — заявляет он капризно. Он явно окосел.

— Ну и мудака же ты! — говорит Эди-бэби. — Старый уже мужик, а мудака. — Эди-бэби поднимается со скамейки и уходит.

Славке не хочется оставаться одному, потому он тоже плетется за Эди.

— Постой, чувак Эди, — бубнит он где-то сзади, — стой, куда ты?

Эди-бэби убыстряет шаги и скоро уже не слышит за собой Славки.

11

Парк пустой и уже чуть-чуть припорошенный снегом. Снег стал идти всерьез, потому Эди-бэби натягивает на свою остриженную Вацлавом голову капюшон. Удобная вещь — желтая куртка, а все потому, что модель снята с австрийского альпийского пальто. Кадик до сих пор таскает это пальто. Теперь бережет, правда, оно стареет. Кадик привез пальто с фестиваля. Конечно, такой материи, из которой сшито альпийское пальто, они не смогли найти в харьковских магазинах, пришлось купить обивочный желтый материал — такой употребляют на обивку кресел и диванов. В дождь материал чуть промокает, но ничего, зато подкладку выбрали толстую. Кадик даже предложил вставить под плечи и в капюшон полиэтиленовые прокладки, чтоб не промокали плечи и голова, но Эди не захотел — полиэтилен будет шелестеть. Эди-бэби не любит шелестения.

— Здравствуйте, мсье Савенко. — Голос этот Эди-бэби узнает из тысячи других. Ася. У выхода из парка стоит Ася Вишневская и с той Томка Гергелевич. У Томки в руках сумка с продуктами.

— Здравствуйте, мадмуазель Ася, — церемонно говорит Эди-бэби и подает Асе руку. Но пожимая холодную руку рослой девочки в очках, он улыбается и уже неофициально целует ее в щеку. С Асей они друзья.

— Здравствуйте, мадмуазель Тамара, — говорит он Томке и пожимает ее руку в варежке. Сумку Томка поставила на снег. — Только что проснулись, Тома? — ехидно спрашивает Эди-бэби.

Он подъебывает Тамару. Всем известно, что больше всего на свете она любит спать. Красивая, еще выше Эди, несколько крупная для ее возраста девочка — ей 16, темно-рыжие волосы ее всегда по-женски забраны в пучок, — очень нравится Эди-бэби, и ему хочется ее раздражить, вытащить из ее обычного полусонно-меланхоличного спокойствия. В поселке о ней ходят самые различные слухи. Согласно одним, она ебется с человеком по кличке "Шляпа" — известным картежником и аферистом из Центра города. Согласно другой версии Томкиной жизни, она спит до трех часов дня, никуда не выходит и бесконечно читает книги, чем ее родители ужасно недовольны. Отец Томки — строительный начальник, как и отец Витьки Головашова, потому у них отдельная квартира, и узнать что-либо достоверное о жизни Томки невозможно, ввиду отсутствия соседей. Эди-бэби и Толик Карпов как-то поймали младшего брата Томки и попытались было вытащить из него хоть какие-нибудь сведения. Толик даже стал выкручивать упрямому третьекласснику руки, пытаясь узнать, ебется ли Томка со "Шляпой", тот верещал, кричал, что Толик фашист, сука и блядь, но сестру не предал. Пришлось отпустить. Эди-бэби не одобрял жестокого обращения Толика с бритым головастиком, но ему хотелось вывести рыжую Томку из равновесия.

Потому в ту же ночь он, Карпов и Кадик и собачка Карпова отправились на действующее русское кладбище, принесли оттуда свежий венок, сняв его со свежей могилы, положили венок Томке под дверь и, позвонив, умчались...

В другой раз, возвращаясь откуда-то пьяными (Толик живет рядом с Томкиным домом, а Эди-бэби всего через несколько домов), они опять решили сделать Томке гадость в отместку за ее высокомерие. Толик поймал в Томкином подъезде ее же кота, ударом о стенку убил его, и они привязали труп кота к ручке Томкиной двери. Кровавая месть. Им была отлично известна любовь Томки к ее коту.

Дело в том, что за пару дней до убийства Томкиного кота, встретив Томку случайно в трамвае, она ехала из школы, она учится в другой школе, там же, где учится и Толик Карпов, Эди-бэби, набравшись храбрости, предложил Томке "ходить с ним", пойти завтра с ним "гулять" на старое еврейское кладбище. Томка, улыбнувшись и лениво вздохнув, сказала, что хотя завтра и воскресенье, но она будет занята, будет спать, она предпочитает хороший сон прогулкам по кладбищу.

— Конечно, — сказал Эди-бэби, — тебе нужно выспаться. Ты же устаешь, не высыпаешься со "Шляпой", он не дает тебе спать.

— Сам ты шляпа! — сказала Томка зло и стала протискиваться к выходу из трамвая.

Сейчас Томка, лениво сощурившись и глядя поверх Эди-бэби, сказала:

— А вам с Карповым не спится. Всех кошек в поселке успели перебить? Варвары!

Проняло ее тогда все-таки, — думает Эди-бэби. Достало.

— Куда направляются наши девочки? — спрашивает Эди-бэби.

— Наши девочки направляются домой, — говорит Ася.

— Вот вышли погулять, а заодно зашли в гастроном, Томкина мама просила ее купить продукты.

— И я домой, — говорит Эди-бэби. — Пошли?

Эди-бэби секунду колеблется. Он не знает, взять ли ему из рук Томки сумку или нет. В это время к ним подходит, покачиваясь, Славка Цыган. Он, наконец, выбрался из парка.

— О-о-о! — вопит восторженно Цыган. — Эди-бэби уже подкадрил чувишек и сейчас пойдет с ними бороться. Сегодня вся Салтовка, и Тюренка, и весь Харьков, и вся необъятная страна победившего социализма будет шумно бороться, выключив свет. Много-много ведер пролетарской спермы, и спермы служащих, и советской интеллигенции, солдат и матросов, сержантов и старшин, а также офицеров и генералов будет залито в драгоценные сосуды советских гражданок, расположенные у них между ног. Эди-бэби, зачем тебе два сосуда, отдай один мне?!

Эди-бэби не успевает ответить Славке, оторопев от невероятной Славкиной наглости, а Цыган уже шагает к Томке, держащей свою сумку, уже, подняв ее с земли и пьяно ухмыляясь, произносит: "Сеньора! Откройте мне, пожалуйста, свою сумку, я в нее плюну!" И... плюет. Жирный желтый плевок сваливается на томкины банки и бутылки в сумке.

— Это символизирует мой оргазм, — ухмыляется Славка.

Больше Славка ничего не успевает сказать, потому что Эди-бэби хватает его за руку, рывком поворачивает к себе... еще несколько движений, и Эди бросает Славку через себя, как его учил тренер Арсений. Через мгновение Славка валяется на твердой, подмерзшей, как мороженое, грязи, и от его рта на белом тонком снегу расплзается кровь.

— Пошли! — командует Эди-бэби и, взяв Томкину сумку, переходит трамвайную линию. Девочки молчаливо шагают за ним.

— Зачем ты его так? — нарушает наконец молчание Ася. — Он ведь в сущности безобидный.

Ася — гуманистка, они только три года назад репатрировались из Франции.

— Я — тоже, — говорит Эди-бэби зло. Он сам начинает жалеть, что пришлось наказать ебаного дурака. — Мудак! — ругается Эди-бэби. — Отребье человечества! Отброс!

— Говорят, что он спит со своей матерью, — хладнокровно замечает Тамара. — Я слышала, что именно за это его побил младший брат.

Свернув с Салтовского шоссе, они идут теперь по Поперечной улице. Фантазия у строителей Салтовского поселка была, очевидно, не очень обширной, потому улица, на которой живут Эди и Томка, называется Первой Поперечной, а есть еще Вторая, Третья и Четвертая. Полуподвальная столовая на Первой Поперечной сегодня, оказывается, работает, оттуда доносятся звуки музыки и шум пивных кружек. Эди-бэби бросает на столовую равнодушный взгляд, но потом вдруг думает, а что если?..

Тамаркин дом совсем недалеко. Томка останавливается. Пришли.

— Где гуляешь Октябрьские? — спрашивает Эди-бэби Томку.

— А что, — улыбается Томка, — хочешь меня пригласить? Разве Светка тебя уже бросила?

— Чего это она должна меня бросить? — раздраженно спрашивает Эди-бэби. — Глупо, Тамара.

— Ну, извини, — говорит Томка. — Значит, не бросила. Из дома, из окна второго этажа, высовывается голова Томкиной матери.

— Томочка, деточка! Мы тебя ждем! — кричит она. — Здравствуйте, ребята!

Ася машет Томкиной матери рукой. Эди-бэби нет.

— Мне пора, — говорит Тамара и протягивает Эди-бэби руку в варежке. — Спасибо вам, мужественный мужчи-

на, за спасение моей чести. Желая вам приятных праздников! Пока, Лизок, — говорит она Асе. — Я завтра найду.

— Кривляка! — со злостью бросает Эди-бэби, глядя вслед Томке.

— Она хорошая девочка и неплохо к тебе относится, — замечает Ася, — но ты для нее мальчишка, разве ты не понимаешь?

— Она всего на год старше меня, — упрямится Эди-бэби.

— Женщина всегда старше мужчины, — спокойно парирует умная Ася. — Тамаре нравятся студенты. Парню, с которым она встречается сейчас, — 23 года.

Ася говорит "встречается" вместо "ходит", — думает Эди-бэби. — Зачем их семью поселили на Салтовке, они сюда не принадлежат. А вслух он говорит: — Тогда ей нужно "встретаться" со Славкой Цыганом, ему — 24 года.

— А что, — усмехается Ася, — он не так плох. В глазах у него есть что-то такое... — Ася задумывается, — ... пошлое, что-то, что нравится женщинам. Тоска по женщине.

— Ох-ох, — Эди-бэби фыркает. — Этот-то носатый алкоголик, руки как на шарнирах... А во мне, значит, нет ничего, что нравится женщинам? — продолжает он полувопросительно, искоса поглядывая на Асю. — Учительница эстетики Елена Сергеевна, между прочим, даже привела мое лицо как пример самого привлекательного мужского лица в классе...

Ася смеется...

— Мужского лица... — повторяет она, — ... мужского лица...

Эди-бэби обижается. — Ты чего, — говорит он, насупившись, — чего смеешься? — С Асей они большие приятели, никому другому он бы случая с учительницей эстетики не рассказал бы, чего она смеется?

— Извини, Эди, — говорит Ася, уже не смеясь, а серьезно. — Ты будешь чудесным мужчиной, я уверена, но сей-

час ты еще мальчик. Ты будешь, — говорит она, — потерпи, будешь лет через десять... или даже пятнадцать, — говорит она неуверенно.

— В тридцать лет! — восклицает Эди-бэби с ужасом. — Но я буду уже старик!

— Но сейчас ты выглядишь на двенадцать лет, — смеется Ася.

Чтобы проводить Асю, Эди-бэби прошел мимо своего дома. Теперь они стоят у Асиного подъезда.

— Хочешь зайти? — спрашивает Ася.

— Но твои же "родичи" наверное все дома, — колеблется Эди-бэби. Язык Эди-бэби почти свободен от украинизмов, благодаря чисто говорящим по-русски отцу и матери, но иногда "родичи" все же проскальзывают.

— Ты же знаешь, какие они. Проходи прямо в мою комнату, туда никто не войдет.

— Хорошо, — соглашается Эди-бэби, и они входят в подъезд.

12

У семьи Вишневских целая квартира в три комнаты. Старший брат Арсений — коммунист, говорят, что во Франции его преследовали, потому семья перебралась в Советский Союз, из-за брата Арсения. Если бы они не были репатрированными, им бы не дали трехкомнатной квартиры, хотя у них и большая семья — отец, мать, две старшие дочери — Марина и Ольга, Арсений, Ася и младший брат Ванька, он же Жан.

Раньше у Аси не было своей комнаты, но теперь обе старшие сестры уже вышли замуж и живут в Центре с мужьями, потому у Аси своя комната с окном, выходящим на мощенное булыжниками шоссе и на высокий серый каменный забор автобазы, той самой, где работает парикмахером Вацлав. Всякий раз, приходя к Асе и выглядывая в

ее окно, Эди-бэби вспоминает о Вацлаве. Шоссе перед Асиным окном весной и осенью становится непролазным морем грязи, как, впрочем, почти все салтовские дороги. Но сейчас грязь уже замерзла и по ней бодро ходят люди на Тюренку и обратно.

— Хочешь вина? — спрашивает Ася, возвращаясь из глубины квартиры, где она говорила о чем-то с родителями по-французски. Дома Вишневские говорят по-французски. Эди-бэби учит французский язык в школе со второго класса, но, конечно, не может разобрать, что они говорят, да еще при такой скорости.

— Хочу, — отвечает Эди-бэби. Не потому, что Эди-бэби действительно хочет вина, вино у Аси в доме всегда виноградное, некрепкое и кислое, оно не берет Эди-бэби, как биомисин, например. Эди-бэби знает, что вино у Аси в доме всегда очень хорошее, ее отец был во Франции дегустатором вин, но Эди-бэби не любит хорошего вина. Эди-бэби любит бокалы, в которых Ася подает вино, и маслины, с которыми она подает вино, и салфетки. Он никогда не признается Асе, что не любит самого вина, что он предпочитает биомисин.

Эди-бэби приятно бывать у Аси. Ему нравится обилие книг в доме. Мало того, что книги (в основном, французские, но есть и русские, и английские) занимают все стены в большой комнате, но книги занимают целую стену и в Асиной комнате — это Асины книги, и у всех других членов семьи свои книги. Даже над Асиной кроватью, на деревянной полочке, так чтобы было удобно дотянуться до них прямо с кровати, расположились книги. Ни у кого на Салтовском поселке нет такого количества книг, разве что у Борьки Чурилова, а если и есть, как у родителей Сашки Плотникова, то все очень скучные собрания сочинений во многих томах, затянутые в мрачные переплеты. У Аси необыкновенные книги — половина их издана за границей, даже те, что на русском языке. Ася дает Эди-бэби читать свои книги, она не жлоб. И сейчас у Эди-бэби в доме лежит

несколько Асиных книг — роман "Три товарища" Ремарка и несколько номеров журнала "Отечественные записки" с романом очень странного писателя В. Сирина "Дар".

Эди-бэби нравится, как живут Вишневские. Нравятся даже их деревянные кровати-кушетки, которые они сделали сами. Большинство жителей Салтовки пользуется железными кроватями с железными же "панцирными" сетками. Летом можно увидеть, как салтовчане, вытащив свои кровати прямо на улицу, обваривают панцирные сетки кипятком и обливают их керосином — во многих квартирах есть клопы, и вывести их стоит больших усилий. В комнате у Эди-бэби нет клопов, его мать такая же аккуратная, как мать Сани Красного тетя Эльза, мать Эди-бэби, как немка.

Асина кровать покрыта цветным пледом, а поверх — шкурой. Рыжей, лисьей. Эди-бэби садится на шкуру.

Нравится Эди-бэби и освещение в доме Вишневских. Везде расставлены маленькие настольные лампы с абажурами из старых географических карт, это очень уютно придумано. В салтовских же домах свет идет сверху, от торчащих под потолком ламп, или совсем голых, или прикрытых матерчатыми оранжевыми или красными абажурами с длинными шелковыми кистями, что делает салтовские комнаты похожими в первом случае на общественный туалет, во втором — на гарем, такой гарем с абажурами Эди-бэби видел на картинках в старой географической книге о Турции.

Еще у Вишневских просторно, нет никому не нужных бегемотообразных буфетов и шифоньеров, отнимающих у человека жизненное пространство, только нужная мебель.

Ася приносит ему на подносе (!) вино и маслины. Вино венгерское — называется "Бычья кровь". Извиняясь, она говорит: — Простите нас, мсье, за то, что мы вынуждены подавать вам венгерское вино, а не французское. К сожалению, аборигены не завезли в этот раз французского вина в близлежащий гастрономический магазин. — Ася, по-

ставив поднос на низенький столик рядом с Эди-бэби, шуточно приседает, как это делают барышни в фильмах о революционной жизни, и садится рядом.

Когда Ася говорит "аборигены", Эди-бэби не может удержаться от того, чтобы не сказать: "А! Бори и Гены!" Или если не сказать, то хотя бы вспомнить точный каламбур. Еще Ася часто употребляет словечко "местные". Асе не нравятся местные аборигены, и когда она рассказывает Эди о Париже, в глазах ее иной раз появляется что-то похожее на слезы.

Когда Эди-бэби впервые познакомился с Асей, он учился в шестом классе, Ася говорила по-русски с акцентом, она тогда только что приехала в Харьков из Франции. Встретился Эди-бэби с Асей при очень романтических обстоятельствах. В театре.

13

Учеников 8-й средней школы города Харькова редко оставляют в покое. Даже во время каникул их пытаются организовать, сплотить, направить, и культурно воспитать. Салтовских ребят воспитать трудно, и девочек тоже. Многие ребята курят едва ли не с первого класса, Толька Захаров, например. Начинают пить они тоже в очень раннем возрасте. Обычно две трети салтовских ребят бросают школу в шестом или седьмом классе, и кто не идет на завод, просто болтается по улицам. Но очевидно, чем тверже материал, тем ретивее воспитатели.

Вот и тогда, во время новогодних каникул, их повели в оперу. Если бы в тот день тринадцатилетний тогда Эди-бэби знал, что ему делать, он бы в оперу не пошел. Но никаких развлечений в тот день у него не наблюдалось, посему, готовясь к опере, он сам выгладил свои узкие, как чулок, темносиние брюки, переделанные из отцовских военных штанов, только выпорот был синий эмведешный кант.

Брюки эти прекрасно держали складку, к тому же они были самые узкие в их школе — шестнадцать сантиметров, Эди-бэби ими гордился. Раиса Федоровна понятия не имела, что брюки уже шестнадцать, она думала, двадцать четыре. Эди-бэби как умный мальчик, не желая излишне раздражать родителей, в три или даже четыре приема, постепенно, чтоб каждый раз родители привыкли, заузил свои брюки сам. К его чести следует сказать, что не владея ни иглой, ни ниткой до этого, он справился с задачей блестяще. Раиса Федоровна обнаружила, что брюки уже шестнадцать, только позже, в феврале 1956 года, когда ей сказала об этом Рахилия — их классная руководительница, старая еврейка, сменившая в пятом классе армянку Валентину Павловну Назарьян.

Тогда еще Эди-бэби не сказал Рахили Израилевне Кац в присутствии всего класса, что она старая жидовка, это случилось позже. Тогда еще у них с Эди-бэби были вполне приличные отношения. Эди-бэби уже давно был низвергнут с должности председателя совета отряда, но был еще редактором и художником классной стенной газеты и оценивался еще на школьной шкале ценностей более или менее высоко, хотя уже и считался непутевым и в перспективе, по видимому, пропащим, после своего нашумевшего на всю школу побега из дому в марте 1954 года.

Как бы там ни было, Эди-бэби позволил протащить себя через весь город на двух трамваях и привести в колонне на Рымарскую улицу, где помещается здание Харьковского театра оперы и балета. Поверх белой отцовской, тоже военной, рубашки и бабочки, которую ему подарил на день рождения Витька Головашов, и темно-синего пиджака, чуть темнее знаменитых брюк, так что создавалось впечатление костюма, Эди-бэби надел свое бежевое новое пальто балахоном, чехословацкое. Родители купили ему это пальто на свою голову, не подозревая, как будет выглядеть в нем их сын. Эди-бэби уже тогда старался быть франтом, и путешествие на двух трамваях в окружении разнообраз-

но, большей частью по-деревенски или по-детски одетых соучеников его раздражило. Он стеснялся многих из них.

Восидев на плюшевом балконе с большим трудом первое отделение (оказалось, что опять давали "Спящую красавицу", которую Восьмая средняя школа видела уже два раза) и зная, что ему предстоит еще три отделения, уйти было невозможно, насильники распорядились не выдавать никому из учеников пальто в раздевалке до окончания спектакля, Эди-бэби обозлился. Он стоял вместе с другими ребятами в туалете и раздраженно курил, все они ругались и независимо сплевывали, и Эди ругался тоже в припадке бессильной злости на кретинизм школьного начальства. Тут-то Вовка Чумаков, в то время лучший приятель Эди-бэби, второгодник, он тогда еще не ушел из школы (это именно вместе с Вовкой Эди убежал в Бразилию в марте 1954 года), предложил выпить.

— Выпить можно, сбросимся по тройку (не забывайте, что все это происходит до перемены валюты, до 1960 года), но как ты купишь выпить? — спросил Эди-бэби Чуму. — Суки никого не выпускают. И в дверях стоят физкультурник Лева и старшая пионервожатая...

— Очень просто, — ухмыльнулся Чума, — вылезу в окно, смотри, какая большая форточка. Только у меня денег нет.

Никто не ожидал, что у Чумы будут деньги. Чума был самый бедный в классе. Его мать стирала белье, отец погиб на фронте, ему даже завтраки с собой не всегда давали. Но Чума был уважаем в школе за свою храбрость и еще за красоту — у него были волнистые каштановые волосы и зеленые большие глаза. И он был высокий мальчик. Эди-бэби в то время уже почти достиг своих 1 метра 74 сантиметров, но Вовка Чума был выше.

Ребята полезли в карманы курточек и пиджаков, выскребая оттуда мятые рубли и мелочь. Чума собрал все это в карман, ухмыльнулся и полез в окно.

— Смотри, не слиняй, — сказал ему Витька Головашов.

— Ты что, охуел? — сказал Чума, оборачиваясь, одна нога его уже была в форточке, — у меня же здесь пальто.

Все захохотали. Из кабинки, до этого закрытой, вышел старик с бородкой и, оправляя костюм, со страхом покосился на племя младое, незнакомое. Племя засвистело и затопало ногами, а Витька Ситенко даже ткнул в старика два пальца, как бы обещая выколоть ему глаза...

Старик выбежал моментально.

Зазвенел театральный звонок, собирая народ обратно в зрительный зал. Все, кто скинулся на выпивку, решили остаться в туалете и подождать Чуму, магазин был рядом с театром, через улицу. Но Витька Головашов резонно предположил, что Лева — преподаватель физкультуры, зная их привычки, придет в туалет проверить. Витька Головашов парень сообразительный, и потому он предложил всем пятерым забраться с ногами на унитазаы и закрыться в кабинках, вряд ли Лева станет рваться в кабинки, он только посмотрит, не торчат ли под кабинками ноги, внизу кабинки в театре оперы и балета были открыты.

Все так и сделали. Кабинок, правда, было четыре, потому Витьке Ситенко и Витьке Головашову пришлось влезть на один унитаз вдвоем, и они долго хихикали и ворочались в своей кабинке. Все другие ребята зашикали на них, и те заткнулись.

После третьего звонка, Витька как в воду глядел, пришел Лева. Даже по звуку его шагов было ясно, что это ходит здоровенный, располневший на должности учителя физкультуры в захолустной школе, бывший не очень хороший атлет. Девочки утверждали, что подсаживая их на кольца или турник, Лева старается ухватить их за грудь. Эди-бэби презирал Леву и не ходил на его уроки, а Лева, в свою очередь, называл Эди-бэби пижоном. Лева постоял, причесываясь там, что ли, у зеркала, закрывая оставшимися волосами лысину, и вышел.

Ребята дружно соскочили с унитазов, и почти в то же самое время в окно сначала просунулась голова Чумы, по-

том, повертевшись, увидав своих, голова весело ухмыльнулась, исчезла за мутным окном, и на ее место просунулись руки, сжимающие четыре бутылки розового крепкого! Витька Головашов, оказывается, дал 25 рублей...

Когда под конец второго отделения Эди-бэби и Чума вернулись на свои места, они были заняты. На месте Эди-бэби сидела красивая, взрослая, странно одетая в длинное взрослое платье девочка. Эди-бэби, учившийся в Восьмой средней школе с первого класса, никогда раньше эту девочку не видел. На месте Чумы тоже сидела очень симпатичная девица в платье из черной тафты с белым кружевным воротником.

— О-о-о! — воскликнул Чума с удовольствием. — Пока мы с д'Артаньяном прогуливались, наши места оккупировали дамы... Кто вы, прекрасные незнакомки? — спросил Чума кокетливо, он знал, что он красивый мальчик.

— Нас посадила сюда наша классная руководительница, — строго сказала девочка, сидящая на месте Эди-бэби. Тут-то Эди-бэби и услышал ее акцент.

— Да, — сказал Эди-бэби, — может быть, но мы тоже должны где-то сесть. Это наши места.

— Пойдите на балкон, там есть свободные места, — сказала девочка, сидящая на месте Чумы.

— Мы не хотим на балкон, — сказал веселый от выпитого вина Чума. — Мы хотим сесть на свои места, которые обозначены у нас в билетах. — И ухмыляющийся Чума выскреб из кармана свалявшийся ярко-синий билет театра оперы и балета имени Т.Г. Шевченко.

— Нас сюда посадили, мы не сами сели, — сказала строгая девочка, сидящая на месте Эди-бэби. — Потом вы же все-таки мужчины. Мужчина должен быть джентльменом и уступить даме.

— Я могу предложить вам, миледи, — сказал во весь рот теперь улыбающийся Чума девочке, сидящей на его месте, — как джентльмен, сесть ко мне на колени.

Чума, очевидно, начал нравиться его оппонентке, и

они там, наклоняясь друг к другу, так как на них зашикали, о чем-то зашептались, хихикая.

Но Ася Вишневская строго сидела, глядя на сцену, где Принц бессмысленно скакал, ничего не говоря.

Эди-бэби никогда не был злым мальчиком, но всегда был очень упрямым. Потому, решив быть интеллигентным, он спустился в партер, нашел классную руководительницу Рахилю и, стараясь не дышать на нее вином, сказал ей, что их с Чумой места заняли какие-то девочки из другого класса.

Возвращаясь с Рахилей обратно в ложу, а их места были в ложе, он уже устыдился своего поступка, но пути назад не было. Рахиль уладила дело без особого труда и, не желая обидеть девочек, нашла им хорошие места. Но когда Ася и Ольга уходили, Ася наградила его таким взглядом, что Эди-бэби даже отрезвел.

Чума тоже презирал Эди-бэби и был недоволен его поступком. Он уже успел сблизиться с Ольгой и выведал у нее, что Ася, настоящее имя которой Лиза Вишневская, Асей зовут ее родители и подруги, только что приехала из Франции, они репатриированные, что Ася самая интересная и романтическая девушка, какую Ольга встречала в своей жизни, что это ее лучшая подруга, и за нее Ольга готова покончить с собой.

— На хуя ты это сделал? — говорил Чума. — На хуя? — Эди-бэби и сам не знал, зачем. Из упрямства. Хотел сделать по-своему. Всю жизнь Эди-бэби поступал по-своему.

14

Они помирились с Асей через месяц. Во-первых, обнаружилось, что они живут совсем рядом, всего несколько домов разделяют их. На Салтовке дома стоят без особой видимой системы, между ними нет дворов, а посажены кусты и деревья. Очевидно, архитекторы Салтовского посел-

ка мечтали о городе будущего, обросшем лесами клена и зарослями бузины.

Проходя среди тонких прутьев кленов и низких запыленных кустов бузины, Эди-бэби не раз замечал идущую сзади или впереди девочку в длинных, до самой земли, платьях и в неизменных вельветовых пальто с капюшонами. У Аси было два таких пальто — предмет зависти салтовских девочек, очень похожих на альпийское пальто Кадика, которого Эди-бэби, впрочем, встретил позднее. Иногда Асю провожали одноклассники, иногда она была одна. Однажды Эди-бэби набрался храбрости и сказал ей: — Здравствуйте, мадмуазель! — И она ему ответила: — Здравствуйте, варвар!

Был вечер, падал мокрый снег, Эди-бэби долго гулял с Асей возле Асиного дома, они говорили о прочитанных книгах. Эди-бэби удивил Асю своей начитанностью, она не ожидала, что он так много прочел, а потом они говорили о Душе, Боге и Любви.

О Душе, Боге и Любви Эди-бэби уже говорил с другой девочкой, красивой, напоминающей ангела со средневековой картины, Ветой Волиной. Что она напоминает ангела, сказала Эди-бэби старшая пионервожатая Соня Алексеева, он не сам догадался. Но с Ветой Волиной было по-другому. Веты Эди-бэби отчаянно стеснялся и решился поцеловать ее только через месяц после первого свидания. Ася поцеловала его сама, в тот же снежный вечер, и на их лица падал снег, и на губы, отчего поцелуи были мокрыми. Они оба отчаянно замерзли после трехчасового разговора, и Эди-бэби очень хотелось в туалет. Губы у Аси и у Эди-бэби были холодные-прехолодные, и от губ Аси пахло чуть-чуть табаком, она много курила...

Любви у них не получилось, романа не вышло, но они стали настоящими друзьями. Романа не получилось оттого, сказала Ася, что, во-первых, Эди-бэби, к несчастью, младше ее на год, а кроме того, у них у обоих оказались очень сильные характеры. "Два таких сильных человека не могут

быть любовниками”, — сказала Ася. Ася была первым человеком, кто обнаружил, что у Эди-бэби сильный характер.

— Как Светка? — спрашивает Ася, отпив немного вина и поставив свой бокал на стол. Сделав это, она идет к двери и закрывает ее. От двери она направляется к окну, открывает форточку и только после этого закуривает сигарету. Родители ее не курят.

— Как? Да как всегда, — пожимает плечами Эди-бэби. — Недавно ее опять видели на танцах в Стахановском с Шуриком.

Ася вздыхает. Она сочувствует любви Эди-бэби к взбалмошной и капризной Светке, хотя и считает, что дочь проститутки ему не пара. Вся Салтовка знает, что Светкина мать спит с мужчинами за башли. Но Ася преклоняется перед любовью и в качестве советницы принимает живейшее участие во всех любовных делах своих друзей и подружек.

— Может быть, мне набить ему рыло? — задумчиво спрашивает Эди-бэби.

— Глупо! — возражает Ася. — Откуда ты знаешь, может быть, между ними ничего нет? Что, они не могут просто сходить вместе потанцевать? И вообще, что за идиотская привычка решать все кулаками... К тому же он твой приятель тоже...

— Какой там он мой приятель! -- досадливо морщится Эди. — Светка же нас и познакомила. Это ее приятель...

— Хорошо, — говорит Ася, — посмотри на проблему с другой стороны. Рассуждая логически...

— Э, э, — останавливает ее Эди-бэби, — как можно рассуждать логически со Светкой. Прошлый раз, когда мы гуляли Майские праздники, первый раз вместе, очень логично было с ее стороны бежать на пруд топиться. Не говоря уже о том, что пруд далеко, пока добежала бы до пруда, все желание топиться бы пропало... Она сумасшедшая!

— Эди! — перебивает его Ася. — Кто бы говорил, но только не ты. Даже твои друзья считают, что ты сумасшед-

ший. Ты что, этого не знаешь? — волнуется Ася, размахивая сигаретой.

— Что, правда? — недоверчиво спрашивает Эди-бэби.

— Я этого не считаю, — говорит Ася. — Иначе бы ты не сидел бы у меня дома. Я считаю, что ты чувствительный мальчик, очень тонкий, а почти все приятели твои — грубые рабочие парни и девки, которые тебя не понимают. Но ты тоже хорош! Ты же сам виноват, что Светка бегала от тебя топиться. Зачем ты показал ей нож и сказал, что зарежешь ее, если она тебе изменит?

— Она танцевала с Толиком Ляшенко. Слишком долго, — замечает Эди-бэби смущенно. — Мне показалось, что она к нему прижимается. А потом, когда мы все играли в бутылочку, ребята противно смеялись, когда Светка пошла с ним в другую комнату целоваться и их долго не было... Потом, я не хотел ее зарезать, я просто хотел ее припугнуть.

— Очень мило, — возмущенно говорит Ася. — Я бы никогда больше с тобой не стала разговаривать, будь я на ее месте. А она, наверное, тебя любит, раз вернулась к тебе после этой истории.

— Ты думаешь? — с надеждой в голосе спрашивает Эди-бэби.

— Конечно! — бросает Ася. — Хотя, как ты знаешь, я считаю, что ваши отношения не имеют будущего. Ты совсем другой, она тебе не пара.

Эди-бэби молчит.

— Я думаю, что я тебя понимаю, — продолжает Ася. — У нас с тобой родственные души...

В прихожей раздается звонок. Ася выходит и возвращается с девчонкой в рыжем пальто. У девчонки короткие черные волосы, она чуть опирается на палку. В зубах у нее едко дымящая папиросина "Беломор-канал".

— Познакомься, — говорит Ася, — это моя подруга Катя Муравьева. Она тоже репатриированная. Как и ты, Катя пишет стихи. Это у нее наследственное — ее предок, знаменитый казненный декабрист Муравьев-Апостол, писал стихи.

– Привет, – кратко здоровается девчонка, крепко пожимая руку Эди-бэби. – Рада познакомиться.

– Катя живет в Москве, но приехала ко мне погостить, – сообщает Ася.

– Очень приятно – Эдуард, – представляется Эди.

– Тебя на самом деле зовут Эдуардом? – нахально спрашивает коротковолосая девчонка, ловко переместив папиросу в другой угол рта. Языком. Эди-бэби знает, как это делается...

– На самом деле, – однозначно отвечает Эди-бэби.

– Ну, я пойду, мне пора, – объявляет Эди-бэби. Ему кажется, что девчонкам хочется остаться вдвоем. – Помнишь, ты мне обещала книгу Ромен Роллана... "Душа..."? – неуверенно произносит Эди-бэби.

– "Очарованная душа", – говорит Ася. – Ну конечно, возьми, только это о женщине, это скорее женская книга. Возьмешь?

– Давай, – решает Эди-бэби. Ему понравился "Жан-Кристоф" Ромен Роллана, наверное и эта книга хорошая.

15

На улице уже стемнело и перестал идти снег, а тот, который свалился, растаял на земле. Там и сям из салтовской темноты (бить фонари – своеобразный спорт малолеток, вот почему на Салтовке всегда темно. Эди-бэби с улыбкой вспомнил рогатку, которую ему подарил Костя) выныривают пары или целые компании, бредущие, нагруженные сумками с выпивкой и закуской, в гости – "гулять Октябрьские".

Светка уехала с матерью в недалеко от Харькова расположенный Днепропетровск к родственникам, поэтому праздничный вечер у Эди-бэби свободен. Вернется она только завтра, и тогда они пойдут к Сашке Плотникову. Светке

хочется потом рассказывать подружкам, что Октябрьские она гуляла в компании Сашки Плотникова. Для нее это все равно как быть приглашенной в королевский дворец. Эди-бэби понимает, что Светка тщеславна, но что он может сделать.

Эди-бэби сворачивает к своему дому. Вениамин Иванович в командировке, а мать наверняка "гуляет" праздники у соседей с первого этажа, у некрасивой тети Маруси и черноволосого статного дяди Вани. Приглашали они и его, Эди, только что ему там делать среди не интересных ему взрослых людей. Будет еще другая тетя Маруся со своим мужем дядей Сашей Чепигой. "Дядя Саша хотя бы веселый, хотя и он — козье племя," — думает Эди-бэби презрительно.

Мать Эди-бэби пользуется у соседей-рабочих большим авторитетом. Она — куда образованней их, училась когда-то в химическом техникуме, хотя работала только во время войны и всю остальную жизнь провела в домохозяйках, читая книги. Обе тети Маруси всегда обращаются к ней за советами в затруднительных положениях, а так как они все время в затруднительных положениях — дядя Саша пьет, а дядя Ваня слишком красивый для своей тети Маруси, Эди-бэби догадывается, что у него есть в жизни и другие женщины, — то Раиса Федоровна работает советчиком круглые сутки.

Дядя Ваня, кажется, чуть-чуть влюблен в мать, — думает Эди-бэби, шагая по мокрой асфальтовой дорожке, извилисто вьющейся между предполагаемых кустов и деревьев, к своему дому. Он заметил, что мать тоже ведет себя несколько странно в присутствии дяди Вани, как бы смущается. Мать говорит, что у дяди Вани цыганская кровь. Может быть, — думает Эди-бэби, — он похож на цыгана.

Матери вообще-то скучно на Салтовке, у нее нет теперь здесь настоящих подруг. Отцу-то что, он целые дни на работе, а то и в командировках. Мать же — салтовский узник. Мать куда выше ее теперешних рабоче-крестьянских

подруг. Еще несколько лет назад у них были куда более интересные соседи, половина их были военные: капитан Позин с семьей, старший Валерка был почти одного возраста с Эди-бэби, на год старше; военпред Соколовский с двумя красивыми дочерьми – Галиной и Ларисой. Семья Шепельских жила в другом подъезде. Сам Шепельский – доктор наук и альпинист, жена его Александра Васильевна и два их сына – студенты Влад и Ленька. Ленька, правда, появился на Салтовке чуть позже, уже сумасшедшим. Он сошел с ума в другом городе, Павлограде, кажется, и приехал к родителям уже необычайно тихим и кротко синеглазым. Однажды во время припадка он отрубил себе топором палец-мизинец и выбросил палец через форточку на улицу, – вспоминает Эди-бэби. Он отлично помнит, как приехала машина с санитарями, скрученное тело Леньки вынесли из соседнего подъезда и вложили в санитарную машину уже через несколько минут.

Все это давно уже история дома номер двадцать два по Первой Поперечной улице. Сам Шепельский давно развелся с женой Александрой Васильевной, и она вскоре после развода умерла. Шепельский же женился на молодой девушке, своей студентке, которая лазала вместе с ним по горам Кавказа. Александра Васильевна не могла лазать с Шепельским по горам, потому что она была старше Шепельского, у нее были толстые отекавшие ноги, и она много болела. После того, как Шепельский женился вновь и похоронил прежнюю жену, мать ходила на похороны, а Эди-бэби не взяла, хотя он и порывался пойти; Шепельский был назначен заместителем министра какой-то промышленности Украины, и переехал в Киев, и стал жить там в большой квартире. Это был как бы сигнал, Салтовка быстро пустела. Военные и интеллигенты переезжали в Центр, который уже отстроили после немецких разрушений, и в образовавшийся вакуум вселились шумные рабочие семьи – пролетариат, или "гегемон", как зовет его презрительно Кадик.

Среди них есть хорошие люди, как обе тети Маруси с мужьями, но матери порой тошно с ними.

Мать Эди-бэби особенно заскучала, когда последняя ее близкая подруга — еврейка Бэба, ее муж Додик и два их сына, Мишка и Ленька, — уехали с Салтовки. Додик был инженер. Мать плакала, когда Бэба, и Додик, и Мишка, и Ленька уехали — семья была очень веселая, все праздники они тогда гуляли вместе. Додик занимался любительской фотографией, и у матери сохранилось множество снимков, на которых Эди-бэби и Мишка и Ленька в праздничных костюмчиках стоят с шарами или лежат в майской траве, повернувшись физиономиями к фотографу, лукавый Ленька скорчив рожу или высунув язык.

После отъезда подруги Бэбы мать заныла. Через несколько дней она устроила Вениамину Ивановичу скандал, утверждая, что своей бесхарактерностью и беспомощностью он губит ее жизнь и жизнь ребенка, имелся в виду Эди-бэби, так как другого ребенка в семье так и не появилось. Под бесхарактерностью и беспомощностью подразумевалась неспособность старшего лейтенанта Савенко добиться от своих начальников новой квартиры, расположенной в Центре, а не здесь, на забытой цивилизацией Салтовке, где после каждого дождя улицы утопают в грязи. Мало того, что они до сих пор живут в одной комнате, в то время как даже некоторые подчиненные старшего лейтенанта Савенко имеют квартиры, "так мы еще живем в этом ужасном районе, где наш сын вынужден сидеть дома и, копясь в книгах, наживать себе близорукость, потому что мальчик не может общаться с хулиганами и деревенскими детьми, которые населяют Салтовку", — выпалила мать.

Безусловно, мать была права, хотя в то время ничто еще не указывало на грядущие беды, которые должно было принести семье Савенко и воспитанию Эди-бэби общество салтовской и тюренской шпаны, в котором он принужден был жить.

Отец отвечал матери расстроено, что он честный

человек и поэтому отказывается использовать свое служебное положение в личных целях, и что его подчиненные — да, имеют порой отдельные квартиры; но только те из них имеют, у которых большие семьи. ”У нас в части есть очередь на квартиры, и впереди меня люди куда более нуждающиеся в квартирах, чем мы”, — сказал отец. В ответ же на обвинение в бесхарактерности и беспомощности отец предлагал матери судьбу женщины, у которой муж горький пьяница или бабник, что еще хуже. Отец Эди-бэби не был ни пьяницей, ни бабником, хотя был очень хорош собой, куда симпатичнее Эди-бэби, как иногда, желая позлить его, говорит Эди мать. У отца прямой нос, а у Эди-бэби нос курносый, как у матери. И глаза у отца красивые, большие.

Эди-бэби вырос с внушением ему матерью убеждением, что ”наш отец хороший, исключительный”. Иногда она говорит Эди-бэби, что его отец слишком порядочный. Даже еще в период копания в книгах Эди-бэби твердо решил, что он не хочет быть хорошим, как отец. Эди-бэби хотелось иметь свою комнату, ну комнатку, пусть, чтобы развесить там географические карты, разложить книги и выписки, повесить рисунки растений и животных и трехмачтовых и двухмачтовых кораблей с разным парусным вооружением. Отец же был хорошим, потому все имущество Эди хранилось в углу ванной комнаты, среди старых вещей. Медленно, но верно отец стал злить его своей хорошестью.

16

Жизнь Эди-бэби круто изменилась в одиннадцать лет, на следующий день после драки с Юркой. Юрка Обеюк был второгодник, а следовательно был на год старше Эди-бэби. У Юрки были розовые, здоровые щеки мальчика из сибирского города Красноярска, откуда он и был родом, и крепкий, здоровый торс. По мнению Эди-бэби, Юрка был круглый дурак. Однако неопытный еще одиннадцатилетний Эди

не понимал того, что дурак может быть сильным, как молодой бычок. Сильным и опасным.

Они повздорили. Эди-бэби нарисовал вовсе безобидную карикатуру на Юрку — Юрка, спящий во время урока. Здорового мальчика действительно все время клонило ко сну в жаркой классной комнате. После того, как Эди-бэби и другой художник — Витька Проуторов повесили газету на стену, Юрка протолкался к Эди и сказал, что хочет с ним “стукнуться”. “Давай стукнемся, Савеха”, сказал он. “Савеха” было производным от Савенко — фамилии Эди. Среди учеников Восьмой средней школы было модным называть друг друга с окончанием на “ха”. Ситенко называли Ситеха, Карпенко — Карнеха, и т.д. У Эди-бэби, как уже было замечено, не было клички в его детские годы, Эди-бэби стал называть его Кадик, да и то, что это за кличка, это почти настоящее его имя.

Эди-бэби сказал: “Давай стукнемся”. По неписанному закону Восьмой средней школы трусостью и позором было бы в данном случае отказаться. Они договорились стукнуться в пустом классе на большой перемене.

Сибирский Юрка избил Эди-бэби до потери сознания. И круто изменил его жизнь, как появление ангела Габриэля изменило всю жизнь Магомета и сделало его пророком, а упавшее яблоко сделало Ньютона Ньютоном.

Когда Эди-бэби пришел в себя, он лежал на полу в пустой классной комнате, вокруг него стояло несколько его соучеников с испуганными лицами, а чуть поодаль, за одной из парт, спокойно сидел Юрка Обеюк.

— Ну что, получил? — сказал Юрка, увидев, что Эди-бэби открыл глаза.

— Получил, — согласился Эди-бэби. Что-то, но объективную реальность он понимал хорошо. Вместе с сочувствующими он проследовал в мужской туалет, где его почистили водой от мела и пыли, налипших на его брюки и черную вельветовую куртку. К синякам Эди-бэби, а вся его физиономия была украшена синяками и ссадинами, были

приложены пятаки, дружно протянутые ему соучениками. Инцидент был исчерпан.

Идя в тот день домой после уроков, Эди-бэби анализировал свою жизнь, рассматривал ее с различных углов зрения. Все свои одиннадцать лет. Чуть отвлекся он от этого процесса только дома, при первых испуганных криках матери и в процессе парирования ее вопросов "Кто?", "Где?", "Когда?".

Эди-бэби только и сказал, что он подрался. Кто же его побил, он не сказал, справедливо полагая, что это его личное дело. Вопросы же "Где?" и "Когда" и вовсе не имели смысла, по мнению Эди-бэби.

В тот день он не прикоснулся к своим французским королям или римским императорам, не раскрывал тома своих тетрадок, не обложился книгами. Он лежал на диване, повернувшись носом к его мягкой спинке, и думал. Он слышал, как пришел отец, он даже покорно встал, чтобы отец мог рассмотреть его украшенную синяками и шишками физиономию, но почти тотчас лег опять в ту же позицию, носом к стене. Когда отец и мать очень уж надоели ему своим гудением за спиной, он выдернул из-под головы одну из диванных подушек и накрыл ею голову. Так делал отец, когда в воскресенье ложился после обеда подремать. Однако Эди-бэби не спал. Он думал.

Не заснул он во всю ночь. Но когда на следующее утро он встал, оделся, умылся и как автомат проследовал на кухню, где съел свою обычную утреннюю яичницу с куском колбасы, взял старую отцовскую полевую сумку, служившую ему портфелем, и вышел, направляясь в школу, он был уже другим человеком. Совсем другим человеком.

Эди-бэби до сих пор четко помнит это утро до мельчайших деталей, яркое весеннее солнце и то, как он прошел по тропинке за дом, обычный его маршрут, чтобы выйти на собственно Первую Поперечную улицу, которая и должна была привести его к школе. Но в тот день Эди-бэби

остановился ненадолго за домом, под окнами Владьки и Леньки Шепельских, поставил свою полевую сумку на землю, развязал и снял с себя пионерский галстук и сунул его в карман. Ничего общего с отрицанием пионерской организации этот жест не имел, скорее Эди-бэби символизировал снятием галстука начало новой жизни для себя. Эди-бэби решил оставить свои книги, пойти в реальный мир и стать в реальном мире самым сильным и смелым.

Он решил стать другим человеком и стал им в тот же день. Обычно молчаливый и углубленный в себя, в тот день Эди сыпал остротами и наглыми колкостями в адрес учителей, за что учительница французского языка, потрясенная, даже выгнала его из класса, и остаток урока он проторчал в коридоре вместе со здоровенным второгодником Приходько, лоя мух и греясь на первом весеннем солнышке, сидя на подоконнике. Тогда же вместе с Приходько он совершил и свое первое в жизни сексуальное преступление: они вторглись в женскую уборную на четвертом этаже, где скрывались от урока физкультуры несколько девочек из пятого "А" класса, и "зажали" их. Эди-бэби видел до этого, как это делали другие ученики, но никогда не испытывал никакого желания совершить акт "зажимания" самому.

В набеге на женский туалет он, подражая Приходько, набросился на свою жертву, пухлую девчонку по имени Настя, фамилии ее Эди-бэби не знал, со спины и схватил ее за то, что должно было приблизительно называться "грудью", руками. Девчонка пыталась вырваться, но очень орать она не могла, слышали бы в классах, прогульщикам грозило наказание, она царапалась и тихо визжала. Раздраженный сопротивлением и опять-таки следуя примеру Приходько, который прижал в это время к умывальнику действительно пышногрудую Олю Олянич, которой было уже 14 лет, и лез ей руками под юбку, новый Эди-бэби также запустил обе руки под школьную форменную юбку Насти и схватил ее там, где у девочек находится "пизда". Слово "пизда" Эди-

бэби знал со второго класса и знал, где пизда находится.

Во втором классе его соученики Толька Захаров и Колька, по прозвищу "Клочки по закоулочкам" (вторая его кличка была менее сложной и более унижительной – "Ссыкун", ребята говорили, что он до сих пор уссыкается – то есть писает под себя в постель), пытались изнасиловать Ларку Гаврилову. Пытались они ее изнасиловать на большой перемене, на ворохе пальто, тогда еще в школу не завезли вешалки для раздевалки, и пальто горой лежали на задних партах. Сейчас, в его пятнадцать лет, Эди-бэби не может понять, как восьмилетние мальчики могли "пытаться изнасиловать" восьмилетнюю девочку. Чем? – ухмыляется Эди. Какой член может быть у восьмилетнего мальчика, даже если он такой хулиган, как Толька Захаров или Колька Ссыкун? Кольку и Тольку исключили было из школы тогда, но через две недели приняли обратно.

Эди-бэби схватил Настю за ее "пизду" под юбкой. Там, где у Насти была пизда, было очень тепло. Эди-бэби схватил ее за это тепло рукой и сжал. Настя, в момент когда Эди сжал рукой ее пизду, заревела. Эди-бэби показалось, что у Насти было там не только тепло, но и мокро. "Она, наверное, только что пописала", – догадался Эди-бэби.

На крики девчонок, хотя и негромкие, явилась уборщица Васильевна, жена швейцара дяди Васи, во дворе школы у них был небольшой домик, где они жили, и стала хлестать ребят мокрой тряпкой, крича, что они "коблы" и место им в тюрьме. "Атас!" – закричал Приходько, и, отпустив девочек, он и Эди-бэби, прикрываясь от тряпки Васильевны руками, вырвались в коридор и умчались.

17

После этого случая в женском туалете Эди-бэби заслужил покровительственное одобрение Приходько вместе

с его нескрываемым удивлением. Тогда же Эди-бэби начал дружить с Чумой – Вовкой Чумаковым, а в марте убежал вместе с ним в Бразилию.

Побег в Бразилию стал широко известен всей Восьмой средней школе, благодаря стечению обстоятельств. Убегая в Бразилию, Эди-бэби и Чума спрятали свои портфели в подвале дома, в котором жил Чума, под кусками ржавого железа, ибо зачем человеку портфель в Бразилии. Непонятно, почему они не выбросили портфели, а бережливо спрятали их. Возвращаться из Бразилии в Харьков они не собирались.

Как бы там ни было, портфели были найдены электриками, которые спустились в подвал ремонтировать электрооборудование, были торжественно принесены ими в школу и вручены классной руководительнице Рахили. В то время Эди-бэби и Чуму уже искали.

Вспоминая свой побег в Бразилию, сегодняшний Эди-бэби снисходительно улыбается. Первые наивные опыты. Почему в Бразилию нужно было идти пешком и по компасу, ему тоже сейчас непонятно. Тогда же он и Чума пошли на юг. Разумеется, они быстро заблудились и вместо Бразилии попали на городскую свалку, в десяти километрах от города, где бродяги и инвалиды ограбили их, забрали весь их капитал – 135 рублей и 90 копеек, которые они сберегли для побега в Бразилию, оставив их только с парой географических книг, которые Эди-бэби взял, чтобы подхлестывать свою и Чумы решимость добраться до Бразилии рассматриванием фотографий и рисунков, изображающих тропических животных и птиц и жаркие пейзажи Амазонки. Одна из книг называлась "Путешествие по Южной Америке".

Был конец марта и еще очень холодно, хотя снег и сошел весь в февральскую оттепель. Без денег, – резонно изложил свою точку зрения более практичный сын прачки Чума все еще упрямо-романтически настроенному Эди-бэби, они сидели у разведенного в старой железной бочке ко-

стра, — до Бразилии им не добраться. И не добраться даже до Крыма, где Эди-бэби предлагал переждать до наступления настоящего тепла, а затем двинуть по компасу на запад в Одессу, где пробраться на корабль, идущий в Бразилию. "Пойдем домой!", — сказал Чума...

Эди-бэби не хотел идти домой, ему было стыдно возвращаться. Эди-бэби был много упрямее Чумы. Чума ушел без компаса в направлении автобусной остановки, а Эди-бэби остался и переночевал ночь в котельной большого дома, у парораспределительного котла, раздевшись до майки. В углах шуршали мыши или крысы, и Эди-бэби не сомкнул глаз. Наутро его, пытавшегося украсть булку в хлебном магазине, поймали продавцы и сдали в милицию.

18

Сегодняшний Эди-бэби стоит перед своим домом номер двадцать два по Поперечной улице, но идти домой или к тете Марусе ему не хочется ужасно. Потому, поглядев немного в раздумье на освещенные окна тети Маруси на первом этаже, он решает навестить лавочки под липами, может быть, кто-нибудь из ребят там, может быть, они выпивают или трепяются. Потому, застегнув до горла молнию своей желтой куртки, сунув руки в карманы и покрепче зажав под рукой "Очарованную душу", которую дала ему Ася, Эди-бэби бодро устремляется к Салтовскому шоссе, выбрав асфальтовую тропинку, проходящую мимо дома Кадика. Возле дома Кадика стоит большой вонючий общественный туалет — Эди-бэби хочется в туалет. Если бы только "отлить", он стал бы у любой стены, нравы на Салтовке простые, но, к сожалению, он хочет в туалет "по-большому", как говорят родители Эди, или "поверзать", как говорит Кадик, или "посрать" — так говорят самые грубые жители Салтовского поселка. Эди-бэби даже стесняется

произносить это последнее определение ежедневного физиологического процесса, настолько оно грубое.

Туалет — каменный барак с двумя входами, мужским и женским, едва ли не единственный публичный туалет на этой "их" стороне Салтовского шоссе. Эди-бэби терпеть не может туда ходить, но так как он большую часть своего времени проводит теперь на улице (отец и мать с ностальгической тоской, как о потерянном рае, вспоминают о временах, когда его невозможно было выгнать из дома), то ему приходится посещать это заведение.

Толкнув деревянную дверь, Эди-бэби с ужасом видит, что туалет весь затоплен гнилой водой пополам с мочой, а в воде анонимные народные умельцы уже проложили временный мостик из принесенных откуда-то кирпичей, ведущий к деревянному возвышению, с прорезанными в нем тремя дырами. Стараясь не вдыхать отравленный воздух, Эди-бэби балансирует по камушкам над мутной жижей и усаживается, спустив штаны, над одной из дыр. Дышать время от времени все же нужно, и посему Эди-бэби помимо своей воли обнаруживает, что воняет не только мочой и экскрементами, но и блевотиной. Противоположный от него угол деревянного помоста густо заблеван. Блевотина искусственно-красного цвета: очевидно, жертва, оставившая здесь содержимое своего желудка, пила в день 41-ой годовщины Великой Октябрьской Социалистической Революции исключительно кагор или красное крепкое. Специалисты, профессионалы, а Эди-бэби профессионал, считают, что на 50% красное крепкое состоит из собственно красителя и разъедает желудок идиота, который имеет неосторожность его пить.

Эди-бэби срывает с ржавого гвоздя в стене туалета остаток газеты, который добрая душа, а таковые есть все время, здесь оставила, и... подтирается, со смешком вспоминая теорию Славки Цыгана о том, что типографская краска на газетах вредна для жопы, от постоянного подтирания газетами будто бы можно приобрести рак в заднице.

Туалет сегодня настолько отвратительный, что Эди-бэби спешит как можно скорее из него выбраться, но совершает непростительную ошибку. Встав и бросив бумагу в дыру, он нечаянно, помимо своей воли, взглядывает вниз и замечает, что уровень дерьма под помостом необычайно высок, всего десять-пятнадцать сантиметров отделяют дерьмо от помоста, а в дерьме, там и сям, шевелятся белорозовые черви!

— Ни хуя себе! — в ужасе вскрикивает Эди и мчится по камушкам прочь из отвратительной клоаки, кляня себя за то, что посмотрел вниз. Отойдя с полсотни метров от всегда освещенной изнутри мерзкой будки, он облегченно вздыхает.

К неожиданному своему удовольствию Эди-бэби обнаруживает на скамеечках под липами не только Кота и Леву, но и Саню Красного, которого здесь быть как будто не должно.

Между Котом илевой и Саней стоит пол-литра "Столичной" и белая миска с огурцами и кусками жареного мяса. Миску, очевидно, вынесли Кот и Лева, их дом — пятый дом — рядом. Санин дом ближе к дому Эди-бэби.

— Эд! — радостно кричат ему три здоровяка.

Эди-бэби не откликается, подходит, молча улыбаясь. Он знает, что если он спросит "Что?" или "Да!", все богатыри радостно воскликнут бравым хором: "Хуй тебе на обед!" Эди-бэби не обижается, это традиционная шутка-присказка, но на покупку, помня о ней, не отвечает.

Справедливости ради следует сказать, что и между собой у Кота, Левы и Сани такие же отношения. Саня может крикнуть "Кот!", и если Кот забудется и откликнется "Что?", — то услышит в ответ неизменное "Хуй тебе в рот!" и хохот. Дружеские, хотя и грубые шутки, только и всего.

— Садись, Эд, — говорит Саня. — Лева, налеп пацану.

Лева наливает Эди-бэби полстакана водки. Эди пьет

холодную едкую жидкость. Дернув водки, Эди-бэби, не торопясь говорит, обращаясь к Сане:

– Ты что, Сань, не пошел к Резаному гулять?

Только после этой фразы Эди-бэби позволяет себе протянуть руку за куском мяса и огурцом. Неторопливость – признак высшего пилотажа в области выпивки.

Оказалось, что несмотря на то, что только половина десятого, Саня уже успел дико разругаться со своей парикмахершей, послал ее на хуй, дал ей по роже, уехал, хлопнув дверью, из компании Толика Резаного, тоже мясника, в которой они с Дорой гуляли праздники, и вот теперь сидит под липами на скамеечке. Куда еще деваться салтовскому молодому человеку, куда еще понести ему свое горе, свою неприятность, кто его успокоит, как не веселые и верные друзья и хороший стакан водки?

– Ебаная блядь! – говорит Саня в адрес покинутой парикмахерши, зажевывая свою водку огурцом. – Строит из себя целку. Мне Абаня говорил еще с месяц назад, что ее ебал Жорка Божок – журавлевский фраер. Я не верил, теперь вижу, что Абаня был прав!

– Брось ты ее на хуй совсем, Саня, – говорит Лева. – Ты что, не можешь найти себе пизду? Только свистни – десяток прибежит на Красного.

– Попроси Светку, – поддерживает Леву Эди-бэби, имея в виду Санину сестру Светку, – у нее куча подруг, она тебе подберет.

– На хуй мне кого просить, – возражает Саня, может быть немного обидевшись. – Я только на танцы вхожу, на меня уже каждая пизда поглядывает, только и ждут, чтоб пригласил и выебал. А Светка моя, – тут Саня поворачивается к Эди, – еще ссыкуха, и подружки ее больше для тебя, Эд, годятся по возрасту, для меня они малолетки.

Эди-бэби молчит. Ему стыдно, что он малолетка.

Похрустывая огурцами, компания меланхолически затихает. Слышно, как из соседних домов вдруг доносит пьяную песню, звуки музыки или взрыв смеха.

— Ну что, сходить еще за одной? — нарушает молчание Кот, обращаясь к Сане.

— А чего, сходи... — соглашается Саня и лезет в карман за деньгами. — Гастроном номер семь сегодня работает до двенадцати вечера.

— Да у меня есть башли, — останавливает Саню Кот. Кот добрый парень и неплохо зарабатывает на своем заводе. Саня, конечно, зарабатывает мясником куда больше и к тому же находится при мясе, но он и так тратится часто. Сейчас Кот хочет угостить, это его право, поэтому Саня без возражений вынимает руку из кармана своего выходного венгерского ратинового пальто.

Кот поднимается со скамейки, одергивает на себе пиджак, и он и Лева вышли из дому раздетыми, говорит: "Ну, я сейчас мигом сметаюсь", — и уходит.

— Если есть "Жигулевское", купи пару бутылок, — просит его уже в спину Лева.

— Угу, Толстый, — отвечает Кот, не оборачиваясь.

19

Однако, сделав всего несколько шагов, Кот останавливается и внимательно всматривается в сторону трамвайной остановки.

— Ребята, мусор бежит! — объявляет он. — К нам!

— Ну и хуй с ним, пусть бежит, — говорит Саня спокойно. — Мы ему ничего не должны. Водки у нас уже не осталось. Зря бежит.

Стуча тяжелыми сапогами, к лавочкам подбегает милиционер в расстегнутой шинели. Эди-бэби знает его, так же как и остальные. Степану уже под 50, мусор, конечно же, не может быть хорошим человеком, но Степан Дубняк не полное говно, хотя и хитрый мужик. Если кого из ребят сажают на пятнадцать суток, он всегда пронесет им бутылку в кармане, хотя пить в камере, естественно, не разреша-

ется. Несколько раз Степан не "забирал" салтовских, когда должен был забрать, и т.д. Степан хочет жить в мире со шпаной. Теперь, когда Саня Красный перешел работать с Конного рынка в новый продовольственный магазин на Материалистической улице, тот самый, который ограбили Эди-бэби и Вовка-боксер, жена Степана ходит к Сане за мясом. Он оставляет ей хорошие куски. Или говорит, что хорошие. Саня любит подсмеиваться над своими покупателями. Однажды, в присутствии Эди-бэби, он содрал на спор с чьей-то галоши толстую красную подкладку, порубил ее топором на деревянном мясницком чурбане, вывозил в крови и тут же продал довесками к мясу. Всю.

— В чем дело, Степа? — спрашивает Саня сочувственно-фальшивым голосом. — За тобой что, собаки гонятся?

— Выручайте, пацаны, родненькие! — запыхавшись, выпаливает Степан. — Черножопые взбунтовались из 12-го строительного батальона. Накурились дури и теперь движутся по Материалистической сюда, к Стахановскому, всех на пути избивают, девку уже одну насильничали... сюда идут! Напарника моего побили, без сознания Николай, в клубе его оставил...

Судя по Степановой роже, дело серьезное. Физиономия у него испуганная, а его не так легко испугать.

— Сколько их? — спрашивает Кот. — Весь батальон, что ли?

— Было человек двадцать, — говорит Степан, тяжело дыша. — Теперь осталось десять или двенадцать. Все узбеки. Но главный у них сержант — русский. Им, видать, дури из Узбекистана родственники к празднику привезли. Со всем они как бешеные, слюна из глоток течет...

— На хуй нам свои шеи подставлять, — ворчит Лева. — За мусоров заступаться. Я уже в тюрьге посидел, спасибо вам, мусорам, хватит с меня.

— Вооружены? — спрашивает Саня Степана, не обращая внимания на Левино ворчание.

— Слава Богу, нет. Пояса снимали, пряжками де-

ругся. Всех бьют, не разбираясь, хоть бабы попадают, хоть дети. Помогите, ребята, век не забуду! В отделении никого, только дежурные, а пока из других отделений подмогу вызвонят, сколько ж народу черножопые изуродуют!

— Ну, что? — спрашивает Саня, обращаясь, главным образом, к Коту. — Поможем органам милиции и партии и правительству в борьбе с черножопыми хулиганами?

Эди-бэби понимает, глядя на Саню, что ему хочется выместить на ком-нибудь свою злость на Дорку-парикмахершу.

— Чего партии, чего правительству, они ваших же подружек лапают, девку вон у парка насильничали всей бандой! — кричит Степан.

— Мою если поймают, только рада будет, — смеется Саня.

— Пошли, — соглашается Кот. — Разомнемся. Леву он не спрашивает, зная, что тот пойдет с ними все равно.

Все они бегут за Степаном через трамвайные пути, глубже в темноту. Степан, за ним грузный в свои 22 года Саня, крепкий Кот, тяжелый, как гири, которые он тягает, Лева и Эди-бэби, хотя его никто не звал и ему чуть-чуть боязно.

У слабоосвещенного Стахановского клуба, он сегодня не работает, испуганная пара стариков-швейцаров общается Степану, что взбунтовавшиеся под действием дури солдаты, оказывается, не завернули в Стахановский клуб, как ожидал Степан, а побежали почему-то дальше, в район практически безлюдный и нежилой, в сторону Сабуровой дачи. С одной стороны на пару километров в этом месте тянется забор завода "Серп и Молот", с другой — забор завода "Поршень", а между ними параллельно проходит трамвайная линия, по которой трамваи привозят людей на Салтовку и увозят с Салтовки людей.

Вполне возможно, — думает Эди-бэби, — что солдаты просто заблудились, потому что делать там охувшим от азиатского наркотика солдатам абсолютно нечего. Только

после этих двух километров пустыря, поросшего сорной многолетней травой и кое-где заболоченного, начинаются опять жилые кварталы, а за ними — город. Может быть, солдаты хотят уйти в город?

— Где же ваши ебаные дружинники сегодня? — кричит Саня Степану, они бегут в направлении, указанном им швейцарами, бегут, во-всю работая локтями, пытаясь нагнать отряд жестоких кочевников.

— Да ну их на хуй! — в отчаянии кричит Степан. — В праздник ни один не хочет патрулировать.

Некоторое время, шумно дыша, все они топчут молча мимо ограды пустого сквера, мелькают целые блоки железной ограды. 2, 3, 5, 7... 20, больше — считает про себя Эди-бэби.

20

Там, где ограда сходится острым клином с оградой другой стороны сквера и асфальтовая узкая дорожка врезается с налету в трамвайные пути, чтобы их пересечь, их встречает жуткий вой и летящие камни. Даже не вой, а дружный рев, что-то вроде искаженного "Ур-р-р-р-я!" вырывается из не видимых во тьме глоток.

— Ох, блядь! — ругается Степан, злобно и бессильно, уворачиваясь от тяжелых, как пушечные ядра, булыжников. Голос Степана дрожит, словно он плачет. — Хуй мы их отсюда выкурим! На нашу голову пиздюки-рабочие не успели заново замостить дорогу.

Дело в том, что черножопые укрылись за естественной баррикадой из булыжных камней, метра в полтора высотой, которую оставили после себя дорожные рабочие, где-то преспокойно уже напившиеся, наверное, и не подозревающие даже, что происходит на ими покинутом рабочем месте.

Степан, Саня, Кот и Лева, а за ними и Эди-бэби вы-

нужденно отбегают на расстояние, не достижимое для тяжелых булыжников, и совещаются.

— Нужно задержать их до прихода милицейских машин, — говорит Степан.

— Ни хуя подобного, — возражает Саня, — нужно взять сержанта, это главное, остальные сами разбегутся.

— Взять, взять! — передразнивает Саню милиционер. — Как? Нас четверо, а их, по меньшей мере, десять человек.

— Пятеро, — хмуро и решительно вставляет Эди-бэби, протиснувшийся в круг, но никто не обращает на него внимания.

— Почему ты, пизда, не стреляешь? — обращается Саня к Степану. — На хуя они тебе ТТ дали, чтоб ты бандитов голыми руками ловил?

— Нельзя! — строго объявляет Степан. — Убьешь его, он безоружный, да еще солдат. Меня же и под суд отдадут. Не могу я стрелять!

— Мудак! — озлобленно говорит ему Саня, — стреляй, они обосрутся сразу. Мы все в свидетели пойдем, что они твоей жизни угрожали. Не хочешь убить, боишься, стреляй по ногам.

— Не могу! — отрезает Степан. — Не могу.

— Ну, дай пушку мне, — говорит Саня, — мы с пушкой возьмем сержанта.

— Как я могу тебе револьвер доверить, — злится Степан. — Ты что, шутишь?

— Мудак! Ой, мудак! — клянет его Саня.

Их перепалка прерывается взрывом рева и градом камней. На сей раз положение куда более серьезное. Выбежав из-за баррикады, разъяренные солдаты несутся на них. Эди-бэби впервые может их рассмотреть. Лишь некоторые из них в шинелях, несмотря на ноябрьский холод. Не подтянутые ремнями гимнастерки-мундиры висят на них деревенскими рубахами, ворота распахнуты, обнажая белые нижние рубахи, на фоне которых резко выделяются смуг-

лые восточные лица. На правую руку у каждого намотан широкий солдатский ремень с тяжелой литой бронзовой бляхой. Получив такой бляхой в висок или по голове, человек обычно падает без сознания. Драться бляхами нормальный армейский способ. Солдаты бегут прямо на них, вращая в воздухе ремнями.

Саня, Кот и Лева, последний, хромя, поднимают брошенные солдатами булыжники и швыряют их в солдат. Эди-бэби следует их примеру. Толку мало. Как в замедленном фильме, Эди-бэби видит опасно увеличивающиеся смуглые разъяренные рожи.

Как бы для того, чтобы дать Эди-бэби возможность рассмотреть происходящее получше, внезапно подкатывает дотол не слышный трамвай и вынужденно останавливается, жутко сигналив всеми своими трамвайными курантами, проехать он не может — часть солдат бежит по трамвайной линии, к тому же несколько больших камней лежат прямо на рельсах.

Солдаты уже меньше, чем в десяти метрах от укрывшихся среди голых стволов деревьев кучки ребят и милиционера. Дрожащие пальцы Степана прыгают у кобуры.

— Стреляй, мудак, они нас всех замочат, стреляй! — кричит Саня.

Кот одним рывком хватается Степана за руку, хочет отнять револьвер.

Степан отвоевывает свою руку и держит револьвер, вытянув его далеко перед собой. Револьвер трясется в его руке. Степану страшно.

— Стреляй! — кричит Саня.

— Стреляй, пизда! — страшно орет Лева.

— Стреляй по ногам! — кричит Кот.

— Стреляй! — кричит Эди-бэби.

Под малиновый, непрекращающийся звон курантов трамвая старшина милиции, наконец, несколько раз подряд нажимает курок. Четыре раза "Баф! Баф! Баф! Баф!" грохает в ночном воздухе, и невидные пули все четыре раза вы-

бивают искры из булыжной мостовой прямо у ног и между ног внезапно остановленной орды.

Ребята, сгрудившись за Степаном, видят, как солдаты бегут обратно в темноту, за прикрытие баррикады. За остановившимся трамваем, сыпля искрами, останавливается еще один трамвай, и тоже заливается звоном. Двери закрыты, пассажиры прижались к стеклам.

Степан стреляет еще несколько раз и меняет обойму.

Солдаты укрылись за баррикадой, но не все. Одна крупная фигура останавливается, как бы передумав, издает отчаянный рев "А-а-а-а!" и устремляется на Степана и ребят.

— Главарь! — хрипло говорит Степан. — Сержант! — и пятится.

— Он-то нам и нужен, — говорит Саня. — Отвлеки его, Степан, раздражи, а мы с Котом зайдем на него со стороны, вдоль забора, а потом сзади. Хуй он что заметит, он неменяемый.

Кот и Саня опускаются на четвереньки и, припадая к земле, бегут к забору.

Сержант теперь не бежит, а тяжело идет на все еще тящегося Степана, Леву и оставшегося с ними Эди-бэби.

— Стреляй, сука! — кричит сержант. — Стреляй, блядь гнилая! Стреляй в русского солдата, сволочь милицейская!

— Сдавайся, мудака, хуже будет! — кричит сержанту Лева. Все трое, включая Эди-бэби, отступают перед надвигающейся на них тушей сержанта, ожидая момента, когда Саня и Кот зайдут ему в тыл.

Внезапно водитель трамвая включает дальние фары и вся сцена заливается желтым светом. Сержант перестает быть темной массивной фигурой, его наконец можно рассмотреть. Сержант стоит, распахнув обеими руками мундир на груди, видны даже, несмотря на ноябрьскую температуру, капли пота на его лбу. В отличие от наголо обритых солдат, его русые волосы острижены под полубокс. Он все

ближе и ближе. Степан опасно подрагивает своим ТТ, вытянув его по-прежнему далеко перед собой.

— Ты же мудака! Ты же не можешь! — орет Лева в сержанта.

”Что не можешь, кого не можешь?” — не понимает Эди-бэби. Внезапно, глядя на Степана, почти согнувшегося вдвое с его ТТ впереди, Эди-бэби осознает, что Степан не очень-то и умеет стрелять. ”Интересно, был ли Степан на фронте?” — почему-то задумывается Эди.

— Стреляй, сука, мне в грудь! Стреляй в русского солдата! — продолжает бессмысленно-животно орать сержант. Вдруг он наклоняется и хватается оказавшийся у него под ногами булыжник и поднимает его над головой.

— Убью-ю-ю! — кричит он диким голосом и устремляется вперед, впрочем, чтобы тут же упасть вместе с камнем под тяжестью бросившихся на него сзади Кота и Сани.

Молчаливо на сей раз вырвавшиеся из-за своего укрепления солдаты, оказавшиеся ближе, чем кто-либо ожидал, бросаются было на выручку своему вождю и предводителю, но Степан стреляет опять, уже более хладнокровно, им под ноги и в ноги, вновь высекая красивые желтые искры из мостовой.

Почти в этот же момент место действия еще более оживляется подлетевшими внезапно тремя милицейскими автомобилями и выскакивающими оттуда милиционерами, которые устремляются, предводительствуемые Степаном, вылавливать солдат. Оба трамвайных водителя одновременно открывают двери, и празднично одетые подвыпившие мужчины выпрыгивают наружу, пытаются понять, в чем дело.

Эди-бэби слышит свое имя. ”Эд!” — Саня зовет его. И зовет уже, очевидно, некоторое время, потому что голос злой.

— Эд, еб твою мать, где ты! Беги сюда.

Эди-бэби бежит на голос.

Саня и Кот держат на земле поверженного русского

богатыря. Богатырь хрипит и пытается двигаться. Несмотря на Санины сто килограмм и тренированные мышцы Кота, видно, что не так им легко держать сержанта в неподвижности.

— Эд, где тебя хуй носит? — говорит Саня уже более миролюбиво. — Сними с этого жеребца брючный ремень!

Эди-бэби опасно отворачивает вверх мундир сержанта и расстегивает его брючный ремень.

— Не трожь, гнида, удавлю! — хрипит сержант окровавленным ртом.

— Молчи, жеребец! — обращается Саня к сержанту даже ласково и бьет его кулаком по лицу, как молотом, сверху. Удар у Сани пудовый, ладонь твердая. Саня постоянно набивает свою ладонь, ее ребром он спокойно переламывает хорошую доску. Сержант замолкает.

Вдвоем с Котом они переворачивают сержанта на живот и стягивают его руки крепко-накрепко брючным ремнем.

— Мы пойдем еще чуть разомнемся, а ты, Эд, посторожи преступника, — насмешливо говорит Кот. Его, очевидно, забавляет собственная роль защитника порядка. И, поймав опасливый взгляд Эди-бэби, брошенный на сержанта, добавляет:

— Ты его не бойся, в случае чего бей его в горло каблуком или по рылу твоей стальной подковой.

— И не жалея его, Эд, — добавляет Саня. — Если развяжется, он тебя не пожалеет.

21

Эди и сержант остаются одни. Невдалеке слышны выстрелы, крики — это милиционеры вылавливают солдат.

Сержант, так и лежащий ничком, как его оставили Саня и Кот, поднимает окровавленное лицо с земли и говорит шепотом:

— Развяжи меня, пацан, а? Я же русский, из Саратова. И ты русский. Развяжи!

Эди-бэби молчит.

— Гнида! — шипит сержант. — Сам развяжусь, хуй тебе оторву! — Он начинает напрягать руки, как бы для того, чтобы разорвать ремень, стягивающий их, и, упираясь коленями в землю, пытается встать.

Эди-бэби, почти не глядя на сержанта, изо всей силы ударяет его носком туфли в ребра.

— У-у-у! — орет от боли сержант. — Гаденыш! Паскуда! Устрица поганая!

Еще пару лет назад Эди-бэби развязал бы сержанта. Однажды он так отпустил, по его слезной просьбе, подлого Леньку Лисицу из третьего дома, которого он победил, — Ленька лежал под Эди-бэби, и Эди-бэби крепко сжимал руками Ленькино горло. Отпустил. Ненужное джентльменство вышло Эди-бэби в буквальном смысле боком, Ленька запустил ему в бедро нож. И хотя и нож был маленький, и рана неглубокая, быстро затянулась, но хуй теперь Эди-бэби кого-нибудь отпустит.

— Ну, я тебя встречу, гаденыш! — шепчет сержант. Его бревнообразные руки инстинктивно шевелятся, как бы пробитые нервным электрическим тиком. — В один укус горло перехвачу! — с ненавистью продолжает он.

Эди-бэби опять с почти автоматической готовностью несколько раз бьет сержанту ногой в ребра. Чтоб не грозился, гад!

За этим занятием его и застают возвратившиеся Кот, Лева и несколько милиционеров.

— Эй, эй! — кричит один из мусоров, — пацан, пацан, стой! Хватит, забьешь сержанта, а нам его еще военным властям сдавать.

— Ни хуя такой образине не будет! — заступает за Эди Саня. — Посмотри на него, он как из бульжных камней сделан.

Милиционеры, и Саня, и Кот, и Лева, и снова появив-

шийся на месте действия Степан поднимают сержанта с земли и ставят его на ноги. Только сейчас Эди по-настоящему понимает, какой он необыкновенно здоровый. Саня и Кот берут сержанта под руки, по-прежнему стянутые за спиной, и ведут его к одной из милицейских машин, к "Раковой шейке", как их называет салтовская шпана. Но у Степана для них, по-видимому, другой план, потому что он останавливает ребят и, чуть отведя их в сторону от милиционеров, говорит Сане полупшепотом:

— Эй, Сашок, не будь дураком! Если бы не вы, хуй бы мы солдат взяли. И сержант мой и ваш. Они-то ведь уж на готовое приехали, — кивает он в сторону других милиционеров. — Нужно, чтоб мы сержанта в отделение привели и прямо майору Алешинскому сдали. Он уже в отделении, вызвали из дому по такому ЧП. — Остановившись, Степан меняет деловой тон на доверительный и продолжает:

— Он на тебя, Сашок, зуб имеет. А вот как придем с этим товаром, — Степан кивает на сержанта, — он мнение тотчас переменит, может, и премию какую схлопочете: "За сотрудничество с органами милиции в деле поддержания порядка". А?

— Степан прав, Сань, — соглашается Кот. — И для нас слевой неплохо бы показаться в отделении. У нас до сих пор по три года условных на каждого.

— Пойдем в отделение, хорошо, — не очень охотно, но соглашается Саня.

Степан объявляет своим и чужим мусорам, что им нужно вначале отвести арестованного в Стахановский клуб, в одной из комнат которого официально помещается подпункт 15-го отделения милиции, будто бы на очную ставку с изнасилованной девушкой, а уже потом в отделение.

Мусора не протестуют, и Степан, прихватив еще одного из арестованных, якобы тоже для опознания, а на деле для того, чтобы вся история выглядела правдоподобнее, быстро формирует караван. Впереди идет Степан, вместе с

Котом держа за руки арестованного солдата-узбека. Гимнастерка на нем разорвана на плече и пропитана кровью. Вид у него испуганный, очевидно, действие дури начало проходить, и теперь он понимает, что случилось нечто, не очень приятное. За узбеком Саня и Лева ведут все еще огрызающегося и пытающегося время от времени остановиться сержанта. Забегая то чуть вперед, то плетясь сзади, идет любопытный Эди-бэби...

Вокруг этой основной группы шагает еще с десяток посторонних гражданских лиц, в основном подвыпившие пассажиры двух трамваев, жадные до зрелищ.

22

В Стахановский они, конечно, не заходят. Устранив конкурентов, довольный карьерист Степан шагает широко и быстро по Материалистической, стремясь как можно быстрее достичь отделения милиции и предстать перед майором Алешинским в облике победителя, захватившего главаря.

Эди-бэби видит по поведению своих старших товарищей, что ребятам лень торопиться куда-то, идти быстро и что дальнейшие действия, несмотря на соблазны появиться перед самым начальником 15-го отделения не хулиганами и преступниками, как обычно, а сознательными помощниками милиции в борьбе против правонарушителей — бандитов-солдат их мало интересуют.

Первым сдается Кот — Эди-бэби видит, как он передает руку своего узбека, за другую руку его волочет сам Степан Дубняк, ретивому мужичку в белой кепке и черном потертом плаще-реглане. Мужичок со свирепой готовностью вцепляется в руку. Свободный же и довольный, видно по лицу, Кот немного отстает и некоторое время идет рядом с Саней и Левой, нашептывая что-то Левае, очевидно, агитируя и его избавиться от своего конвоируемого.

Действительно, чуть погода, Лева громко объявляет всем, что ему нужно отлить, и отдает свое место конвоира еще одному желающему принять участие в событиях — криминального вида грузин восторженно охватывает каменный бицепс сержанта.

— Ну, так вы посылите, и за нами, — говорит Степан, поворачиваясь к Коту и Леве. — Нагоняйте!

В это время все они проходят уже мимо все еще открытого гастронома номер семь. Толпа у гастронома встречает их приветственными кликами. Так, наверное, римляне встречали своих мужчин, вернувшихся из похода на соседнее племя. Однако информация у толпы, очевидно, противоречивая, потому что кое-кто уже злобно выкрикивает в адрес Степана:

— Эй, мусор, за что солдатиков-то захватил! Отпусти!

— И не милицейская это обязанность. Солдат арестовывает военный патруль, — слышен чей-то бас.

— Что ж, им и праздники нельзя погулять! — доносится из толпы.

— Разойдись! — кричит Степан, ничего не объясняя толпе и не останавливаясь.

Эди-бэби усмехается. Народ твердо уверовал однажды, что тот, кого власть арестовала, — страдалец, даже если до этого страдалец стрелял в народ из автомата, как, говорят, и поступил один солдатик в Москве на Курском вокзале. Девушка ему изменила, ну, он притопал с автоматом на вокзал и давай стрелять в толпу из Калашникова. Умом помутился. Идиоты! — думает Эди-бэби презрительно.

Его размышления прерывает Саня, который говорит ему тихо, стараясь, чтобы не слышал ни гигант-сержант, ни грузин, идущие рядом:

— Эд, смени меня, доведи жеребца до отделения, но внутрь не заходи ни за что, понял? Я тоже... пойду отолюю.

Саня многозначительно смотрит на Эди и, моргнув ему, отходит в толпу, даже не сообщив о своем уходе Степану.

Эди-бэби не понимает, почему нужно отказываться от заслуженного ими всеми триумфа. Почему ребята отказались идти в милицию и предстать перед грозным майором впервые как герои, а не виновные в том или ином безобразии преступники и хулиганы? Глупо! — думает Эди-бэби. Глупо. В следующий раз, если бы кто-то из них попался на каком-нибудь мелком деле, майору, может быть, пришлось бы их простить. Прощают же они своим дружинникам...

Однако Эди-бэби понимает, что раз старшие ребята решили отказаться от удовольствия триумфа, значит, у них есть какое-то объяснение для этого. Какое, он не знает, но он привык верить Сане. Посему Эди-бэби хватается за бичепс сержанта и послушно шагает вместе с караваном к отделению...

Но дойдя через несколько минут до сложенного из белого кирпича, как и почти все другие дома Салтовского поселка, здания 15-го отделения милиции, Эди-бэби, будто бы замешкавшись, остается за дверями, предоставив грузину гордо протискиваться в дверь вместе с охраняемым им гранитным сержантом. Все зеваки тоже дружно толпой вливаются в вестибюль отделения. Эди же стоит с минуту у двери, затем спокойно уходит прочь. Опытный Эди.

Спустя несколько минут Эди-бэби идет по Материалистической и размышляет, мысленно сводит свои счета с милицией. Однажды вечером здесь же, у отделения, он невинно проходил мимо, ему было 13, тогда Эди-бэби носил еще длинные волосы, два мусора подозревали его, а когда он подошел, как мудак, ничего не подозревая, силой втащили его внутрь и представили вместе с еще десятком задержанных для опознания какой-то бледной девушке. Как потом узнал Эди-бэби от коллег по несчастью, девушка только что была изнасилована бандой подростков. Девушка не указала на Эди-бэби, хотя довольно надолго задержалась взглядом на его лице. Девушка ни на кого не указала. Ра-

зочарованные милиционеры, ругаясь, Эди-бэби знал, что они пьяные, от них несло перегаром, выстригли ему тогда ржавыми ножницами все волосы с затылка и, наградив несколькими ударами в живот, вышвырнули его на улицу, таким образом нажив себе и всему милицейско-полицейскому роду еще одного непримиримого врага. Врага до гроба.

Эди-бэби твердо уверен, что весь род человеческий разделяется на две категории — на людей, которых можно бить, и на тех, кого нельзя. Его — Эди-бэби — бить нельзя. Когда после его и Чумы побега в Бразилию дрожавший от злости и собственной слабости отец впервые в жизни ударил его, одиннадцатилетнего, Эди-бэби сделался белым, как стена, у которой он стоял, и крикнул отцу, тоже дрожа: "Ну, ударь меня еще! Ударь! Ударь!" Как потом рассказала ему мать, у него были безумные глаза, а лицо его из белого сделалось зеленым.

Отец больше никогда не бил его. Потому что тогда Эди-бэби сказал себе, что если отец его ударит еще раз, он зарежет отца ночью. Отец, наверное, прочитал мысли Эди-бэби в этот момент и испугался. В лице Эди-бэби была ненависть. Отец понял.

Другое свое физическое столкновение с милицией, в тот раз ему сломали два ребра, Эди-бэби воспринимает намного легче, потому что он — Эди-бэби — был виноват и побили его справедливо. Несправедливо, что сапогами, и несправедливо, когда рассвирепевшие мужики бьют сапогами малолетку, но причина у них была, и достаточная причина, думает Эди-бэби. Все же это он, Эди-бэби, ударил ножом дружинника. Был Эди-бэби пьян, один из тех немногих случаев, когда он был пьян до бессознания, но разве это смягчающее обстоятельство? Эди-бэби строг по отношению к себе, и если он виноват, он не отказывается.

В тот раз ему повезло необыкновенно. Сидеть бы Эди-бэби и посейчас в колонии или в тюрьме, если бы не учился Вениамин Иванович в бытность свою молодым

курсантом в военном училище вместе с курсантом, по имени Иван Захаров, и даже жил с ним в одной комнате.

Судьба. Эди-бэби знает, что он везучий.

23

Случилось все это совсем недавно. Летом. Эди-бэби был приглашен на день рождения Славки Панова. Славка, Эди-бэби его почему-то не любит, ничего особенного из себя не представляет — маленький, коренастый, круглоголовый паренек с чубчиком, жулик-карманник. Но Славка умеет быть нужным всем, потому его все знают. Вот и сейчас Костя Бондаренко собирается вместе с Эди ограбить дом богатого дяди Левы по наводке Славки. Это ради дядилевиной крепости-дома на Ивановке покупают они ТТ у Кольки Варжаинова. Эди-бэби потащил к Славке на день рождения Вовка Днепровский, летом они еще очень дружили с Вовкой. Точнее говоря, они за день до этого познакомились.

Вовка Днепровский тогда только что пришел из детской колонии. Вовке 14, но он выше Эди-бэби на полголовы, тощий, как жердь, и голова у Вовки маленькая. Вовка, как и Эди-бэби и Костя, — офицерский сын, но отец Вовки, подполковник Днепровский с ними не живет, он бросил Вовку, и старшего брата Толю, и Вовкину мать уже несколько лет назад. Вовка — друг Гришки Приймака, они вместе сидели в колонии, Гришка их и познакомил.

Ради знакомства Вовка и Эди-бэби напильсь. Напившись и поняв друг друга, они решили пойти ко 2-й Советской больнице и обворовать продовольственный магазин. Так они и сделали, только зашли к Вовке домой за рюкзаком. Эди-бэби стыдно за это "ограбление", его ужасно потом стыдил Костя. "Неумелая работа деревенских сопляков, разнесших витрину оглоблей, — сказал Костя. Му-

даки! Идиоты! Два алкоголика! — сказал Костя. — Кто же так идет на дело! Кто так делает дела?”

Действительно, оба пьяные, Вовка и Эди-бэби бросили в витрину продовольственного магазина булыжник. И витрина не разбилась. Потому что они бросили булыжник в центр витрины. Большое стекло спружинило и отбросило камень. Эди-бэби стыдно вспоминать, сколько шуму они наделали, пока разбили витринное стекло...

Набрав полный рюкзак водки, Эди-бэби и Вовка даже не пытались искать в магазине деньги. Они спокойно, напрямик — Эди-бэби начисто забыл в тот момент все Костины инструкции о методах, какими можно сбить со следа милицейских собак, забыл о воде, табаке, нафталине — отправились к Вовке домой и, спрятав рюкзак в подвале под домом, с двумя бутылками поднялись к Вовке в квартиру. Не обращая никакого внимания на крики истеричной Вовкиной матери, новые друзья выпили еще бутылку и улеглись в Вовкину кровать. Вовка только бросил матери: ”Заткнись, старая сука, или Эд тебя выебет!”, — и он и Эди-бэби уснули в обнимку. Наутро был день рождения Славки.

В тот июльский день было ужасно жарко, может, это был самый жаркий день в году. Славка живет в десятиметровой комнате в бараке, одноэтажном деревянном здании, стоящем на задах, недалеко за Гришкиным и Вовкиным домами, у самой реки. Вернее, речка, разделяющая Ивановку и Салтовку, давно обмелела, только камышовые заросли да болотистые лужи с летающими над ними тучами комаров отмечают место, где была речка. Почему Славка живет в бараке, Эди-бэби понятно — его отец и мать осуждены за экономические преступления, потому Славка живет с дедом. В бараках живут обычно старые или неспособные бороться за жизнь люди. Молодые, один за другим, получают квартиры или комнаты в новых домах. Бараков очень мало и становится все меньше. До этого Эди никогда не был в бараке.

Если бы не Горкун, может быть, они бы так не напились, даже если учесть жару и десять бутылок ворованной водки, принесенных Вовкой и Эди-бэби на Славкин день рождения. Горкун совсем старый мужик — ему уже больше, чем 30 лет, из них половину он провел на Колыме. Горкун получил три срока, по пять лет каждый, и все их отбыл на Колыме. Три срока — это как быть трижды Героем Советского Союза, потому все малолетки, да и взрослые во-ры смотрели на Горкуна, только что освободившегося в очередной раз, с большим уважением. Но на Славкином дне рождения в бараке и в свете последовавших за днем рождения событий Эди-бэби понял, что Горкун, хотя и неплохой мужик, но человек конченный, разрушенный, и ни Эди, ни Костя, мечтающие стать героями-преступниками, не хотели бы иметь такую судьбу, как Виктор Горкун. Хотя Горкун, может быть, и спас Эди-бэби от смерти, как он утверждает.

Напились они еще, может быть, и потому, что было мало закуски. Впрочем, теперь Эди-бэби уже плохо помнит, много было закуски или мало. Помнит, что в бараке было жарко, как в бане, — не помогал ни постоянно вертящийся вентилятор, ни открытые форточки. Ребята и девочки пили теплую водку и закусывали ее такой же отвратительно теплой едой. Сидели Славкины гости на двух кроватях — дедовой и Славкиной, а стол стоял между кроватями. С наступлением сумерек Горкун предложил перейти пить к нему.

Оказалось, что мать Горкуна живет в одном доме с Томкой Гергелевич. Сказать, что Горкун живет в одном доме с Томкой, было бы неправильно, так как Горкун практически жил на Колыме и больше нескольких месяцев ему еще ни разу не удалось провести на свободе. К Горкуну они прихватили оставшуюся водку и выпили впятером: Горкун, Эди, Вовка Днепровский, Славка и еще один Вовкин приятель, Иван, у которого отец работает ”копачом” на кладбище, то есть копает могилы, — еще несколь-

ко бутылок, закусывая салом. Сало Горкун резал своей старой финкой с бронзовыми усиками и наборной, из цветной пластмассы, ручкой. Этой-то финкой через несколько часов пьяный Эди-бэби и ткнул дружинника.

Допив водку, все дружно решили повеселиться, поехать в Краснозаводской парк на танцы. Краснозаводской парк был не их территорией, он принадлежал дальней Плехановке, и значит, там можно было "найти на свою жопу приключений", как выражается строгий Костя Бондаренко, может быть, с кем-нибудь подраться. Собственно, нельзя утверждать, что все они отправились в Краснозаводской парк именно с твердым и ясным намерением подраться, нет, скорее, ребятам хотелось разгуляться после выпитого, и всех их дополнительно возбуждало присутствие опытного урки и бандита Горкуна.

Опытный урка был пьян куда больше других, так как среди обширного ассортимента болезней нажил себе на Колыме еще и язву желудка, и потому он даже и не заметил, что Эди-бэби сунул себе в задний карман его, горкуновскую, финку, дабы возместить себя за отсутствие обычной опасной бритвы. Эди-бэби никогда не покидал территорию Салтовского поселка без оружия, а времени зайти домой у него не было, хотя его дом был в полсотне метров от горкуновского жилища — виден даже из окна. Вот почему позже в деле Эди-бэби фигурировала горкуновская финка, а не его опасная бритва.

История была проста, как сама жизнь на Салтовке, Тюренке или Плехановке. Такие истории обычно и приводили салтовских, тюренских и плехановских или журавлевских ребят в тюрьмы, колонии и лагеря. Горкуну понравилась здоровенная рыжая девка, стоящая с подругами и парнями в одном из укромных углов танцплощадки. Но к его несказанному удивлению, она смело и вызывающе отказалась пойти с ним танцевать, а ребята, стоящие с ней, даже позволили себе улыбнуться, глядя на очень пьяного

и почти лысого Горкуна. Лысину, как и язву желудка, Горкун привез с Колымы.

Тут-то на сцене и появился Эди-бэби в белой рубашке, расстегнутой на груди, и с финкой. Сейчас уже трудно восстановить мелкие детали тогда происшедшего, но по всей вероятности, Эди-бэби обиделся за старшего товарища, который оказался недостаточно хорош для рыжей девки и ее приятелей. По-видимому также, Эди-бэби воспринял отказ рыжей потанцевать с Горкуном как личное оскорбление.

Эди-бэби не стал тратить времени попусту, а механическими шагами маньяка подошел к девке и вынул из кармана финку. Как потом свидетельствовал менее всех тогда пьяный Славка, Эди-бэби не был похож на пьяного, напротив, он был очень аккуратен в движениях и спокоен. Вынув финку, он приставил ее к одной из грудей рыжей и слегка надавил. Рыжая подалась спиной к забору танцплощадки, у которого она стояла, и на некоторое время избавилась от острия финки, но неумолимый Эди шагнул за ней к забору, одной рукой схватил ее за пояс платья, рыжая была подпоясана пластиковым поясом, и опять поместил острие финки под соответствующую его правой руке ее левую грудь и надавил. У девок, ходящих на танцы в Краснозаводской парк, большие груди. Глядя девке в глаза, Эди-бэби сказал: "Я считаю до трех. Если на "три" ты не пойдешь с моим другом танцевать..."

Глядя в мутно-зеленые и совсем неменяемые глаза малолетки, взрослая девка, ей было лет 25, поняла, что лучше не ждать до трех.

— Я иду. Иду, — сказала она. И пошла. И вскоре уже танцевала с Горкуном.

Эди-бэби удовлетворенно стоял и смотрел на дело рук своих. Может быть, он думал, что Горкун и девка составляют хорошую пару. Никто не знает. Никто не спросил, что Эди-бэби думает. Ребята, бывшие с девкой до этого, куда-то исчезли, и все, кто видел эту сцену, по тем или

иным причинам предпочли не вмешиваться. Опытные люди знают, что нет ничего хуже пьяного до бессознания малолетки с финкой. Хуже противника не бывает

Только когда вся компания вывалилась с танцплощадки, в двенадцать ночи танцплощадка закрывалась, Эди-бэби и его ребята столкнулись у выхода с друзьями рыжей и отрядом дружинников. Ни у кого из пьяных ребят не было с собой оружия, только у Эди. А может, оружие было, но Эди об этом не знал. Поэтому он вынул финку и рванул вперед. Четверо его приятелей с криком бросились за ним. Никому не хотелось встречать ночь на жесткой лавке в отделении милиции.

Краснозаводской парк — настоящий парк, он густо зарос кустами и деревьями, кое-где его пересекают небольшие овражки и ложбинки, так что Эди и его друзьям удалось уйти без особого труда. Эди показалось, что он-таки задел одного из дружинников финкой, он слышал крик боли и помнил свой выпад, но все это теперь уже не имело никакого значения, раз они ушли.

Они бы и ушли, если бы не мудака Славка. Иван и Вовка Днепровский попрощались с остальными у ограды парка, отделились, а Эди, Горкун и Славка, все еще пьяные, полезли через забор, намереваясь уйти в другом направлении. Уже за оградой дурак Славка почему-то ударил ногой, обутой в тяжелый ботинок, по одной из подпорок, поддерживающих деревянный щит с намалеванным на нем призывом: "Сделаем наш парк самым зеленым в городе! Соблюдайте чистоту!" Щит с треском свалился, и почти тотчас же от ограды отделились две невидимые доселе фигуры в милицейской форме и арестовали Эди-бэби и Горкуна. Невероятная несправедливость происшедшего заключалась в том, что преступник — Славка — сбежал, перелез обратно в парк и был таков.

Когда их привезли в подпункт милиции Краснозаводского парка и выводили из машины, Эди-бэби тотчас понял, хотя все еще был пьян, что ему здорово не повезло. Их

встречали те же самые лица тех же дружинников, сквозь которых им удалось прорваться за полчаса до этого. Только одно лицо отсутствовало.

Эди-бэби вырвался и побежал. И милиция, и дружинники бросились за ним. Далеко убежать Эди не мог, одно из неудобств очень сильного опьянения. Его свалили без труда, ударили несколько раз сапогами, подняли, втащили в подпункт, и тогда все увидели, что это тот самый малолетка, который пырнул их товарища финкой, товарища забрала скорая помощь, и хотя врачи сказали, что рана неопасная, "будет жить!", несмотря на порезанное легкое, Эди-бэби начали бить серьезно и методично, очевидно желая забить его до смерти. Такие случаи бывали. Эди-бэби не повезло, что он попал к тем же людям и спустя всего полчаса.

После нескольких хороших ударов Эди-бэби упал на плитками выложенный пол и только и мог, что закрыв руками от ударов свою голову, уповать на судьбу. Если бы Эди верил в Бога, он, пожалуй бы, молился, но Бог на Салтовском поселке, на Тюренке и в Краснозаводском парке и вокруг него живет только в слабых старушечьих головах. Ни милиции, ни Эди-бэби и его друзьям Бог не нужен в их жизни и отправлении их нехитрых взаимовраждебных обязанностей. "Главное, чтобы не попали в голову!" — думал Эди-бэби, лежа на каменном полу и принимая на себя удары тяжелых милицейских сапог. С мыслью о своей драгоценной голове он и потерял сознание.

24

Очнулся он в камере и едва смог, сопровождаемый дежурным, дойти до туалета. Последующие события развивались с рутинной обязательной скучностью, идентичной для всех полицейских участков мира, а именно: приходили одна за другой гражданские служащие милиции, обычно изрядно потрепанные жизнью блондинки с серыми лицами, аресто-

ванные ночью хулиганы и преступники просились в туалет или хотели пить. Отвратительно воняли первые утренние сигареты дежурных, в камерах кричали, сморкались, топали, ругались между собой, пока еще лениво. Начинался обычный, как всегда чудовищный, грязный и серый милицейский понедельник.

Таких, но уже тюремных понедельников, в жизни Эди-бэби было бы еще очень много, но если тебе везет, то тебе везет в этой жизни. Эди-бэби тупо сидел на лавке в камере, справа от него сидел толстый дядя Федя, жлоб, арестованный ночью за то, что бегал с топором за собственной женой, а слева какой-то парень, которого "взяли ни за что". Эди-бэби знал, что 90% личностей, оказавшихся во всякий понедельник утром в милицейских камерах, ответят, что их взяли ни за что. Эди-бэби сидел, а судьба в виде отдохнувшего, свежего, только что вернувшегося из отпуска майора Ивана Захарова уже приближалась к нему, сопровождаемая подобострастным дежурным с приходной книгой в руках. После отпуска майор был полон решимости наконец навести порядок в своем отделении. Обычно он опускался до грязной работы проверки арестованных собственной персоной едва ли раз в месяц.

Парень, арестованный ни за что, оказалось, поджег небольшой девятиэтажный дом. И были свидетели. Когда дошла очередь до Эди-бэби, он, как и полагалось, встал и сказал майору свое имя и фамилию — Эдуард Савенко.

Майор Захаров посмотрел на бледного юношу вопросительно, словно пытаясь что-то вспомнить, и затем спросил Эди-бэби:

— Ты не Вениамина Ивановича сын ли будешь?

Эди-бэби был сыном Вениамина Ивановича. Пожалуй, это был единственный раз, когда сыном Вениамина Ивановича оказалось выгодно быть. Майор ушел, но когда через два часа Эди-бэби вызвали в кабинет начальника Краснозаводского отделения милиции майора Захарова, там уже сидел его отец. Отец, оказалось, даже и не знал, что курсант

Захаров стал майором милиции и что он живет и работает в Харькове.

Затем мощные руки providения извлекли из дела "Э. Савенко и В. Горкун — вооруженное нападение на со-грудника милиции, члена народной дружины Д. Краснопе-цева, с последующим ножевым ранением Д. Краснопе-ца" основную улику — финку Горкуна, — и брезгливо переда-ли ее Вениамину Ивановичу на память. Вениамин Иванович, должно быть, возненавидел Эди-бэби за то, что ему в пер-вый раз в его сознательной жизни хорошего и честного че-ловека пришлось использовать "служебные связи" в личных целях. Во всяком случае, с той поры у них с Эди-бэби вовсе не стало отношений. Из сына и отца они сделались соседями по комнате.

Майору Захарову было не так легко уладить это дело. Д. Краснопевцев лежал в больнице, и семья его требовала удовлетворения. Что сделал старый товарищ Вениамина Ива-новича, чтобы заткнуть им глотки, Эди-бэби не имеет поня-тия. Однако грядущие, по меньшей мере, пять-семь лет в тю-рьме, не помогло бы и его малолетство, свелись для Эди-бэ-би в конце концов к пятнадцати суткам, которые они вме-сте с Горкуном должны были провести все в том же Красно-заводском парке под присмотром старого милицейского старшины, убирая мусор и роя оросительную канаву. На де-ле же, так как Эди не мог пошевелить рукой без того, чтобы у него не болели все кости, отбитые ему милиционерами, он и Горкун оставались в камере, и тот целыми днями расска-зывал Эди-бэби про Колыму и еще про то, как он спас Эди-бэби, и курил.

По Горкуну выходило, что его, Горкуна, не били, и он сидел себе на скамеечке в вестибюле подпункта милиции в Краснозаводском клубе, спокойно, но увидев, что мусора, озлобленные на Эди за их товарища, серьезно вошли в раж и вот-вот забьют малолетку, решил вмешаться.

— Тебя, — сказал Горкун поучительно, — мудака, решил спасти. Вообще-то по закону Колымы — ты умри сегодня, а

я завтра. Человек человеку — волк, понял? Но после истории на танцплощадке оказалось, что ты вроде как мой кореш, хоть я тебя знать не знал. А по второму закону Колымы кореша нужно выручать — кровь из тебя вон! И я стал базлать во всю мочь: "Суки поганые! Забьете пацана! Он же пацан еще! Фашисты ебаные! Фашисты!"

— Ору я, — продолжал Горкун, — во всю мочь легких, а они внимания не обращают, бьют тебя всей кодлой. Тогда я встал, подбежал к ним и как врежу лейтенанту в кадык! Тут они отвлеклись от тебя и на меня набросились. Но я ээк опытный, — сказал Горкун гордо. — Меня столько били, пацан, ты даже не представляешь. Я знаю, как себя вести... Потом, что им меня бить, я человек конченный, я три срока оттянул, бей не бей. Я, бывало, каждую неделю себе вены ложкой вскрывал, стены им в лагере красил... Протестовал. Мне все равно опять в тюрьму. Так что они скоро остановились...

Эди-бэби не мог проверить слова Горкуна, но он ему поверил. Не потому, что он считал лысого Виктора Горкуна прекрасным Робин Худом, всего убедительнее для Эди звучало как раз циничное замечание Горкуна о том, что ему пришлось вступить за Эди только потому, что Эди навязался ему в кореша. Горкун оказался формалистом. Кодекс урки обзывал его ударить лейтенанта. Он ударил.

Когда их выпустили, Эди и Горкун не пошли по домам, а приехали к гастроному номер семь и выпили за счастливое избавление. Но Горкун так никогда и не узнал о большой дружбе курсантов Ивана и Вениамина. Горкун считал, что ему и Эди-бэби несказанно повезло, что мусора запутались в своих бумагах.

25

Эди-бэби возвращается на сборное место, и, конечно, ребята уже там. И Кот, и Лева, и Саня, и кроме них еще два парня — Славка Бокарев и "Голливуд". Кот и Лева, допол-

няя друг друга, рассказывают со всеми подробностями историю поимки солдатского главаря, а Саня любовно рассматривает у себя на руке большие золотые часы.

— Нравятся котлы? — спрашивает он подошедшего Эди-бэби, слегка улыбаясь.

— Откуда они у тебя? — удивляется часам Эди, впрочем, уже начиная что-то понимать.

— Сержант подарил, — говорит Саня. — Мне, сказал он, они все равно ни к чему, утеряю, а тебе, Красный, часы пригодятся. — Саня довольно хохочет.

— Настоящие золотые? — спрашивает Эди.

— А то нет? — отвечает Саня. — Ну как, доставил? — спрашивает он Эди.

— Ну, я довел их до отделения, как ты просил, и снял, — пожимает плечами Эди.

— Правильно, — поощряет его Саня. — Такие котлы в магазине стоят две пятьсот. Значит, я смогу загнать их черножопым на рынке за тыщу верняк, может, даже больше. А хуля мусора могут мне дать, а? Грамоту на жопу? Ну их на хуй с их благодарностью.

— А я и не заметил, когда ты их снял, — уважительно говорит Эди.

— По дороге, когда мы уже вели его. Я-то сразу приметил, что на руке у него золото, но хотел, чтоб не только на нас думали. Теперь, ежели что, у них и грузин будет под подозрением. Потом в такой драке и свалке, может быть, он их сам потерял. Свалились, — произносит Саня невинно. И опять смеется.

Теперь Эди-бэби понятно, почему ребята отказались от триумфа, от возможности въехать в милицию на белом коне. Деньги, конечно, важнее. Хотя, будь решение за Эди-бэби, он бы, пожалуй, выбрал триумф. За одно удовольствие лицезреть майора Алешинского, пожимающего руку Эди-бэби и обращающегося к нему со словами благодарности он отказался бы от своей доли в часах. А Зильберман! Утереть нос еврею Зильберману-Мегрэ — мечта Эди-бэби. Придти к нему

в кабинет, сесть, развалясь на стуле, закурить и начать лениво: "Вчера, когда я разговаривал с майором..." Или: "Я и майор Алешинский..." — Эди улыбается. Зильберман с ума сойдет от удивления.

Однако часы — это деньги. Эди-бэби болезненно вспоминает о том, что завтра к вечеру ему нужны 250 рублей. Если разделить тыщу на четыре, получится как раз 250 рублей. Но на деле он, увы, получит меньше, чем 250, потому что его роль в добыче часов незначительная. Хорошо, если Саня даст ему сотню. Может, попросить у Сани денег взаимы, — думает Эди.

— Сань, а Сань, — говорит Эди, — ты когда загонишь часы? Завтра сможешь?

— Завтра нет. Завтра рынок не работает. Праздник, ты что, забыл? — удивляется Саня. — А что такое, башли нужны? У тебя же были башли. Я тебе когда давал последний раз? Меньше недели.

Речь идет о кольце, которое они добыли вместе с Саней. Саня, как бы играясь руками девушки, снимал кольцо, а Эди заговаривал зубы владелице кольца. Выступал в роли младшего брата Сани. Они ехали в трамвае. Не на "24" — их марке, а на "3" — в городе, не в своем, конечно, районе. Дура-девка была так довольна — шикарный парень Саня, он, впрочем, назвался Ричардом, назначил ей свидание, не подозревая, что тот же самый сюжет повторялся десятки раз, свидание тоже. Увы, сюжет не всегда удавался, но повторялся опять и опять. У Сани толстые, розовые, но очень ловкие пальцы.

— Да я истратил, — оправдывается Эди. — Думал, мать с отцом дадут деньги на праздник, а они хуя! Не дают.

— Надо было побереечь башли для праздника, — качает головой Саня. — Я бы тебе дал в другое время, но сейчас у меня тоже нет. Сухой. Я все, что заработал за прошлую неделю, мамаше отдал, Светке на пальто. Выросла, пизда, новое пальто потребовала.

У Эди-бэби падает сердце. Саня был его последней на-

деждой. У мясника деньги бывают часто, хотя в отличие от других мясников Саня деньги не копит, он их сразу же проматывает. Он дорого одевается, носит перстни с черепом на розовых пальцах, а все это стоит денег. Где достать деньги? Где? — думает Эди.

— Спроси у Кота, — видя, какое грустное сделалось у Эди-бэби лицо, говорит Саня и, не дожидаясь ответа, сам спрашивает Кота:

— Кот, а Кот, у тебя есть башли, занять Эду?

— Сколько нужно? — спрашивает Кот с другого конца лавочки и лезет в карман.

— Сколько? — спрашивает Саня у Эди.

— Двести пятьдесят или триста... — говорит Эди неуверенно.

— О! — тянет Кот и вынимает руку из кармана. — Таких денег у меня сейчас нет. Я думал, тебе рублей тридцать, пятьдесят. Двести пятьдесят — подожди тогда до зарплаты.

— Мне завтра нужно, — говорит Эди безнадежным голосом.

— Дурак Эди, говорил тебе сколько раз — хочешь денег, ходи на ипподром, — поучительно вставляет Славка Бокарев. Ребята смеются.

Эди-бэби отмахивается: — Ты ходишь туда каждый день, где же твои деньги? — спрашивает он Бокарева раздраженно.

— Сейчас я заканчиваю обработку данных, и скоро у меня будет "система", на ней я спокойненько получу у них в кассе свой миллион, — говорит Бокарев убежденно.

26

Хуй ты собьешь Бокарева с его миллиона, — думает Эди.

Раньше у Бокарева была совсем другая идея разбогачиться — он мечтал организовать гигантскую сеть по производ-

ству и продаже экзаменационных шпаргалок размером всего с небольшую фотографическую карточку каждая, шпаргалки должны были принести Бокареву миллион.

Такие шпаргалки существовали и до Бокарева. Эди-бэ-би сам видел фотошпаргалки по математике — мелкие-пре-мелкие цифры основных математических формул густо испещряли всю поверхность. Такие шпаргалки можно было купить, если захотеть, по любому предмету.

Но Бокарев захотел придать всему делу производства и продажи фотошпаргалок промышленный размах. Он мечтал об обширных штатах фотографов, наводняющих миллионами фотошпаргалок всю страну от Лиепайи на западе до Владивостока на востоке, от Северного полярного круга на севере до города Кушки на юге. Вдохновение блистало во взоре Бокарева, когда он говорил о своей идее. Тысячи малолеток, организованные в дисциплинированные торговые отряды, должны были продавать его фотошпаргалки вблизи всех школ, университетов и технических учебных заведений Союза Советских Социалистических Республик. Вся эта орда разноплеменных фотографов и малолеток должна была в течение года наполнить карманы Бокарева миллионами рублей.

На деле все оказалось не так просто, как в бокаревских вдохновенных вычислениях. Едва начавши организовывать свою империю, Бокарев столкнулся с рядом неразрешимых трудностей, главной из которых было то обстоятельство, что запланированное количество студентов и школьников не хотело покупать бокаревские шпаргалки. Одни в шпаргалки вообще не верили, другие делали свои собственные, не фотографические, но шпаргалки. На бумаге все было гладко — расход, количество учащихся в СССР, приход, цена шпаргалки 10 рублей — за десять рублей получай *все* знания по данному предмету. Беда была в том, что *никто* не хотел получать. Единицы хотели.

Теперь у Бокарева новая идея. Уже с полгода Бокарев работает над "системой". Он каждый день бывает на иппо-

дроме и записывает данные — какая лошадь, в каком заезде пришла первой. Потом эти данные Бокарев старательно систематизирует, наморщив свой лоб Сократа. У Бокарева необыкновенно мощный лоб, это правда, и его лоб действительно напоминает сократовский. Эди-бэби только сомневается, всегда ли такая вместительная черепная коробка, такой прекрасный вздувшийся лоб мыслителя несут в себе предполагаемое содержание.

Бокарев неустанно работает над своей системой и утверждает, что очень скоро он ее закончит. Тогда он и сделает свой миллион. Почему именно миллион, Бокарев и сам не знает. Очевидно, его впечатляют целых шесть нулей, следующих непосредственно за единицей.

Пока же Бокарев все еще учится на четвертом курсе своего Политехнического института и ходит в ужасающе рваных башмаках, экономя все свои деньги, мизерную стипендию, на ипподромные расходы, на покупку скаковых брошюр и трамвайные билеты — ипподром не близко.

Общество на скамейках под липами принимает Бокарева из чистейшего провинциального снобизма — какой-никакой, ободранный, но все-таки студент. Не говоря уже о Сане, и Кот и Лева получают раз в десять больше денег на своем заводе, чем бокаревская стипендия, и еще приворожывают.

Другая причина, почему ребята позволяют Бокареву сидеть с ними целые вечера, — Бокарев любит и умеет трепаться, говорить он может о чем угодно, в этом искусстве у него есть только один соперник — Славка Цыган. Но треп Цыгана окрашен в мечтательно-романтические тона и имеет всегда ресторанный-географический привкус. Треп же Бокарева отдает математическим, цифровым романтизмом. Конек Бокарева — организация, расчеты, сметы и чертежи, его треп более современен, чем треп другого Славки, — чувствует Эди-бэби. И хотя Эди, как и другие ребята, не верит в то, что Бокарев когда-нибудь заработает миллион, и высмеивает

его дурацкие идеи, все же иной раз Эди-бэби и сомневается. А вдруг! — думает он.

Бесспорно также и то, что если сейчас Бокарев рад каждому куску, который ему удастся съесть бесплатно, и живет с дедом и бабушкой в двенадцатиметровой комнатке, то через год с лишним Бокарев уже будет инженером. А ребята не будут.

Эди-бэби, как и ребята, не хочет быть инженером, хотя, как признают и отец, и мать, и соседи, и все, кто его знает, — у него хорошие мозги. Он не хочет. У него нет никакого желания пять лет учить скучнейшие математику, физику, сопротивление материалов и другие "черные" науки. Эди-бэби ненавидит математику. Он любит даты.

Хотя Эди уже ничего не выписывает в тетрадки, у него до сих пор осталась восторженная любовь к истории, и когда учительница истории, рыжая здоровенная женщина, по кличке "Швабра", хочет отвести душу от мзканья и бзканья нормальных учеников, она, даже не вызывая Эди к доске, просто заводит с ним беседу, скажем, об одиннадцатом веке в Европе.

— Что происходило в одиннадцатом веке в Европе, Савэнко? — говорит Швабра, упирая на букву э, и весь класс облегченно вздыхает.

Ясно, что теперь не будет никаких вызовов к доске, а Швабра и Эди-бэби будут, перебивая и дополняя друг друга, до конца урока орать восторженно о европейских событиях темного одиннадцатого века, о которых даже студентам университетов мало что требуется знать по программе. Единственная пятерка у Эди в таблице — по истории, хотя формально Швабра никогда не вызывает его к доске. Так, наверное, математических вундеркиндов не утруждают обыкновенными арифметическими задачами. Эди-бэби вундеркинд исторический. — Он спокойно может уже сейчас преподавать историю в школе, — говорит Швабра.

С лавочки под липами Эди-бэби уходит вместе с Голливудом, им по пути. Уже давно второй час ночи, и ребята разбрелись по домам. За Саней приехала его парикмахерша — вульгарная Дора, может быть, она любит Саню, и забрала его к себе. Собственно, ничего необыкновенного в ссоре Сани и парикмахерши не было, они уже год как спят вместе, но жестоко ссорятся и даже дерутся. "Милые бранятся — только тешатся", — говорят старухи.

Голливуд живет в общежитии, через несколько домов от дома Аси, он одинокий. Как действительно зовут Голливуда, Эди-бэби даже и не знает. Впрочем, ему все равно и в голову бы не пришло называть Голливуда по имени, даже если бы Эди и знал его настоящее имя. Все в поселке зовут его Голливуд. Кличку эту он получил за странную привычку объясняться цитатами из зарубежных фильмов, главным образом американских. Впрочем, в поселке нет достаточно компетентных людей, чтобы проверить, все ли тирады Голливуда взяты действительно из фильмов, или часть из них выдумана самим Голливудом. Кадик уверяет, что половину цитат Голливуд выдумывает.

Вот и сейчас, когда они шуршат ногами по последней ноябрьской поздней листве, Голливуд солидно обращается к Эди, прокашлявшись:

— Эти листья шуршат, как американские доллары, не правда ли?

Эди-бэби не знает, из какого фильма эта тирада, поэтому он стеснительно отделывается ни к чему не обязывающим: "Угу".

Эди любит кино, но стесняется носить очки, и чтобы увидеть новый фильм, ему приходится ездить в город. Там, в кинотеатре, где его никто не знает, он может, спокойно одев очки, посмотреть и рассмотреть фильм. Часто ездить в город Эди лень, тем более одному, вот так и получается, что многие фильмы он пропускает.

На все случаи жизни у Голливуда есть тирада из фильма. Если ребята решили пойти в гастроном, сбросились на биомидин, Голливуд вдруг выступает вперед и кричит, встав в героическую позу: "Мамлюки! Я поведу вас на Каир! Кто не видел Каира, тот не видел ничего!" Это безошибочная цитата из только что прошедшего по экранам Харькова фильма "Мамлюки".

Ребята любят Голливуда, потому что он всегда оживляет ситуацию. Голливуд лет на пять старше Сани Красного, а может быть, даже, поскольку сквозь его блондинистые редкие волосы уже кое-где просвечивают лысые места, он одного возраста с Горкуном, хотя он и ни разу не сидел в тюрьме. Голливуд не ворует, он работает в литейном цехе на заводе "Серп и Молот" и живет в общежитии. У этого крепкого носатого парня есть родители в деревне под Харьковом, и кто-то из ребят сказал Эди, что работать его деревенские родители не могут, они оба больные, потому Голливуд посылает им деньги. Летом Голливуд ходит в плавках с пальмами... Вот почти все, что Эди-бэби знает о Голливуде, но на Салтовском поселке ребята и взрослые общаются друг с другом не на основании того, что они друг о друге знают, а на основании того, что они друг о друге чувствуют. Эди-бэби чувствует, что Голливуд хороший парень, и пусть и рабочий, но не козье племя.

Некоторое время они шагают молча, потом Эди спрашивает Голливуда:

— А ты чего же, нигде не гуляешь сегодня?

— А что мы делаем, Эд? — спрашивает Голливуд меланхолично. — Мы гуляем, и вот погуляли и идем домой.

— Нет, — упорствует Эди, — я имею в виду в компании.

— У меня даже слишком много компании в общежитии, — вздыхает Голливуд. — Всю ночь будут пьянствовать, хуй заснешь. По всем комнатам пьют. Потом дерутся.

— А-а-а-а! — сочувственно тянет Эди-бэби. Он никогда еще не жил в общежитии, но в общежитиях бывал не раз. И в мужских, и в женских. Ему там не нравится. Хотя жить в

общежитии очень дешево. Но жить с совсем чужими тебе еще тремя мужиками в одной комнате Эди-бэби не смог бы. Он и от родителей своих с удовольствием бы избавился. Веранда, на которой Эди-бэби спит, почти отдельная комната, но во-первых, веранду так и не успели перестроить к зиме, во-вторых, ему все равно приходится ходить через комнату родителей. Хотя, конечно, родители не чужие люди и их двое, а не трое, как в общежитии у Голливуда...

У развилки асфальтовой, кое-где провалившейся в землю тропинки, построенной еще первыми строителями Салтовки, чтобы не потонуть в грязи, Голливуд и Эди-бэби расходятся.

– Пока! – говорит Эди.

– Когда блистательная тропическая ночь набрасывает свой украшенный звездами черный бархатный плащ на улицы Рио... – начинает Голливуд очередную голливудскую цитату, но, очевидно, вспомнив о своем общежитии, куда он направляется, досадливо машет рукой и чуть приостанавливается для простого: – Пока, Эд!

28

Эди-бэби входит в подъезд. Из дверей тетимарусиной квартиры доносится смех и звуки музыки. Мать, очевидно, еще там. В квартире три комнаты, и в каждой – семья. Тетя Маруся Чепига, ее муж, все более и более пьющий дядя Саша-электрик, и их сын Витька, живут в одной. Тетя Маруся Вулох, ее муж дядя Ваня, бабник и красавец, и их сын Валерка и дочь Рая, названная так в честь Эди-бэбиной матери, – обитают в другой комнате, побольше. В третьей, непосредственно под комнатой Эди и его семьи, живут Переворачаевы – сам Переворачаев, нелюдимый и неразговорчивый, дремучий даже для Салтовки человек, по профессии – печник, жена его – полумойка, по прозвищу "Черная", имени ее

Эди-бэби не знает, несмотря на то, что Переворачаевы живут в доме с самой его постройки, и их дети: взрослая Любка-блядь, горбатенький Толик, и "ребенок-Надька". Надьке уже десять лет, и у нее есть вполне заметные груди, однако все до сих пор зовут ее, как звали лет пять тому назад, "ребенок Надька". Несмышленная еще тогда ребенок Надька в свое время послужила Эди-бэби моделью для изучения женской анатомии. Урок произошел в подвале под домом, куда Эди-бэби заманил ребенка Надьку с помощью шоколадной конфеты.

Сегодня Переворачаевых нет дома, только одинокий горбатенький Толик остался дома и наверняка в этот момент лежит на солдатском одеяле и читает книгу, заткнув уши ватой. Остальные Переворачаевы уехали в деревню, часть салтовских жителей до сих пор еще связана с пригородными деревнями.

У тети Маруси Чепиги дед и бабушка живут в деревне, называемой Старый Салтов. Туда путь неблизкий — несколько часов на грузовике. Салтовское шоссе ведет в Старый Салтов, раньше оно называлось Салтовский шлях.

Одно лето, то самое, после побега в Бразилию, Эди-бэби провел с дедом и бабушкой тети Маруси. Там, в мелкой заболоченной речке с зеленой водой, он научился плавать и там же, лежа на берегу этой речки, вокруг бродили гуси, дядя Саша Чепига сделал комплимент носу Эди-бэби. Эди-бэби пожаловался дяде Саше на свой курносый нос. В ответ на это дядя Саша сказал, что он бы с удовольствием, с величайшим удовольствием, повторил дядя Саша, поменялся бы с Эди-бэби носами. Эди-бэби внимательно посмотрел на нос дяди Саши, и ему немедленно сделалось стыдно. Нос дяди Саши, во-первых, был постоянно-красноватого цвета, во-вторых, он напоминал формой своей некрасивую и непородистую картошку. Природа, очевидно, было замыслила произвести три картофельных клубня, да передумала и слепила из них один — такой был у дяди Саши нос.

Эди-бэби сбежал и из Старого Салтова. В день, когда

он, дед Чепига и находившийся в двухнедельном отпуске дядя Саша пасли коров в лесу, у них случилось несчастье — две коровы отбились от стада. Лес у Старого Салтова не какая-нибудь там искусственная лесополоса, а настоящий — старый, густой и большой лес. Конечно, какой дурак пасет коров в лесу, для этого есть луга. Но объяснение поведению странных пастухов, вдруг загнавших коров в лес, было простое: коровы были частные, луга же принадлежали колхозу. Государство разрешало колхозникам иметь коров, но пасти их они должны были где угодно. Вот колхозники и пасли свою скотину то в лесу, то на железнодорожной насыпи. Пасли коров по очереди, неделю один дом, неделю — другой. В ту неделю была очередь деда Чепиги.

Когда село солнце, Эди-бэби, слушая разговор дяди Саши и деда Чепиги о том, что теперь хоть не возвращайся в село — убьют за пропавших коров владельцы, решил, что он не хочет быть убитым. Однако Эди до сих пор считает, что нет, не трусость руководила его поведением, когда он под предлогом того, что хочет в туалет по-большому, отошел от костра, возле которого они сидели все трое, и исчез в зарослях.

Эди-бэби шел по уже темному лесу и спокойно пел выдуманную им самим мелодию. У него не было с собой никаких припасов, только палка пастуха и большой нож дяди Саши, но Эди-бэби был очень доволен тем, что у него нет даже куска хлеба с собой — вот прекрасный случай проверить его знание дикорастущих растений, тех из них, которые годятся в пищу.

Был уже август, и Эди-бэби не сомневался, что он спокойно проживет в полях и лесах, по крайней мере, до глубокой осени, все время перекочевывая дальше и дальше на юг. Захватывающая перспектива жизни в лесу рисовалась Эди-бэби... Он тут же придумал привязать свой нож к палке при помощи ботиночного шнурка и таким образом использовать его и как копьё. Копьё же он будет бросать в съедобных мелких животных.

Эди-бэби прожил в лесу недолго. Выгнал его из лесу не голод, но одиночество. Казалось бы, книжные знания Эди-бэби действительно емугодились, он спокойно питался ягодами и кореньями растений средней полосы, как они были обозначены в его книгах, и только время от времени обнаруживал для себя, что те или иные корни невозможно жевать из-за их едва ли не одеколоньего вкуса. Темноты Эди-бэби не боялся и в младенчестве. Но одиночества он не вынес. В то лето впервые в жизни Эди-бэби обнаружил, что он социальное животное.

Ему до сих пор стыдно перед дядей Сашей и тетей Марусей за тот переполох, который он устроил в Старом Салтове. Впрочем, благодаря ему, дед и бабка Чепиги даже стали в Старом Салтове своего рода знаменитостями. Показывая на них, деревенские жители говорили: "Из ихней хаты городской хлопчик утик".

Городской хлопчик, сойдя из лесу на шоссе, которое он открыл уже давно, проголосовал и через какие-нибудь полчаса был у деревенского магазина, через два дома от которого жили в хате под соломой дед и бабка Чепиги. Коровы нашлись, оказывается, в тот же вечер, сами спокойно вышли к стаду. Хлопчик вышел к людскому стаду через два дня.

29

Эди косится на двери тетей Марусь, кажется, они там пляшут, и решительно поднявшись на второй (он же последний) этаж, открывает свои двери.

В квартире номер шесть тихо. Майор вытрезвителя Шепотько исчез из квартиры еще за неделю до праздников, другие их соседи — Лидка и дядя Коля ушли со своим новорожденным ребенком к родственникам.

Эди-бэби проходит на кухню, находит накрытую чистым полотенцем оставленную ему матерью еду — его люби-

мые макароны с котлетами, уже положенные в сковородку вместе с куском масла. "Ничего все-таки человек моя мать", — внезапно решает Эди, хотя еще утром между ним и матерью произошла страшная ссора, во время которой он обозвал мать дурой и проституткой!

Эди-бэби ставит сковородку на газовую плиту — недавнее новшество. На Салтовку провели газ два года назад. До этого часть кухни занимала печь, которую топили углем. Все тогда пекли в духовке печи пироги, с приходом же газа мать печет пироги все реже и реже.

Раньше он с матерью так не ругался, — размышляет Эди-бэби, поедая свои макароны с котлетой, которые он может есть три раза в день, и они ему не надоедают. Во всяком случае, Эди никогда не обзывал мать так, как сегодня: "Дура! Проститутка!" Эди-бэби стыдно, что он не сдержался. И в то же время он прекрасно понимает, что мать виновата не меньше его в том, что у них такие собачьи отношения. После того, как он перешел в восьмой класс, Эди-бэби считает себя взрослым и хочет, чтобы к нему относились как к взрослому, а мать все еще пытается его воспитывать.

Несправедливость заключается еще и в том, что мать в сущности не интересуется, как Эди-бэби живет, весело ли ему жить, грустно ли, о чем он думает. Мать яростно воюет с ним за мелочи, за то, чтобы он носил брюки шириной 22 сантиметра, а не 18 сантиметров, мать злит пробор Эди-бэби и его желтая куртка. Раньше мать нервничала из-за его длинных волос. Новый классный руководитель Эди Яков Львович — Рахилия настолько одряхлела, что ей пришлось оставить преподавание, — усиленно внушает матери, что из Эди-бэби ничего хорошего не выйдет.

"Из вашего сына вырастет преступник и тунеядец", — объявил Яков Львович матери на первом же родительском собрании. И мать, вместо того, чтобы быть на стороне Эди, заняла сторону Якова Львовича.

По мнению Эди-бэби, из самого Якова Львовича ничего хорошего не вышло. Вышла сволочь и сука. Пользуясь тем,

что он необыкновенно здоровый, выше чем метр восемьдесят, классный руководитель бьет учеников. Бьет он их без свидетелей, зазывает в свой физический кабинет, фашист преподает физику, и ребята выходят оттуда с разбитыми носами и губами. Фашист думает, что он воспитывает шпану таким суровым способом, на самом же деле он бьет безответных. После седьмого класса большинство шпаны ушло на улицы или на заводы. В их классе уже нет настоящей шпаны. Ни Сашка Тищенко, ни Валька Ляшенко не могут считаться настоящей шпаной, хотя они и ведут себя порой как шпана и живут на Тюренке, но они смиренные ребята. Бить их за то, что они ленивы или неспособны, — несправедливо, — думает Эди-бэби.

Но Яков Львович ни разу не прикоснулся пальцем к Эди. Он знает, кого можно бить. Сашку Ляховича он не бьет тоже. И Витьку Проуторова, потому что у него большое сердце.

Первая причина, почему Яков Львович не бьет Эди, — его отец. Смирный Вениамин Иванович все еще тянет лямку в МВД, и хотя Эди-бэби уверен, что трудно найти более безобидного человека, магические буквы МВД действуют на учителя физики Якова Львовича Капрова.

Вторая причина, почему он не бьет Эди, — сам Эди. Когда новый классный руководитель в первый раз побил одного из ребят, Витьку Водолажского, безобидного полудеревенского парня, он и его сестра Валька — близнецы, досиживают восьмой класс с нетерпением, дальше они хотят идти в техникум, Эди-бэби сказал, стоя в группе ребят, окруживших Витьку в туалете, он смывал кровь с лица, что если "Яша", сука, тронет его, он зарежет физика. Нельзя позволять другим обижать тебя, даже один раз, — так научил его Саня, и с этим неписанным законом живет вся салтовская шпана. И Эди-бэби старается так жить.

Ребята, может быть, и не поверили его клятве, но "Яша" поверил, предатели есть везде, кто-то ему донес. Он поверил, такие случаи бывали, особенно в прошлые годы, и

в их школе, и в соседних школах. Учителю физкультуры лысому Леве в 1956 году пустили на школьном новогоднем вечере нож в бок.

Еще одна причина, почему Яша боится трогать Эди, — Саня Красный. Все знают на Салтовке, что за Эди-бэби стоит Саня, а с Саней штангисты и вся Тюренка, а в случае необходимости и дикие черножопые с Конного рынка. Горе тому, кто тронет Эди-бэби. Потому кошмары, подобные драке Эди-бэби с Юркой Обеюком, больше не повторяются, они мучили Эди-бэби некоторое время только во сне, а теперь и из снов исчезли. Сам Юрка уехал со своей семьей обратно в Красноярск, и Эди-бэби, какое-то время мечтавший о мести, остался неотмщенным. Впрочем, подумывал Эди о мести не очень серьезно и только первые полгода. Виноват был сам Эди-бэби, корпя над книгами, он забыл, что он мужчина и что мужчина должен уметь за себя постоять. При чем тут Юрка Обеюк.

Эди доедает макароны и опять мысленно возвращается к ссоре с матерью. Почему она на стороне его врагов? — думает Эди. Всегда. Другие матери отстаивают своих детей. Но не Раиса Федоровна. Для нее всегда виноват Эди-бэби. "Яша" явно мстит Эди-бэби за обещание зарезать и всегда ставит ему "три" по физике, хотя зная, что Яша к нему придирается, Эди-бэби учит нелюбимую им физику наизусть. Другой ученик за подобный ответ получил бы "пять", ну "четыре", но Яша ставит Эди "три". Мать этого не понимает, она считает, что Эди не учит физику должным образом.

"Несправедливость!" — однажды написал Эди-бэби на классной доске. Это исчерпывающее объяснение того, как мир устроен. Раисе Федоровне хочется воспитать сына, как она говорит, "хорошим человеком", и потому она, не жадный вовсе человек, считает, что вредно давать ребенку пятнадцати лет деньги на карманные расходы. В результате ребенок пятнадцати лет все время рыщет в поисках денег по поселку и вынужден воровать. Дура! — думает Эди-бэби зло. Мать верит, что если она не даст ему денег на то, чтобы

выпить бутылку биомидина с друзьями, он успокоится и послушно обойдется без биомидина и друзей. Она не знает своего сына и того, что у него слишком сильный характер. Она понятия не имеет, что Эди ворует уже давным-давно, а теперь стал взламывать вместе с Костей магазины и даже частные квартиры.

И стихи его мать высмеивает. Ася не высмеивает, Кадик не высмеивает, даже капитан Зильберман не высмеивает! Зильберман говорит, что Эди талантлив и что если бы он был умным парнем, он бросил бы общаться со шпаной, окончил школу с отличием и поступил бы в Литературный институт имени Горького, такой институт есть в Москве. А Раиса Федоровна утверждает, что стихи Эди-бэби — бред и похожи на тех поэтов, которых он только что прочел. Прочел Блока — похожи на Блока, прочел Брюсова — Эди-бэби немедленно пишет стихи, похожие на стихи Брюсова, прочел Есенина — пишет под Есенина...

Если бы мать и отец давали ему хоть немного денег, думает Эди, он не начал бы воровать. Или все равно стал бы воровать? — сомневается он. Честно говоря, он не знает. Наверное, все-таки стал бы воровать, потому что как и Костя, он ворует не столько для денег, сколько ему хочется стать настоящим преступником. Хотя деньги тоже нужны.

Костя утверждает, что только карманники сохранились в СССР как более или менее организованная сила. Несколько раз он показывал Эди главарей карманников на Плехановской и на Конном рынке. "Паханов". Настоящая же организованная преступность полностью разгромлена, — сказал Костя. Костя мечтает возродить организованную преступность. Их банда — только первый маленький шаг на пути к той сети вооруженных банд, которые создаст Костя, а с ним и Эди-бэби, в будущем.

Эди-бэби надоели его родители, надоела квартира номер шесть, вечно воняющий своими скверными папиросами и сидящий в туалете по часу толстожопый и толстобрюхий майор Шепотько. Эди хочет уйти от родителей как можно

скорее. Не так, как он убегал, а спокойно. Ему осталось четыре месяца до шестнадцати лет и получения паспорта. Тогда-то он и скажет "до свиданья!" в квартире номер шесть. "Взрослые дети должны жить отдельно от родителей", — сказала как-то Ася. И она совершенно права. Даже она мечтает жить отдельно от родителей, хотя у нее своя комната и совсем другие родители. Эди-бэби поменялся бы с Асей родителями.

30

Опустошив сковородку, Эди-бэби идет в комнату и, не раздеваясь, ложится на свой диван. Одной стороной диван упирается в большую железную кровать родителей. Спинки кровати никелированные, высокие и состоят из целого набора шаров и столбиков. Когда Эди-бэби был маленьким, ему было все равно, где спать. Теперь его раздражает близость их постели. Его приятели со смехом рассказывали ему, что заставляли своих родителей "ебушимися", как они говорили, но Эди-бэби своих не заставлял. Иногда ночью, еще в детстве, он слышал какие-то вздохи и стоны с кровати, но относил их к приснившимся родителям плохим снам.

Эди-бэби не представляет, когда же его родители ебутся. Если отец не ездит в свои длинные командировки, он обычно уходит на работу засветло, его военная часть находится очень далеко, в другом конце города, и потому он добирается туда на двух трамваях. Возвращается отец поздно, иногда и в девять часов вечера, ест, и ложится спать, или смотрит некоторое время телевизор, и потом ложится спать. Непонятно, когда они ебутся, — думает Эди-бэби равнодушно. Сексуальная жизнь его родителей не очень его интересует. Однако все же, когда?.. — думает Эди.

Снизу, из квартиры тетей Марусь, доносится взрыв музыки и опять смех, они там все не успокоятся. Отец, думает Эди-бэби, встречает 41-ую годовщину Великой Октябрьской

революции хуй знает где, в поезде, идущем через наверное уже заснеженную сибирскую тайгу. Командировки отца длятся по месяцу, он работает теперь начальником конвоя. Эди-бэби долго не представлял себе, что это такое, пока не увидел отца при исполнении служебных обязанностей. Случилось это года два назад, весной.

Тогда ему не терпелось увидеть отца, сейчас Эди-бэби все равно, и даже свободнее, если отца нет дома, а тогда почему-то он еще скучал об отце и каждый день ожидал его обратно из Сибири.

Эди-бэби знал время прибытия поезда и потому решил сделать отцу сюрприз — встретить измученного сибирского путешественника на вокзале. Потому, протрясшись на двух трамваях, Эди явился на харьковский вокзал и стал искать подходящий поезд.

Подходящий поезд из Сибири "Киев — Советская Гавань" — время прибытия его соответствовало времени прибытия отцовского поезда — явился на два часа позже, но терпеливый Эди терпеливо прождал все два часа на перроне, стараясь на случай, если поезд придет раньше, не упустить отца.

Овеянный ледяным дыханием сибирских просторов, с сибирской пылью на крышах и ступеньках, поезд подкатил к перрону, и очень скоро с него стали спускаться харьковские пассажиры. Харьковских пассажиров было много, были среди них и военные, но отца в их числе Эди-бэби не увидел.

Дождавшись, пока исчезнет последний пассажир, Эди-бэби опять посетил справочные бюро вокзала и спросил, не будет ли сегодня другого сибирского поезда, но ему сказали, что нет, не будет, сибирский поезд сегодня один.

Эди-бэби был уверен, что он не пропустил своего отца, неужели же мать дала ему неточное время прибытия поезда? Но Раиса Федоровна была такой невероятно аккуратной женщиной, что Эди-бэби просто не верил в возможность того, что она могла ошибиться в дате прибытия любимого мужа из командировки...

Харьковский вокзал огромный. Один из самых больших в СССР, ибо Харьков — важный миллионный промышленный город, открывающий путь на юг, на всю Украину. За Харьковом именно начинается по-настоящему теплая плодородная земля Украины, а за нею Крым, а дальше жаркий экзотический Кавказ, и основные железнодорожные пути ведут туда через Харьков. Потому в последней войне немцы и "наши" забирали Харьков друг у друга несколько раз.

Сипели поезда, спуская ненужный лишний пар. Воняло углем, топкой, хлоркой, весной и клозетом. Сновали целые составы багажных телег, нагруженные чемоданами и мешками, принадлежащими жителям различных стран, составляющих Союз Советских Социалистических Республик. Между толпами, садящимися в поезда, высаживающимися из поездов и высыпавшими на все перроны транзитными пассажирами, спешащими набить свой желудок в столовых и ресторанах в часовой, а то и двухчасовой промежуток времени, пока поезд стоит на одном из крупнейших вокзалов страны, шел Эди-бэби, разыскивая своего отца. Между узбеками в халатах и тюбетейках, чистенькими грузинами в больших кепках, бабками без национальности и возраста, несмотря на апрель месяц, закутанными в несколько платков и обутыми в валенки с калошами, шел он. Бабки вынесли продавать на перроны соленые огурцы и помидоры в кадках и горячую вареную картошку, посыпанную укропом, и другую традиционную вокзальную пищу. Прямо из окон вагонов к ним тянулись руки с рублями. Все бабки, без исключения, визгливо орали, рекламируя свой товар.

— Вот огурчики соленьенькие! — сипела одна.

— Картошечки! Кому картошечки! — вопила другая.

— Пирожки! Кому пирожочки, с пылу, с жару! — перекрикивала их третья.

Рекламные крики их были стандартны и стары, как русский мир, отработаны до единого звука. Со времен Батыя, из незапамятных глубин русского языка пришли все эти "огурчики соленьенькие".

Эди-бэби не знал, зачем он глупо ввергся в эти толпы, найти в них человека было так же трудно, как обнаружить иголку в стоге сена, но разумные доводы часто оставляли Эди-бэби в его жизни и оставляют до сих пор, и тогда берет верх могущественная интуиция. Эди-бэби странным образом рассчитывал все же отыскать в толпах своего отца, и потому продолжал бродить, переходя с перрона на перрон.

И он нашел Вениамина Ивановича. Уже совсем было отчаявшись, Эди-бэби решил выбраться из вокзальной сутолоки, чтобы отправиться домой, но желая сократить путь до видимого ему отлично пешеходного моста, вознесшегося над вокзалом, — мост тотчас бы вынес его к трамваю, — Эди махнул было, спрыгнув с перрона, через железнодорожные пути, но ошибся в направлении, и тотчас же затерялся в лабиринтах товарных вагонов и запасных путей. Вынырнув из-за одного товарного состава и подлезая под вагон, Эди-бэби и увидел неожиданно своего отца.

Представшая перед ним сцена была предельно лаконична и строга. Из-под своего вагона Эди-бэби увидел кольцо солдат с винтовками и примкнутыми к винтовкам штыками. Солдаты держали винтовки штыками вперед и чуть к земле. По сброшенным из товарного вагона с решетками доскам спускались осторожной цепочкой какие-то люди. Цепочка вливалась в "воронку" — черный, закрытый грузовой автомобиль. Кольцо солдат, еще в шинелях, ведь был всего лишь апрель, разрывалось только в одном месте — там стоял офицер. В одной руке офицер держал бумаги, а другая лежала на расстегнутой настежь кобуре. Это и был Вениамин Иванович.

Эди-бэби не знал, что отец его возит заключенных, хотя он и знал теоретически, что МВД, к которому относятся войска отца, включает в себя и мусоров, и конвойные войска, но это обстоятельство как-то не связывалось у него с отцом. Отец ездит в командировки в Сибирь — да, но как и

кем, он не знал. Теперь он увидел, что отец его настоящий мусор, хотя он и носит другую форму. И даже хуже мусора, потому что это он развозит шпану в лагерь и тюрьмы. Может быть, он возил и Горкуна на Колыму, — думает Эди-бэби. Себя Эди-бэби тогда еще не отождествлял со шпаной, но уже чувствовал что-то вроде солидарности с ними, ибо мир Салтовского поселка состоит из шпаны и противостоящих им мусоров. Огромное же море рабочих и служащих между ними Эди-бэби не принимает во внимание, ибо они неактивны.

Эди-бэби не подошел к Вениамину Ивановичу, который проверял и считал заключенных, не стал отрывать его от работы. Он незамеченным вышел из вагона, выбрался из отдаленного тупика и вернулся трамвайным путем домой. Никому он об этом случае не сказал, ни Раисе Федоровне, ни вернувшемуся через несколько часов домой отцу. То, что его отец — мусор, стало его личной тайной, он таскает свою тайну в себе, ибо положение Эди-бэби в мире Салтовского поселка и в космосе тотчас бы изменилось, узнай его друзья, что он сын мусора.

Странным образом Эди-бэби не винит своего отца в том, что тот мусор. Это его — Вениамина Ивановича — дело, быть ему или не быть мусором, хотя "военный" звучит куда благороднее, и тем более быть военным в только что победившей стране, тотчас после огромной войны, очень почетно. Эди-бэби просто считает, что ему, Эди, очень не повезло с отцом — он мог родиться в семье известного исследователя и путешественника, или даже в семье генерала родиться было бы вовсе не плохо, генерала, украшенного орденами, но в семье мусора! Эди-бэби страдает молча.

Второе обстоятельство в биографии Вениамина Ивановича также угнетает Эди-бэби, а именно то, что его отец никогда не был на фронте. Эту деталь биографии своего отца Эди-бэби тоже тщательно скрывает. Все мужские родственники Эди-бэби погибли в последней войне, включая и брата отца — дядю Юру, которому было 19 лет и на кото-

рого, как говорит отец, Эди-бэби очень похож по характеру и фигуре. Эди-бэби понимает, что будь отец на фронте, он бы также наверное погиб, как дядя Юра и дедушка Федор Никитович, храбрый капитан штрафного батальона, и ему, Эди-бэби, возможно, никогда бы не пришлось появиться на свет, но иной раз Эди-бэби стыдно перед ребятами, у которых нет отцов. Эди-бэби знает, что его отец не увиливал от фронта, так получилось помимо его воли, он был послан еще в самом начале войны в военное училище, а потом со специальным мандатом, подписанным Лаврентием Берией, лейтенант Савенко ловил дезертиров в Марийской тайге.

Мандат, подписанный расстрелянным после смерти Сталина Лаврентием Павловичем, также исчез из официальных устных биографий Вениамина Ивановича, поверяемых друзьям и знакомым. Но Эди-бэби знает, что он был. Марийская часть биографии отца не раздражает его так, как мусорская, но интригует его и волнует. Мать иногда, помимо своей воли, роняет кое-какие детали отцовской жизни, но все равно они не укладываются в стройные строчки канонической биографии. Иногда раздраженная мать упоминает какую-то девушку из города Глазова, Марийской АССР, с которой, очевидно, отец жил вместе, когда служил в Марийской тайге с грозным мандатом. Иногда мать роняет тонкие намеки на то, что, возможно, Эди-бэби имеет там, в Марийской тайге, брата или сестру. Брат или сестра оставляют Эди-бэби равнодушным, но мандат до сих пор волнует его воображение. Почему бы отцу не иметь такой мандат сейчас, — думает Эди. Он, Эди, жил бы совсем иначе.

Эди-бэби отцовским жестом кладет себе на голову одну из диванных подушек, ловя себя на "отцовском жесте". От красивого отца ему в основном достались жесты и переваливающаяся походка, смуглое же тело и скуластая курносая физиономия от полутатарки матери.

Эди-бэби думает, что мать захватила его отца. В первые годы их женитьбы Вениамин Иванович еще вертелся и пытался выскользнуть из-под упрямой власти жены, Эди-бэби слышал от матери, что тогда у него даже были любовницы, но постепенно он привык к ярму семейной жизни и несет его терпеливо. Несение ярма облегчается еще и тем, что, исчезая с рассветом, Вениамин Иванович появляется в комнате на Салтовском поселке поздним вечером. Жизнь его главным образом протекает в его воинской части и в командировках. Что он там делает, Эди-бэби не знает. Работает.

После увиденной им сцены на вокзале Эди-бэби стал прислушиваться к ночным разговорам отца и матери, стараясь не спать. Оказалось, что они имеют обыкновение, лежа в постели в двух шагах от его дивана, переговариваться шепотом о том, что произошло за день. Однажды, отец только что вернулся из очередной командировки, Эди, лежа на своем диване, делая вид, что спит, услышал следующий разговор:

— Удивительно сильный человек, — сказал отец. — Ты знаешь, Рая, я навидался их немало. Одни плачут, как малые дети, другие забьются в угол вагона и блестят оттуда глазами, как волки, а этот — спокойно разговаривает, вежливо, встает рано, делает гимнастику, читает. С большим достоинством человек.

— А за что его приговорили, Веня? — шепчет мать.

— На него нет дела. Это означает, что даже мы не имеем права знать, кто он такой. "ОО" — особо опасный. Так и ехал весь путь — читал, и все время гимнастика. Читать ему тоже не полагается, но я разрешил.

— Зачем его, бедного, притащили из Сибири сюда расстреливать? — шепчет мать.

— Потому что весь этот год приговоренных к смерти расстреливают в Кривом Роге. Пару лет назад расстреливали в нашей Холодногорской тюрьме. Ввели эту годичную систему только в целях поддержания морали среди охран-

ников тюрем. Один год расстреливают всех приговоренных на территории СССР в одной тюрьме, другой год в другой... — Отец замолчал, потом продолжил:

— Мужественный человек... Молодой еще, лет тридцать пять всего. Рыжий. Высокий. Офицер, который сдавал его мне, намекнул, что вроде как покушение было на самого Никитку...

Отец опять замолчал. Слово же "Никитку" он произнес с видимым презрением. Как и многие военные, отец не любит Хрущева. Хрущев урезал военным пенсии, и всячески старается "разоружить армию", как говорит отец.

— Ты думаешь, Вениамин, что он?.. — прошептала мать и, испуганная самой мыслью, не договорила.

— Чего тут думать. Конечно! — подтвердил отец и закончил за мать: — Пытался его убить. Это уже говорят не в первый раз...

Потом родители затихли, очевидно, уснули. Заснул и Эди-бэби.

Сегодняшний, 1958 года, Эди-бэби тоже засыпает на своем диване, даже не сняв куртки.

31

Мать является, конечно, тотчас после того, как Эди-бэби засыпает, и будит его.

— Ты дома? — удивляется мать. — Дурак, зря не пошел со мной к тете Марусе. Все танцевали, было очень весело. Дядя Ваня плясал чечетку.

— Угу, — сонно мычит Эди, — "очень весело".

— Да уж веселее, чем с твоей шпаной, — парирует мать. И идет в атаку: — Почему ты не снимаешь свои ужасные ботинки? После тебя мне всегда приходится потом чистить диван. Он и так уже весь в пятнах. И кто же спит в куртке?! Варвар, а не сын!

Эди-бэби уже расхотелось спать. И он понимает, что

мать, против ожидания, явилась от тетей Марусь бодрая, энергичная, по крайней мере час "пиления" обеспечен. Посему Эди-бэби встает, достает с чемодана, стоящего в дверной нише, за портьерой, спальный мешок, подаренный когда-то ему на день рождения отцом Шепельским, и идет на веранду.

— Ты что, с ума сошел! — восклицает мать. — Ноябрь на дворе! Хочешь заработать крупозное воспаление легких? Чокнутый! — И мать вертит указательным пальцем у виска, изображая, насколько чокнутый Эди-бэби.

Эди-бэби думает, что мать хвалится чистотой своего русского языка, якобы не затронутого местным украинизированным произношением, однако сама употребляет даже и блатные словечки. "Чокнутый" — это сумасшедший.

Сумасшедший Эди презрительно хмыкает и уходит на веранду, притворив за собой дверь.

По просьбе Эди-бэби веранду все-таки решили переделать в отдельную комнату, следуя примеру соседей, которые спешно создают себе дополнительную жилплощадь. Даже инертный Вениамин Иванович наконец раскачался и заплатил строителям, воздвигшим широкооблочную стену, отделившую их часть веранды от части майора Шепотько, другая сторона ограничивалась капитальной стеной, и кроме того, воздвигли целую систему деревянных рам, отделивших лобовую часть веранды от внешнего мира. Однако сооружение все еще не имеет стекол, почему на веранде и царит уличная температура.

Эди-бэби расстилает на раскладной брезентовой кровати спальный мешок и залезает в него. Спать больше не хочется. Ебаная проблема денег опять не дает покоя. Где достать денег? Где достать? — думает Эди снова и снова, ворочаясь в своем спальном мешке.

Была бы мать человеком, — размышляет Эди. — Что ей стоит дать ему двести пятьдесят рублей? Хуйня, а не деньги! Но мать уперлась. Раиса Федоровна не менее упряма, чем Эди.

Внутри в комнате потух свет. Мать легла спать. И в тот момент, когда потух свет, Эди-бэби вспоминает о столовой.

Идея! — решает Эди. У них наверняка собралась сегодня масса денег, которые они не успели сдать инкассатору. Какие же инкассаторы в праздничный вечер?

Однако сомнения в обилии денег, наторгованных сегодня столовой на Первой Поперечной улице, у Эди-бэби все-таки есть, и он не может решить, грабить или не грабить ему столовую. Он некоторое время лежит в темноте и думает. В осеннем Салтовском воздухе постепенно затихают последние крики последних полуночных компаний, наконец догулявших свое.

Пойду, — решает Эди. — Погляжу, если будет момент — залезу. Хуево только, что в столовой оставляют на ночь свет, потому все, что происходит внутри, отлично можно увидеть снаружи через большую новую стеклянную дверь и внушительные окна. Но одно окно — полуподвальное, через него-то Эди и думает залезть в столовую. Никто не сможет увидеть его, когда он будет выдавливать стекло.

Совсем уже собравшись, а именно, ощупав все свои карманы и для этого осторожно поворачиваясь в спальном мешке, при этом парусиновая раскладушка скрипит своими пружинами и алюминиевыми трубами, Эди-бэби внезапно обнаруживает, что очки его остались в комнате. Это обстоятельство охлаждает его пыл, и он некоторое время лежит, не двигаясь, решив не грабить столовую.

Но где я возьму деньги, чтобы повести завтра Светку к Сашке Плотникову? — с ужасом спрашивает себя Эди. Если не достану я денег, капризная Светка станет ходить с Шуриком, она и так хвалится, что Шурик, он работает продавцом в обувном магазине, зарабатывает много денег, никогда не приходит к ней без коробки шоколадных конфет и бутылки шампанского. "Ты для меня бедный!" — сказала как-то раз заносчивая Светка, морща свое кукольное личико. Эди-бэби представил кукольное личико Светки и

улыбнулся. Еще у Светки замечательные, длинные-предлинные ноги, в точности как у женщин из иностранных журналов, которые Эди показывал Кадик. Такие же журналы — французские, и немецкие, и даже американские — есть у Сашки Плотникова. Они принадлежат его отцу.

Мать Светки, что бы там ни говорили в поселке, может она и проститутка, одевает Светку по последней моде. Светка носит крахмальные нижние юбки и платья с кружевами, и в таком наряде еще больше становится похожей на куклу.

Эди-бэби гордится своей Светкой и считает ее лучшей девочкой в поселке. Из малолеток, разумеется... Да и из взрослых тоже, подумав, решает Эди...

Эди-бэби все-таки решил идти. И идти без очков, потому что чтобы достать очки из комнаты, ему придется разбудить мать, она спит очень чутко, и непременно проснется, едва он откроет дверь. "Надо идти, надо, — ободряет себя Эди. — Иначе денег мне не достать". Столовая кажется ему единственным шансом. Днем, когда он проходил мимо столовой с Асей и Томкой, у него шевельнулась мысль, чтобы столовую ограбить, именно из-за толпы посетителей. Наторговали, очевидно, кучу денег в праздничный день, — продолжает подбадривать себя Эди, — в праздник кто же жалеет деньги?

Эди осторожно вылезает из спального мешка и, проверив еще раз содержимое своих карманов, застегнув куртку, просовывает туловище в отверстие безстекольной рамы. Минута, и Эди уже сидит на цементном внешнем карнизе веранды. Он мог бы прыгнуть вниз, в конце концов это только второй этаж, но боится разбудить мать и Толика Переворачаева под ними, звук приземления будет слышен. Посему он хватается рукой за оставшиеся нетронуты-

ми прутья решетки, ограждающей веранду, и повисает на руках. Переворачаевы давно уже построили себе дополнительную комнатку на месте такой же веранды первого этажа, как и у семьи Эди, и Эди поэтому приходится принять дополнительные предосторожности, дабы не раздавить переворачаевские стекла. Эди-бэби скользит по стеклам телом, ищет опору для ног и, не найдя ее, разжимает руки. "Шлеп!" — он благополучно падает на асфальтовую дорожку, обходящую их дом по периметру.

32

Некоторое время Эди сидит, не двигаясь, как приземлился. Он не хочет, чтобы его видели из соседних ли домов, которые, впрочем, далеко, или же из его собственного дома. Ему нужно алиби, как учил его Костя. После "дела" Эди взберется обратно на свою веранду и уляжется на раскладушку, как будто он и не покидал веранды.

Однако Костя не учил его грабить на своей улице. По теории Кости это последнее дело — грабить в своем районе. Ни один уважающий себя преступник не позволит себе ограбить столовую на своей же улице, — думает чуть стыдливо Эди-бэби. Но что делать, у Эди нет выхода, а столовую на Поперечной улице он хорошо знает.

Эди-бэби крадется по темной Поперечной улице, прижимаясь к стенам домов, ему не хотелось бы встретить подгулявших знакомых, ведь утром всей Салтовке станет немедленно известно, что столовая на Поперечной ограблена.

Проскользнув мимо дома Карпова, Эди идет дальше. У женского общежития на Поперечной несколько пьяных мужиков или ребят, в темноте не видать, хрипло ругаются с комендантшей. Ясное дело, думает Эди, хотят пройти к девкам, и девки хотят, но комендант стоит на своем: "Не положено!" Не положено, — думает с усмешкой Эди, — на-

верняка в половине комнат сегодня спрятались ребята и мужчины. Обычно они влезают в окна, только пьяные идут в дверь.

От дома Эди до столовой пять минут ходьбы. Как Эди и предполагал, изнутри столовая залита светом. Некоторое время Эди стоит на противоположной стороне улицы, у палисадника другого женского общежития, их на Первой Поперечной целых четыре, и, сощутив глаза, пытается хорошо осмотреться вокруг. Только теперь он понимает, как все-таки глупо было отправляться грабить, не захватив очки, с близорукостью минус шесть.

Эди-бэби известно первое правило грабителя: действовать нужно решительно и смело, не дожидаясь "идеальной" ситуации. Ее никогда не будет. Поэтому еще раз осмотревшись вокруг, Эди-бэби четко пересекает мощеную улицу и быстро ныряет в нишу полуподвального окна, прыгает вниз.

В нише сыро и грязно, пованивает мочой, но Эди-бэби не обращает внимания на такие мелочи. Достав из кармана нож, он тотчас принимается отковыривать замазку правого угла нижнего стекла, по странной идиотской логике стекло почему-то вставлено снаружи, а не изнутри, что облегчает работу Эди. Он радуется, однако, преждевременно. Замазка оказывается твердой, как цемент, очевидно, такой ее сделали дожди, или морозы, или все стихии вместе. Замазка не желает отковыриваться, нож Эди-бэби соскальзывает с замазки, снимая с ее каменной поверхности разве что несколько пылинок.

Делать нечего, — думает Эди, — придется выбивать стекло. Профессиональный Костя в данном случае взял бы с собой полотенце и, выдавив на него тюбик клея БФ-2, приложил бы полотенце к стеклу и после этого легко и бесшумно выдавил бы стекло. Неподготовленный и плохо экипированный Эди решает бить угол стекла, а потом вытащить остальное.

Сняв куртку, Эди накладывает ее на выбранный им

угол и после ударяет через куртку по стеклу рукоятью своего тяжелого ножа. Стекло разбивается не сразу, и шуму все-таки слишком много. Эди-бэби замирает, стараясь услышать, что происходит на улице. Как будто тихо.

Он хочет высунуть голову из своей ямы, но медлит. В этот момент он явственно слышит звук сапог мусора — неповторимый звук, который невозможно спутать с легкой поступью гражданского человека. Хозяйственная, тяжелая поступь. Эди-бэби замирает в своей яме, прижавшись к ее холодной стене.

Шаги приближаются. У Эди-бэби стягивает желудок. Ему, как всегда в минуты опасности, вдруг неудержимо хочется испражниться.

Шаги замирают у дверей столовой, некоторое время ничего не слышно, потом шаги вдруг удаляются. Эди-бэби облегченно вздыхает. Желудок его разжимается. Дежурный мусор попробовал дверь и ушел. Очевидно, он или чуть слышал звук разбитого Эди стекла, или что-то показалось ему подозрительным в столовой, решил проверить. Если бы он догадался взглянуть в нишу, Эди-бэби пропал бы.

Нужно торопиться, — думает Эди-бэби. Он знает, что дежурный мусор только что заступил на дежурство, и знает его маршрут. Сейчас он отправится вверх по Поперечной, проверит несколько магазинов и киосков возле автобазы, потом свернет к больнице, у больницы есть большой продовольственный магазин, недавно построенный и уже ограбленный шпаной несколько раз, слишком далеко магазин от огней цивилизации и трамвайных остановок. У Эди-бэби достаточно времени, но и не так много. Эди принимается спешно вытаскивать осколки стекла из рамы, хватая их своей курткой. Вообще-то следовало бы иметь перчатки.

Через несколько минут Эди-бэби попадает внутрь столовой. Там душно, в кухне видны еще пышущие жаром печи, столовая закрылась несколько часов назад. Не теряя

времени, Эди принимается за самое трудное. Он идет к деревянной будке кассирши, которая возвышается в углу зала, ярко освещенная и видимая любому прохожему через окна, и пытается открыть дверь.

Дверь не открывается. Почему-то Эди представлял себе, что держать ее должна легонькая задвижка, но взамен на двери висит тяжеленный "московский" висячий замок. Эди-бэби по опыту знает, что открыть или сорвать его не так легко, тем более не имея с собой даже ломика. Но взглянув вверх, Эди-бэби обнаруживает, что срывать замок нет надобности, потому что наверху стены будки не доходят до высоченного потолка на целые полметра. Эди-бэби торопливо подвигает парочку стульев к будке и, взобравшись на стулья, хватается руками за верхний край будки. Повисает, потом подтягивается на руках, переваливает ногу за край будки и соскальзывает внутрь.

Это самый опасный момент. Любой прохожий с улицы может увидеть пирамиду стульев, будка кассира в центре зала хорошо освещена и прекрасно видна снаружи. Эди-бэби торопится, рвет кассовый ящик. Ящик заперт, но Эди-бэби просовывает в щель свой нож и выворачивает слабую, листового железа обшивку вместе с замком. Ящик выдвигается. Эди-бэби, близоруко шурясь, наклоняется над его отделениями и разочарованно ругается. "Ебанный в рот!" В отделениях мелочь и тоненькая пачка свежих новеньких рублей. Всего рублей двадцать. Может, тридцать.

Эди-бэби быстро шарит в ящиках стола кассира, они даже не заперты, но там только пачки накладных и другие ничего не стоящие бумаги, наколотые на металлические штыри, еще несколько печатей, скрепки, даже остаток засохшего бутерброда, пара вилок, ножи из столовой, зеленая расческа, в которой застряли седые волосы кассирши, зеркало, помада в смятом бронзовом тюбике. Денег больше нет.

Эди-бэби осматривается внутри примитивного сооружения. Только стул и стол, на котором стоит кассовый

аппарат, да прейскурант, прибитый на стену над кассовым аппаратом, вот и все имущество клетки. Небогато.

Эди сгребает мелочь в карманы и туда же следует тоненькая пачка рублей. Не мешкая, он влезает на стол, становится на кассовую машину, одним прыжком переваливает через стенку будки и, повиснув на руках, прыгает вниз. Эди всегда раздражают киногерои, раздумывающие в опасных обстоятельствах или слишком долго прощающиеся с невестой, что и приводит их в конце концов на виселицу или в тюрьму. "Уходи, мудака!" — всегда в таких случаях шепчет Эди в темноте кинозала. Сам Эди, спрыгнув вниз, тотчас подхватывает два стула, возвращая их к столу, от которого он их взял, и, даже не глядя в окна столовой, чтобы убедиться, что его никто не видит, скрывается в кухне.

В кухне еще жарче, воняет переваренным супом или борщом. Эди хочется что-нибудь проглотить, и он поднимает пару крышек на кастрюлях, но кастрюли или пусты, или не содержат в себе ничего интересного — бурые остатки борща или супа, которые утром помощник повара выльет без сожаления в раковину.

Эди-бэби осматривается в кухне. Здесь денег не может быть, конечно же, но осмотревшись, замечает, что сразу же у входа в зал столовой есть еще одна дверь. Эди устремляется к двери и, открыв ее, попадает в небольшой, прохладный, несколько даже сыроватый коридорчик, в котором видит еще две двери. На одной из них висит табличка "Заведующий".

Именно кабинет заведующего и нужен Эди-бэби. На его счастье кабинет оказывается незапертым. Эди щелкает черным выключателем у входа и внедряется в кабинет.

Ему сразу становится понятно, что он проиграл, при взгляде на большой серый сейф в углу. Проиграл. Зря, мудака, проделал всю операцию, чтобы задохнуться в бессилии перед стальным ящиком. Такое случается с ним не в первый раз. Совсем недавно он и Костя сверлили, да так и не

высверлили замок у сейфа в обувном магазине, где по их расчетам должно было быть 150-200 тысяч рублей! Ничего не вышло, пришлось бросить все и сматываться. Костя пытается научиться открывать сейфы, но где научиться и у кого? Все "медвежатники", как называют взломщиков сейфов, остались только в романах писателя Шейнина, их давно ликвидировали как класс. Учиться не у кого, а Костя не такой хороший слесарь и механик, чтобы понять самому, как.

Эди со злостью пинает сейф ногой и оглядывается вокруг. Большой, неизвестной породы дерева канцелярский стол стоит в углу, над ним — окно, затянутое решеткой. Больше окон в кабинете нет. Окно выходит во двор, общий с одиннадцатым гастрономом и "Бомбеем", и оно тоже полуподвальное, как и то окно, в которое влез Эди. На окне плотная темная штора, так что бояться нечего, Эди садится в кресло заведующего и начинает выдвигать один за другим ящики стола.

Бумаги, засаленные папки со следами грязных или жирных пальцев — неряшливая столовая бухгалтерия. Эди брезгливо раскрывает каждую папку в расчете обнаружить там пачку сторублевок. Папки отлетают на пол одна за другой. Скоро солидный слой документов уже устилает пол. Эди-бэби злится, и хотя ему следовало бы уходить, все и так ясно — дневная выручка столовой заперта в сейфе, ему до слез обидно уходить. Сейф он даже и не пытается открыть. Чем? Пальцем?

В углу одного из ящиков, самого нижнего, он обнаруживает початую бутылку коньяка. Вынув пробку, Эди-бэби прикладывается к горлышку — заведующий знает, что пить, коньяк у него не простые три звездочки, которые все равно стоят дороже водки, а КВВК, что означает "Коньяк выдержанный, высшего качества". Эди-бэби считает, что все люди, работающие в торговле, — жулики. Так считает и вся шпана, и все рабочие в поселке, а Эди-бэби разделяет многие из салтовских мнений и заблуждений. Жулики пьют КВВК.

Тут Эди-бэби вдруг приходит в голову смешное, что он тоже жулик, но он тотчас успокаивает себя тем, что грабительство — занятие благородное, открытое, а вот втихаря воровать продукты и обманывать в накладных, как это делают все эти раскормленные заведующие и директора, — гадко. А жулик ли Саня Красный? — вдруг задумывается Эди, и сам смеется, подумав, что он двойной жулик.

Эди-бэби решает свалить и, прихватив бутылку, направляется к двери. У двери — вешалка, оленьи рога, на которой висит белый халат, очевидно принадлежащий заведующему столовой, и синий берет. Под халатом, сорвав его, Эди-бэби обнаруживает черное ратиновое пальто с каракулевым воротником "шалькой". Эди-бэби мгновенно решает, что сможет загнать пальто после праздников на Конном рынке тем же азербайджанцам, и потому напяливает пальто поверх куртки, а бутылку сует в карман.

Дойдя до дверей, ведущих в зал столовой и уже собираясь их открыть, Эди-бэби вдруг слышит доносящиеся с улицы необычно возбужденные голоса. Не где-то далеко, а совсем рядом, у самых дверей. Эди становится страшно.

Желудок его опять сжимается, и на сей раз, раздраженный коньяком, серьезно. Эди приходится отступить снова в кабинет заведующего. Там он рывком расстегивает штаны и, не в силах вытерпеть вызванных страхом позывов в желудке, приседает на корточки. Струя жидкого дерьма выстреливает из него прямо на разбросанные на полу документы. Руками Эди-бэби поддерживает полы ворованного пальто и некоторое время сидит, не двигаясь, и прислушивается.

Когда он опять, крадучись, пробирается в обеденный зал столовой, голоса уже исчезли. Не дожидаясь развития событий, Эди направляется ко вскрытому им окну и вылазит вначале в сырую яму и потом, не слыша никаких подозрительных звуков вокруг, — на улицу. Как любой другой близорукий мальчик, он больше доверяет своему слуху, чем зрению. На улице он идет, как его учил Костя, не

домой, но направляется в сторону своей школы, перемахивает через ограду и некоторое время бродит по темному футбольному полю, наконец усаживается на кирпичи в самом темном углу и допивает из горлышка коньяк.

33

Домой Эди-бэби возвращается кружным путем, для верности обогнув автобазу и пройдя по краю русского кладбища. Эди-бэби знает, что вызвать служебную собаку стоит денег, и из-за украденных двадцати или, сколько там, тридцати рублей, собаку с приставленным к ней специальным милиционером вызывать не станут. Но следуя Костиной инструкции, он все же целый час старательно бродит, запутывая следы, и когда добирается до своего дома, уже ужасно хочет спать.

С тех пор, как Переворачаевы построили себе комнату из веранды, влезать к себе Эди-бэби неудобно очень. Чудом он не раздавил еще ни одного стекла у Переворачаевых, одной ногой, и легко, но он все же опирается на их рамы. Только, чтобы дотянуться рукой до решетки на своей веранде, но опирается.

После пятнадцати минут соскальзывания и приглушенных чертыханий Эди все же взбирается к себе, запикивает ворованное пальто под раскладушку и укладывается в спальный мешок. Мать, слава Богу, его не слышит. Спит спокойно в комнате.

Уже засыпая, Эди-бэби думает, что жулик-заведующий наверняка использует неудачное ограбление для того, чтобы заявить о пропаже им же и растраченных тысяч, и через пару дней вся Салтовка будет шуметь о больших деньгах, взятых в столовой грабителем. Гад!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Совсем голый, Эди-бэби сидит на коленях у голой, огромной и белой сумасшедшей Тоньки, чувствуя задом ее могучие ляжки. Одной рукой Тонька держит Эди-бэби за живот, он чувствует стыдливое жжение в животе, а другая рука Тоньки, кисть руки не белая, а сизая, даже в большие морозы Тонька расхаживает по поселку без перчаток, другая рука Тоньки медленно движется к члену Эди-бэби. Эди-бэби замирает, предчувствуя, что сейчас произойдет, и член его, набухший и вытянувшийся, подрагивая, стесняясь, но ждет Тонькиной руки.

В тот момент, когда шершавая ладонь сумасшедшей Тоньки обхватила его член, и в ответ на прикосновение горячей Тонькиной руки член высоко извергнул из себя кипящую белую жидкость, Эди-бэби просыпается.

Некоторое время он лежит, пытаясь отделить реальность от только что приснившегося и, поняв, что он лежит на своей, сейчас залитой тусклым ноябрьским солнцем веранде, в спальном мешке, облегченно вздыхает. Он сует руку под одеяло, шарит там, набредает ладонью на мокрое пятно, и удовлетворившись этим, вынимает руку. Когда он впервые кончил во сне, он очень испугался, теперь привык.

Тонька стала ему сниться с прошлого лета, и, встречая живую Тоньку или на улицах поселка, или у них в доме, мать хорошо относится к сумасшедшей и кормит ее, Эди-бэби жутко стесняется этой пятидесятилетней, седой высокой женщины. Антонина Сергеевна Чернова, подполковник танковых войск, в самом конце войны получила тяжелую контузию и с тех пор отличается чрезвычайно эксцентрическим поведением, граничащим с сумасшествием. Она говорит людям правду в глаза, не считаясь с их положением, и пьет — по салтовскому кодексу это исключительно

мужское занятие. Часто Тоньку можно увидеть у пивного киоска, пиво она, разумеется, получает без очереди, без стеснения распихивая мужиков и не обращая внимания на их возмущенные крики. Что еще более возмутительно для салтовских жителей, Тонька никогда не стоит в очередях за маслом – самым дефицитным почему-то продуктом питания на Салтовке, она подходит без очереди, приколов или к кофте, или зимой к пальто все свои медали и ордена, и среди них два ордена Красной Звезды и два ордена Красного Знамени, Антонина Сергеевна была храбрым солдатом, и берет нужное ей количество масла. Нужно ей много – она покупает масло не только себе, но и, естественно, ненавидящей стоять в очередях Раисе Федоровне, и некоторым другим знакомым. Когда Тоньку пытается остановить наблюдающий очередь милиционер, она, разметав седые пряди из-под платка, кричит ему в лицо, что это исключительно ради таких коблов, как он, она потеряла свое здоровье на фронтах Отечественной войны, в то время как он отсиживался в тылу, и что если он, сука, сейчас же не отпустит ее рукав, она пожалуется генералу армии Епишеву, начальнику Главного Политуправления Советской Армии и ее личному другу. Если положение становится серьезным, сумасшедшая Тонька, не дожидаясь помощи генерала армии, охотно применяет свои крупные танковые кулаки и недоужинную силу здоровой русской бабы.

Сумасшедшую Тоньку салтовские мужики били несколько раз, один раз за то, что она слишком сильно ущипнула чьего-то младенца. Тонька, по не известным никому причинам, почему-то младенцев не любит. Эди-бэби случилось увидеть заключительную сцену схватки, когда окровавленная, но непобежденная Тонька, в разорванной на груди кофте, укрывшись за грудой кирпича, метала в рассыпавшуюся недалеко от нее группку мужиков камни. "Бляди! Педерасты поганые! – рычала Тонька. – Дезертиры! Попадись вы мне на фронте, всех бы к стенке поставила!" Если бы Тонька знала, кто такие фурии, она бы уди-

вилась факту, что она очень похожа на одну из фурий, подумал тогда Эди-бэби меланхолически. Сквозь разорванную кофту наружу вываливалась большая, белая, с крупным, как бы резиновым соском грудь Тоньки.

Могущественная эта грудь навечно запомнилась Эди-бэби, может быть, воспоминание о Тонькиной груди и вызывает к жизни все ужасные сны, в которых Тонька делает с Эди-бэби отвратительные вещи, и чаще всего их иногда очень сложная гимнастическая возня заканчивается тем, что они ебутся. Тонька преследует его и в дневные часы, стоит Эди-бэби прикрыть глаза где-нибудь на солнце, на пляже, куда он ходит, начиная с ранней весны до самой поздней осени, как мучительница Тонька, голая, встряхивая седой гривой, тотчас является, чтобы его истязать.

Эди-бэби уже стесняется просто посмотреть Тоньке в лицо, когда она к ним приходит. В реальной жизни Тонька как бы дружит с Раисой Федоровной и, как утверждает мать, втайне влюблена в Вениамина Ивановича. И действительно, обычно грубая и наглая в отношениях с мужиками, Тонька очень стесняется и робеет, когда вдруг видит отца. Смешно видеть, как Тонька, этот гренадер, становится вдруг очень вежливой, запинается, опускает глаза и теребит своими крупными ручищами бахрому их зеленой шелковой скатерти. Тонька куда выше Вениамина Ивановича, рядом с нею отец выглядит изящным мальчиком в военной форме, к тому же он и моложе Тоньки лет на десять.

Мать говорит, что вероятнее всего Вениамин Иванович напоминает Тоньке ее жениха, давно погибшего в гражданской войне в Испании. Еще мать утверждает, что Тонька не такая уж сумасшедшая, как салтовским обитателям кажется, что, конечно, контузия у нее была серьезная и Тоньку порой мучают головные боли, от которых она спасается специальными уколами, но что Тоньке еще и выгодно казаться сумасшедшей, ей легче жить таким образом.

— Антонина Сергеевна умная женщина, — утверждает мать. — И она настоящий боевой офицер, не то что многие

другие придурки-инвалиды, не то, что тюренский Ефим, которому еще перед войной пьяному отрезало ногу трамваем, а он теперь разъезжает на своей инвалидной машине, весь в купленных на толчке медалях, и выдает себя за героя. Антонина Сергеевна просто не такая, как все, потому салтовчане и считают ее сумасшедшей. Кто еще в здравом уме будет в очереди, в присутствии милиции поносить Хрущева? Антонина Сергеевна, как и отец, и многие другие военные, не любит Хрущева, потому что он порезал им пенсии. А сумасшедшая Тонька живет на ее подполковничью пенсию одна, все ее родственники погибли в войну, может быть именно поэтому она так храбро воевала — мстила немцам за свою семью.

2

Эди-бэби уже не может заснуть, теперь он думает о том, как ему прокрасться мимо матери в туалет, чтобы она не заметила пятна на брюках. Эди-бэби очень стыдится этой секретной стороны своей жизни. Мать подумает, что он онанировал, и может быть, скажет ему об этом. Когда он только начал онанировать, опять-таки в дело была замешана Тонька, Эди-бэби мысленно копировал свои сны, мать тотчас же узнала об этом. Эди-бэби знает, как.

Очень просто. Он вытирал член листками отрывного календаря. Иногда он выбрасывал листки в туалет, иногда же забывал это делать. Мать, очевидно, нашла листки, склеенные засохшей желтой субстанцией, очень похожей на клей, и очевидно тотчас же догадалась, что субстанция эта не что иное как сперма ее сына, наконец достигшего возраста полового созревания.

Мать прочла сыну лекцию, возможно более мягкую. Раиса Федоровна женщина начитанная, все-таки в комнате стоит книжный шкаф, плотно набитый книгами, она понимала, что Эди-бэби, по-видимому, мало что соображает в

своим собственном поведении, потому она решила его остеречь.

Во время лекции Эди-бэби краснел и бледнел и отрицал свою вину, самое большое, на что он согласился, что да, листки — его работа, но он только сморкался в них. Эди-бэби знал, что мать не поверила в засохшие на листках сопли, но что ему оставалось делать? Признать, что он по нескольку раз в день возится со своим членом, охая и стелая, закрыв глаза, повторяя мысленно последний сон с огромной, нагло ухмыляющейся, раздвинувшей ноги Тонькой?

Несмотря на предостережение матери, что онанизм — опасная болезнь, что он иссушает мозг и высасывает силы из тела подростка, Эди-бэби даже не снизил количества мастурбаций. Дело в том, что он получает ужасное удовольствие в тот момент, когда "кончает". От такого удовольствия он не в силах отказаться. Календарные же листки и просто бумажки он теперь прячет в карманы и выносит на улицу.

3

Эди-бэби пытается вспомнить, как он впервые открыл онанизм. Он помнит, что бессознательно рассматривал свой член, вертел его в руке... Да, вспоминает он внезапно, это случилось после бани, когда он раз в неделю ходил раньше вместе с отцом. В бане отец обратил внимание Эди-бэби на его член и сказал, чтобы Эди не забывал мыть свой член.

Сквозь клубы пара, вокруг толпились голые мужики, Эди понаблюдал, как его отец трет и скребет свой собственный член, и впервые увидел, что член у отца очень красный на конце. Переведя взгляд на свой собственный отросток, Эди тотчас увидел различие — его член кончался не красной, но нормальной, коричневой его кожей, хотя и смор-

щенной, и только в глубине темнело немного сизо-красной кожи, но совсем немного, только вокруг отверстия, через которое выливается моча. Увильнув от отца, который пытался поймать Эди в пару, чтобы помыть ему член, еще чего, Эди не позволял касаться себя даже матери, Эди решил по приходе домой, как только он останется один, осмотреть свой член внимательно.

Остаться одному ему удалось только на следующий день, так как в банный день у отца был выходной, именно в выходные дни он и Эди-бэби ездили на трамвае в баню. Мать ездила в баню в свое время с тетей Бэбой, а теперь все чаще ездит с тетями Марусями.

На следующий день после происшествия в бане, Эди-бэби, дождавшись, когда мать уйдет в магазин, разделся, сел на свой диван и стал изучать свой член. При ближайшем рассмотрении оказалось, что устройство его члена не так уж отличается от отцовского. Оказалось, что сморщенная шкура, покрывающая конец члена Эди-бэби, может сдвигаться, а под ней он обнаружил такую же красно-сизую кожу, как и у Вениамина Ивановича.

Открытие потрясло Эди-бэби. Мало того, когда он попытался сдвинуть кожу со своего члена еще дальше, член его немедленно увеличился в размерах, и, стянув шкуру с члена как мог дальше вниз, Эди-бэби вдруг обнаружил, что кольцо некоего волокнистого желто-серого вещества окружает его член на уровне нескольких сантиметров от конца. Поковыряв доселе скрытую кожей субстанцию ногтем, Эди-бэби поднес палец к носу и понюхал. Воняло не очень приятно, как сыр рокфор. Ковырнув из любопытства еще раз, Эди-бэби к своему ужасу отделил целый слой желто-серой субстанции, и под ним мелькнула нежная белорозовая кожа.

Эди-бэби испугался. Он подумал, что он неосознанно разрушил что-то на своем члене. Что теперь будет?! — с ужасом думал он. Дело в том, что знания Эди-бэби в области ботаники, зоологии или мореходного дела чудовищно

превышали его знания человеческой биологии. Объяснять ему никто ничего не объяснял, вот он сидел на своем диване с членом в горсти и недоумевал.

Понедоумевав немного, Эди-бэби почему-то решил убрать всю желто-серую субстанцию и выщипал ее малопомалу. Без субстанции конец его члена выглядел как головка здорового шурупа, а сам член как шуруп, только что из мяса. Эди-бэби надвинул кожу на свой член. Ничего не произошло. Тогда он опять отодвинул кожу. Ощущение было приятное. Так он двигал кожу по члену до тех пор, пока неожиданно для себя вдруг не издал тихий стон, рот его приоткрылся, а из отверстия в члене, откуда обычно выстреливает моча, выступила большая желтая капля и, постояв на головке члена, медленно поплыла по нему вниз. Так Эди-бэби кончил первый раз в своей жизни. Облегчение и освобождение, как после тяжелого тысячелетнего труда, спустились на Эди-бэби. И чувство страха за себя и свой организм тоже.

В этот момент растерянный Эди-бэби и услышал звук ключа, поворачиваемого в замке. К этому именно моменту и относится зарождение его пагубной привычки к использованию календарей, которая заставляет его порой обрывать календарные листки на много дней вперед. Эди-бэби схватил первое попавшееся — календарный листок, вытер им член и как мог быстро влез в брюки. Мать, к счастью, отправилась вначале на кухню — разгрузить купленные продукты. Испачканный листок календаря Эди забросил под диван.

4

Сегодняшний Эди встает со своей раскладушки и, крадучись, открывает дверь в комнату. Дверь, как он ни старается, все равно скрипит. С досадливым выражением лица, стараясь идти боком, Эди ввергается в комнату. Слава

Богу, матери нет в комнате. И неудивительно, будильник, стоящий на телевизоре, покрытом белой кружевной скатеркой, показывает 11 часов. Эди-бэби неплохо поспал после того, как изрядно потаскался по салтовским грязям, замечая следы. По всей вероятности, мать или на кухне, или пошла зачем-нибудь к тетям Марусям, три женщины вечно спуют между первым и вторым этажами, туда и обратно. Несмотря на то, что Раиса Федоровна не работает, встает она рано.

Эди-бэби осторожно выходит из комнаты в коридор и прислушивается. Нет, на кухне тихо, оттуда не доносится ни звука. Тогда уже без опаски он идет в туалет, писает и только после этого направляется в кухню и умывается над раковиной. Там же, в кухне, Эди снимает с себя штаны и замывает начинающее высыхать пятно водой. Если не замывать, на черных вельветовых польских брюках останется белое пятно, Эди-бэби знает по опыту. Польские брюки кое-где разорваны и защиты самим Эди-бэби, но Эди упорно продолжает их носить, так как Ася однажды сказала ему, что в этих брюках и белой рубашке Эди-бэби очень похож на недавно умершего американского актера Джеймса Дина, и показала ему книгу с фотографиями. Действительно, этот парень-актер был очень похож на Эди-бэби, только он был старше. Прическа у Эди-бэби чуть короче, чем у Джеймса, а в остальном разительное сходство. Славный парень был, жаль, что он умер, разбился на мотоцикле. Эди-бэби спросил, в каких фильмах снимался Джеймс, но Ася с сожалением сказала, что фильмы эти в Советском Союзе не показывают, Хрущев их не купил. Хотя Хрущев купил немало американских фильмов, но они не с Джеймсом Дином.

Эди-бэби чистит брюки и думает о том, что Хрущев, может, и похож на свинью, но все-таки с Хрущевым жить веселее. С Хрущевым страна не скучает. Для салтовских ребят немаловажной заслугой "Никитки" является именно то, что он купил веселые и необычные иностранные филь-

мы, а не его кукуруза. Советские фильмы салтовской шпане смотреть неинтересно. Это понятно, — думает Эди, — никто не показывает им фильмов о настоящих путешествиях и приключениях, все советские фильмы если показывают молодежи, то молодежь эта плакатная — мудацки дисциплинированная и бодро работает на заводах и фабриках, выполняя и перевыполняя производственный план. Салтовские и тюренские и даже журавлевские ребята из своей собственной реальной жизни отлично знают, что работать на заводах и фабриках скучно, что люди работают там только потому, что им нужны деньги, чтобы жить, а всякий нормальный человек, если может, или совсем не работает и воюет, или работает, как Саня Красный, мясником, Саня и зарабатывает куда больше, и всегда приносит домой лучшее мясо.

А еще лучше, — думает Эди, — быть или азербайджанцем или грузином. У них полно денег. А почему так? — думает Эди. Почему? У русских нет денег, у украинцев нет денег, а у азербайджанцев, или грузин, или армян есть деньги. Потому, что у них богаче земля, и если они привозят в Харьков вагон мандаринов, которые растут на их земле, они увозят из Харькова несколько чемоданов денег.

Эди-бэби вспоминает слова Славки Цыгана: "... у наших предков были рабские души, потому вместо того, чтобы мужественно отвоевать себе жаркие земли вокруг Средиземноморья, где растут лимоны! они позорно бежали в эти ебанные снега!"

Ни хуя, — думает Эди. — Славка неправ. Он, Эди, прекрасно знает историю, недаром его любит Швабра, никогда грузины или армяне или даже азербайджанцы, что то же самое, что и турки, не были храбрее русских. В конце концов, мы их завоевали, — думает Эди-бэби, — а не они нас. Но почему так получается, что завоеванные, они живут во много раз лучше, чем мы — их завоевавшие? Грузины так живут, может быть, потому, что Сталин был грузин, — ду-

мают Эди. А почему азербайджанцы и армяне живут лучше русских, в сотни раз лучше салтовских ребят? Непонятно...

5

Покончив с пятном, Эди решает, что заодно ему следует выгладить свои праздничные брюки к вечеру, как-никак ему идти со Светкой к Сашке Плотникову. При воспоминании о Светке, о вечере и праздничных брюках он с ужасом понимает, что денег он до сих пор не достал. Он лезет в свою куртку и считает рубли и мелочь. 46 рублей и 75 копеек. Одна пятая той суммы, которая ему нужна.

От внезапно нахлынувшего на него отчаянья Эди ничего не хочется делать, но побродив несколько минут по пустой квартире, ни матери, ни соседей, в другое время он бы радовался одиночеству, он постепенно успокаивается. Сейчас двенадцатый час, — думает Эди, — а за Светкой он должен зайти в восемь вечера, значит у него еще есть восемь с лишним часов. За это время он что-нибудь придумает.

Для начала Эди обшаривает свою комнату, открыв шифоньер, роется в карманах мундиров и гимнастеров Вениамина Ивановича и в плаще, зимнем пальто и кофтах матери. Ему удастся обнаружить только четыре рубля, которые он присовокупляет к добытым в столовой деньгам. "Ебанный в рот!" — ругается Эди-бэби вслух, если бы не сейф, ему не пришлось бы сейчас беспокоиться и он, кроме вечера у Сашки Плотникова, смог бы поехать со Светкой несколько раз в ресторан "Театральный" в центре, где хорошая музыка и официанты пускают малолеток. Первый раз Эди побывал в "Театральном" все с тем же Саней Красным. Откуда они взяли эту идиотскую привычку хранить деньги в сейфе! Обычно оставшиеся деньги, наторгованные после ежевечернего визита инкассатора (до 6 часов работают инкассаторы, только, говорил ему Костя),

заведующие магазинами или кассиры просто прячут где-нибудь в магазине. Чаще всего кладут деньги на дно пустого или полупустого картонного ящика. Теперь же все чаще и чаще они используют ебанные сейфы.

Эди выходит в коридор, где прикрытые белой занавеской висят на стене пальто соседей — дяди Коли и его жены Лидки, майор Шепотько свои шинели в коридоре не держит, и шарит в карманах. Увы, ничего. Да и что он, в самом деле, хотел обнаружить в дядиколином пальто 200 рублей? — досадливо злится на себя Эди. Дядя Коля выпивает и да, забывает иной раз деньги в карманах, но не 200.

Переставив несколько кастрюль со своего кухонного стола на стол Шепотько, Эди-бэби расстилает на нем принесенное из комнаты старое солдатское одеяло и начинает гладить праздничные брюки. Эди-бэби двигает утюгом и думает, что же ему предпринять.

Светка тоже дура, — решает Эди. — Что ей так хочется побывать у Плотникова? Соберется компания кривляк и будут кривляться друг перед другом. Эди с ними скучно, если бы не Светка, он бы к Плотникову не пошел. Нет, не пошел бы, хотя очень возможно, что там будет и Ася. Она еще не решила.

Мать тоже хороша, — думает Эди. — С одной стороны, она хочет, чтобы Эди общался с Плотниковым и его компанией, а с другой не дала ему денег в наказание. Получается идиотское противоречие. Пойти гулять в любую другую компанию — нужно в несколько раз меньше денег, никто не скидывается по 250 рублей, кроме Сашки и его приятелей, — они пьют шампанское и коньяк, девочкам на десерт покупаются фрукты и шоколад. Аристократы хуевы! Эди морщится. Он не любит сладкое, и все мужчины, любящие шоколад, автоматически им презируются, низводятся до ранга женщин. Сашка Плотников любит шоколад.

6

Догладив брюки, Эди-бэби уже имеет план. Больше всего шансов, что деньги можно будет занять у Бори Чурилова, его нового знакомого, с Борей Эди встретился в секции борьбы. В первый же вечер тренер Арсений отдал Эди-бэби на растерзание опытному Борису, и тот вдоволь набросался непривычным к физическому унижению телом Эди. Стоящие по краям борцовского ринга ребята смеялись, Эди-бэби, вставая с мата, в бессильной ярости бросался на Бориса опять, тот легко ловил его за руку или за ногу и новым неожиданным приемом ловко швырял на мат.

Эди думал, что он не переживет унижения. И он был дико зол на тренера за то, что тот поставил его, новичка, в первый раз пришедшего на тренировку, бороться с Борисом, старше его на пять лет и имеющим второй разряд, в то время как Эди еще предстоял долгий путь даже до третьего.

Эди бы никогда не вернулся в этот мир кожаных матов, пронзительного запаха мужского пота, в мир атлетов в разноцветных борцовках, если бы не тот же Борис. После тренировки, подойдя к Эди у выхода из дома культуры строителей, коротко остриженный и тощий Борька спросил его дружественно, что резко контрастировало с безжалостным Борькой, только что ломавшим ему шею своими железными захватами:

— Тебя Эдом зовут?

— Да, — мрачно подтвердил Эди-бэби.

— Ты не расстраивайся, Эд, — сказал Борис. — У нашего Арсения своя тактика. Он всегда ставит новичка с опытным борцом, и если новичок приходит на следующее занятие, значит у него есть сила воли и он будет хорошим борцом. Большинство ребят не появляются на следующей тренировке. Но ты, конечно, придешь в следующий раз?

Эди-бэби уже решил, что никогда больше не появится

в борцовской секции дома культуры строителей, никогда больше не позволит подвергнуть себя унижению, но ему стало стыдно перед этим парнем-сталеваром, и он пришел. И не пожалел, потому что на второй тренировке Арсений вначале показал новичкам несколько несложных приемов, а потом разбил ребят на пары, причем новичков поставил с новичками, и они поборолись. В схватке с хулиганистым тюренцем Витькой Ефименко Эди-бэби получил свой первый борцовский триумф, Эди оказался очень цепким, как выразился тренер, и получил победу.

Борька Чурилов странный парень. Таких на Салтовке больше нет. И на Тюренке нет. Сестра Борьки живет на Журавлевке, Борька со своей старушкой-матерью живет на Салтовке.

Почему Борька странный? Потому, что его нельзя отнести ни к какой категории. Борька безусловно не шпана, и хотя Борька работает на одном и том же заводе "Серп и молот" сталеваром уже несколько лет, однако и нормальным пролетарием Борьку не назовешь. Разве будет нормальный пролетарий всю свою зарплату тратить на книги? Да у них хорошо, если несколько книг есть в доме. А у Борьки вся длинная и узкая, как трамвай, комната забита книгами. Скоро за книгами будет невозможно найти в комнате худого Борьку и его насмешливую, тоже худую, старушку-мать.

Почему еще Борька странный? Ну, например, Борька не пьет, как другие ребята. Хотя Эди-бэби и пьет сам, но он уважает Борьку за то, что он не пьет. Не хочет, не пьет, что, в самом деле, он обязан пить, что ли?

Отца у Борьки нет. Эди-бэби даже не знает, погиб ли Борькин отец на фронте или что другое приключилось с Борькиным отцом, Борька не рассказывает о своем отце, это его дело. Единственное, что знает Эди об Иване Чурилове, что он, как и Борька, был рабочим.

Борькина мать верит в Бога. Но в отличие от других

верующих в Бога, которых Эди-бэби привелось встретить в его жизни, Борькина мать верит в Бога весело. В самом солнечном углу их комнаты-трамвая Борькина мать держит портрет Бога, называемый икона. К Борькиной матери порой приходит агитатор, убеждая ее снять икону, но Борькина мать только смеется. Борька же, хотя сам и не верит в Бога, очень злится, что агитатор пристает к его матери, и даже обещал спустить агитатора с лестницы, если он не прекратит ходить в его отсутствие к матери.

Борька говорит, что он потомственный рабочий и что в гробу он видел агитатора. Борька очень любит свою старую и насмешливую мать, и они прекрасно живут вместе, хотя салтовские сплетницы и сплетники считают, что Борька и его мать ненормальные, что, может быть, они даже сектанты. Сплетники говорят, что это ненормально, когда взрослый парень, такой, как Борька, живет со старухой-матерью, не пьет, не курит, не ругается, не ходит на танцы и не интересуется девушками. Поэтому он, должно быть, сектант.

Идиоты! — думает Эди. Если человек не такой, как все, салтовское общество, все эти тети Маруси и дяди Саша, тотчас объявляют его или сумасшедшим, или сектантом. Но Эди знает, что Борька не сектант — он йог, у него совсем нет живота, он умеет втягивать живот до позвоночника. Борька — йог, Эди читал о йогах.

7

Эди-бэби перескакивает от Борьки к своей собственной личности. Покончив с брюками, он достает из большой сетки, вывешенной в форточку, на ноябрьский прохладный воздух, — салтовский холодильник образца 1958 года — салат-оливье в банке и, не утруждая себя тарелкой, начинает есть салат прямо из банки, так быстрее.

И его, Эди, как сказала ему Ася, все считают ненор-

мальным. "Все" — это не Кадик, и не Ася, и уж не Борька Чурилов, но даже Саня Красный считает. Почему? — размышляет Эди.

Ну, во-первых, он пишет стихи, и Саня Красный говорит, что Эди — второй Есенин. Еще несколько девочек пишут стихи в Восьмой средней школе, но Эди пишет стихи, которые запоминаются людям и нравятся им. Прошедшим летом он читал свои стихи на пляже толпе народа, и его стихи восторженно приветствовали. А после чтения к нему подошел человек с бородой и в красных плавках и спросил, можно ли его на пару слов.

Сидя в тени под грибком вместе с Эди и угощая его вином из фляжки, вино было "сухое" — хорошее вино, как у Аси в доме, бородатый человек сказал, что Эди талантливый парень и что ему нужно учиться. Человек снабдил Эди адресом харьковского поэта по имени Револют Бунчуков и сказал Эди, чтобы он обязательно пошел в поэтическую студию, которой руководит Револют Бунчуков, там его многому научат.

— Эд! Эд! — закричал Саня.

Салтовская шпана всегда приходит на пляж в количестве не менее полусотни, на случай, если нападут журавлевцы. Тогда они все расположились под кустами и разливали водку. Саня, конечно, восседал, выделяясь фигурой Геринга, в тени, на голове его была чалма из полотенца, Саня боится солнца. У него и так немецкая кожа вареного рака.

— Эд! — заорали теперь уже все ребята.

— Ты у них популярная фигура, — усмехнулся бородатый. — Свой поэт. Иди, иди, — сказал он, — не смею задерживать. Но к Бунчукову ты все-таки сходи, тебе нужно развиваться, нужны новые интеллигентные друзья. С этими, — бородатый кивнул в сторону салтовских ребят, — ты далеко не уедешь.

Эди ушел тогда, положив в плавки клочок бумаги с адресом Бунчукова, про себя осуждая бородатого и обидевшись за салтовских ребят. Мудак бородатый, салтов-

ские ребята — хорошие ребята, дружные, и куда более интересные, чем тюренцы.

Эди ест салат оливье, он любит всякую еду, в которой есть мясо, и думает: — Чего они все заладили: "Ты не такой! Ты — другой!.." И этот бородатый летом, и Ася, и Славка Цыган, и Борька Чурилов, и... самое смешное, что и капитан Зильберман говорит ему, что он особенный, не такой, как все ребята.

— Эдуард, — убеждал его капитан в последний раз, Эди сидел в его кабинете, — брось якшаться со шпаной, у них у всех одна дорога в тюрьму. И мне, признаюсь, — сказал Зильберман с серьезной решительностью, — их вовсе не жалко. Но ты, Эдуард, загубишь себя, если не остановишься. Брось воровать, я знаю, что у вас с Костей Бондаренко банда! — объявил Зильберман внезапно, посмотрев "проницательным" взором на Эди. Зильберман считал, очевидно, что его взор проницательный, на самом деле он только смешно выпучил свои коричневые глаза.

Эди-бэби ничего не сказал в ответ. Пусть поговорит Зильберман.

— Ты же умный парень, Эдуард, остановись, пока не поздно, — продолжал капитан. — Мать говорит, что ты хочешь бросить школу. Не делай этого, это самая большая глупость, последствия которой скажутся на всей твоей жизни. Окончи десять классов, и ты сможешь поступить в Литературный институт имени Горького в Москве, будешь профессиональным поэтом, способности у тебя есть, нужно только учиться.

Эди ничего не сказал, он наблюдал, как одна муха пытается выебать вторую муху, но вторая муха, очевидно, не хотела ебаться с первой мухой и все время с досадливым жужжанием улетала.

Проследив за взглядом Эди-бэби, Зильберман покачал головой и продолжал:

— Посмотри даже на меня, — сказал Зильберман, поставив свою маленькую ступню в милицейском высоком сапоге на стул и покачивая ею.

Эди-бэби посмотрел на карликового Зильбермана с улыбкой.

— Я уже пожилой человек, — продолжал Зильберман, — и тем не менее продолжаю систематически заниматься самообразованием. Вот, — показал он на пачку журналов на своем столе, — читаю польские журналы. Зачем? Интересуюсь потому что жизнью и культурой...

8

Да, — думает Эди, — не очень много общего между ханыгой Славкой Цыганом и капитаном Зильберманом, но говорят они дословно одно и то же. Эди-бэби тоже кажется, что он немножко другой, чем все салтовские ребята, вернее, ему кажется, что до драки с Юркой Обеюком он был очень другой, очень отличался от ребят. Теперь он отличается, но не так.

Конечно, — рассуждает Эди, — то, что он видит сумасшедшую Тоньку голой в своих снах, веское свидетельство в пользу того, что он сумасшедший. Очень-очень сильное свидетельство. И то, что он занимается онанизмом, тоже не назовешь нормальным явлением. Эди-бэби стыдно даже вспоминать о своих тайнах, о слеplенных пожелтевших листках календаря. Кроме этого, есть еще одна вещь, которую Эди относит в пользу довода, что он ненормальный, урод. Дело в том, что Эди-бэби никогда еще в своей жизни не ебался. Он мальчик, а не мужчина.

Никто из ребят, конечно, не знает, что он никогда не ебался, а то бы они над ним смеялись. На словах все салтовские ребята ебутся, но иногда Эди-бэби кажется, что, например, Витька Головашов тоже еще не ебался, как и он, Эди, и только стыдится признаться. Больше всех ебется в их классе Борька Хрушков, он на два года старше других ребят, и давно уже бреется. Борька пловец и чемпион области, если б не был он чемпионом, его бы давно из школы

выгнали, учится он плохо. Но девочки любят Борьку, потому что он известный, его фотографии появляются в областных газетах круглый год, а один раз его, Борьки Хрушкова, лицо напечатала даже киевская "Правда Украины".

Доев салат, Эди возвращается на веранду за своими туфлями и желтой курткой. Одеваясь, он грустно думает, что все ребята считают, что он и Светка ебутся, а они нет, они только целуются и гладят друг друга. Несколько раз Эди пробовал стащить со Светки трусики, но она упирается, боится. Светка говорит Эди-бэби, что она никогда не ебалась, а Эди-бэби скрывает от Светки, что он еще не мужчина. Впрочем, жирный Адам из Светкиного дома утверждает, что Светка давно ебется, а Эди-дурак не знает этого. Эди не верит Адаму, потому что Адам когда-то ходил со Светкой, а Светка его бросила, потому что он скучный...

Однажды Эди даже специально напоил Светку, чтобы, как говорят ребята, "трахнуть" ее. Напившаяся Светка очень блевала, лежа на кровати родителей Сашки Тищенко, у которого они тогда гуляли. Эди-бэби только и успел нагнуть ее голову с кровати к полу, чтобы Светка не заблевали постель Сашкиных родителей. Когда Светка, наконец, проблевалась, Эди-бэби пришлось принести в спальню таз с водой и вымыть заблеванный Светкой пол, потому что сама Светка не могла встать и только мычала, когда Эди-бэби ее ругал.

Вымыв пол, Эди опять выключил свет и попытался трахнуть Светку. Может быть, он бы ее и трахнул, если бы не ее трусы. На Светке были черные трусики, сидевшие на ее кукольной попке очень плотно, Светка вся как кукла, у нее и рожица кукольная, и ее щеки кукольные, и у Светки большие ресницы куклы. Иногда Светка сама смеется над собой и, опрокидываясь назад, автоматически закрывает глаза и говорит механическим голосом: "Ма-ма!" или "Уа-уа!"

Так вот, Эди-бэби тащил со Светки трусики изо всех

сил, но трусики не снимались, а когда Эди хотел просто разорвать их на Светке, то не смог этого сделать, ибо трусики были из плотной черной ткани, блестящей, как шелк, под лучом фонарного тюренского света, падающего из окна. Только провозившись с трусиками с полчаса, Эди наконец догадался их снять. Трусики просто застегивались на боку у Светки двумя пуговицами. Близорукий и неловкий Эди пуговиц не заметил.

Это ужасно, что Эди близорукий, хотя многие вещи в жизни он предпочел бы не видеть. Например, до четвертого класса, когда ему, наконец, насильно купили очки, он считал свою мать очень красивой. Но надевши очки, он не только увидел в окно группу ребят, бьющих тогдашнего его приятеля, горбатенького Толика Переворачаева у них во дворе, на снегу, но также заметил с ужасом, что на лице у его матери есть морщины и на ее коже — поры, и от увиденного Эди-бэби стало грустно-прегрустно, и он снял очки, решив одевать их только для того, чтобы читать и писать, и только дома, но не в школе.

Трусики же со Светки Эди-бэби все-таки стащил, Светка пьяно пыталась противостоять его действиям, но не очень-то и могла, у нее не было сил. Она только несколько раз сказала пьяно-сонным голосом: "Нет! Нет! Ох, нет!" и замерла уже без трусиков, платье ее из тафты Эди задрал вверх, и Светка только механически прикрыла рукой там, где у нее было отверстие, в которое Эди-бэби должен был вставить свой член.

Эди-бэби сдвинул Светкину руку и потрогал это место своей рукой. Место это, чуть припорошенное у Светки темнорыжими волосками, было горячее. Отняв руку, Эди-бэби потрогал свой член. Он был холодный.

9

Член у него тогда так и не встал. Чего только Эди-бэби с ним не делал, дергал его и тянул, пытаясь сделать свой

член твердым и сильным, но нет — член так и оставался мягкой резиновой трубкой. Эди-бэби даже вышел из спальни, правда совсем ненадолго, только на минуту, посоветоваться с Сашкой Тищенко, потому что боялся, что кто-нибудь из ребят войдет в темную комнату с белеющим на кровати телом куклы-Светки и, как знать, может быть у вошедшего член встанет на Светку.

Сашка Тищенко сказал, чтобы Эди "подрочил". Но Эди и сам знал, что нужно подергать член рукой, именно этим он и занимался последние полчаса в спальне Сашкиных родителей, отвернувшись от Светки и ее бедер и живота.

Потом Светка очнулась, а Эди-бэби стал думать о том, каким способом он покончит с собой. Потому что пережить такой позор, такое ужасное унижение его мужского достоинства он не мог.

Пока он придумывал способ, скорчившись в углу кровати у ног Светки, Светка встала, отряхнулась, повожившись за спиной Эди, надела трусики и, оправив платье, села рядом с Эди. У Эди было такое ощущение, что Светка была не совсем уж без сознания, как ему все время казалось, и от еще большего стыда он совсем спрятал свое лицо, закрыв его рукой.

— Брось, — сказала Светка. — Не получилось сегодня, получится потом. Большое дело!

— Я не хочу больше жить! — сказал Эди-бэби глухо.

— Дурак! — сказала Светка, — я тебя люблю. Ты лучше всех ребят. — И Светка поцеловала Эди в ухо, немножко неловко, она хотела в щеку, но Эди дернулся, и получилось, что в ухо.

Неизвестно, что бы произошло потом, будь они одни в квартире, может быть Эди и трахнул бы Светку, в конце концов он не верил, что он импотент, то есть тот, у кого не стоит член. Каждое утро, когда Эди просыпался, он обнаруживал, что член у него стоит, даже если ему и не снилась ночью сумасшедшая Тонька. Но тут в спальню пришли

Катька, которую все зовут почему-то "Киса", хотя она и не похожа на кошку, и Ритка, которая ходит с Гариком-морфинистом, и позвали Светку и его танцевать. И им пришлось пойти, тем более, что и до этого ребята пытались много раз выкурить их из спальни, кроватей в доме было немного, и каждому хотелось попробовать трахнуть свою девочку.

Когда Сашка Тищенко спросил Эди, трахнул ли он Светку, Эди коротко сказал — "Да". Хотя настоящий мужчина врать не должен.

10

Через час Эди-бэби уже стоит вместе с Гришкой, только что опять, в третий раз, вернувшимся из детской исправительной колонии, у грязного ручья, за сараями, в ста метрах от пятнадцатого отделения милиции, и они разговаривают об убийстве. Денег у Гришки нет, и потому все, что он может сделать для Эди-бэби, это выпить с ним бутылку биомицина и поговорить.

Гришкин покойный дед был аристократом, Гришка утверждает, что графом, и старым большевиком. На стене комнаты, где Гришка живет вместе с глухонемой матерью, висит выцветшая фотография деда в обнимку с Лениным. Если бы не эта фотография, отчаянный Гришка давно бы сидел не в колонии, а в тюрьме, и вряд ли бы из тюрьмы вылез.

Гришка человек в своем роде замечательный, хотя Эди-бэби и снисходительно считает его вырожденцем. Он дистрофически худ, высок, костлявая его рожица обильно усыпана прыщами, он курит папиросы "Беломор-Канал" и вдохновенно хватает девочек за жопу. Разговаривая, Гришка размахивает руками, плюется и орет. Голос у него при этом проходит через его крупный нос, Гришка постоянно простужен и сморкается в огромный носовой платок.

Гришка порой бьет свою глухонемую мать, когда она к нему очень уж пристаёт, чтобы он бросил воровать и учился. Учиться Гришка не хочет — он и так знает все. Эди-бэби не уверен, что Гришка знает все, но Гришка перечитал не меньше книг, чем сам Эди-бэби, может даже больше, только эти книги — другие, художественная литература, а Эди перечитал специальные книги.

Эди-бэби и Гришка отхлебывают из огнетушителя биомидин, передавая бутылку друг другу, и говорят об убийстве. Гришка заявил Эди-бэби, что уже с год у него есть забавное желание убить кого-нибудь, ему хочется попробовать, что это такое — убить человека.

— Говорят, Эд, что нож входит в тело человека, как в масло, если только не натывается на кость, — объявляет Гришка, плюясь.

— Дадут пятнадцать лет, если по малолетству, а то и расстрел, — бесстрастно замечает Эди-бэби. — Как попадешь. Шурика Боброва вон расстреляли, не посмотрели и что пьяный был.

— Ну да? — удивляется Гришка. — Он же такой тихий пацан был. Это когда ж было, наверное я в колонии сидел? — Лицо Гришки вдруг вытягивается в чихательную гримасу, и он чихает, но не просто, а растягивая намеренно первые звуки:

— А-а-а-а-а... — и заканчивая их коротким: — ...птека!

Это своеобразный салтовский шик — так вот чихать. Еще можно закончить чихание словом "аборт!", как делает Саня Красный. "А-а-а-а... борт!"

— Еще прошлой зимой, — отвечает Гришке Эди-бэби. — Напильником заточенным пырнул парня на танцах, тот его чем-то обидел, мудаком назвал, что ли. В уборной пырнул. Может, и не дали бы расстрел, но парень оказался комсомольским секретарем цеха с Турбинного завода. Недавно женился, двое детей осталось. Общественность потребовала расстрела. Не повезло Шурику! — констатирует Эди-бэби, вспоминая действительно безобиднейшее личико Шу-

рика, его блондинистый чубчик и всегда белую рубашку. Аккуратный был пацан. Слесарь.

— Нет, — говорит Гришка, — я не такой мудака, чтобы в клубе на танцах заводиться. — Он ухмыляется широким ртом. — Я мирный, — добавляет Гришка. — Я вот всю прошлую неделю спал днем, а ночами ходил по окраинам, даже на Тракторный поселок ездил, искал себе старичка. — Гришка смеется. — Нож в спину, и ваших нет.

Эди-бэби думает: "Врет Гришка или не врет? Хуй его знает, может и не врет, что пытался убить старика на безлюдной улице". Гришка достаточно сумасшедший для этого. Вся его семья сумасшедшая и вырождающаяся — так говорят в поселке. Мать его глухонемая и спекулянтка. Дядя его много лет лежал в сумасшедшем доме и был избран сумасшедшими премьер-министром. На знаменитой Сабурке (еще она называется Сабурова дача), где в свое время перебивали многие представители русской культуры, и среди них Гаршин, Врубель и Хлебников, не легко, наверное, заслужить премьер-министра, может быть не легче, чем в нормальном мире, но Гришкин дядя Слава был, очевидно, безумнее всех... Посему и Гришка ведет себя подобающим образом, так сказать, влияние семьи и наследственность. Эди-бэби помимо своей воли зауважал Гришку за его поиски истины, за желание понять себя и мир. За его мятушуюся душу.

Эди-бэби понимает, что Гришкины поиски старичка на темной улице объясняются не какими-либо меркантильными мелкими соображениями — скажем, убить жертву, ограбить ее и купить на это водки, нет, а соображениями возвышенно-философскими.

— Ну как, нашел? — спрашивает Эди-бэби Гришку возможно более бесстрастным голосом, как будто ему и дела нет до того, убил Гришка старичка или не убил.

— Га-га-га! — смеется Гришка. — Так я тебе и сказал, Эд. Разве такие вещи говорят, даже друзьям?

Эди пожимает плечами. Разумеется, такие вещи не го-

ворят никому, но Гришка первый стал пиздеть о своем желании попробовать, что такое убить человека, а теперь попытлся назад. А интересно, — думает Эди, — что же после этого чувствуешь? Может, ничего. Шурик Бобров пошел домой и лег спать после этого. Но Шурик, говорят, был до бессознания пьян.

Эди-бэби тянет биомидин из горлышка бутылки и искомса поглядывает на Гришку. Все-таки он, наверное, никого не пришил, и может быть даже не собирался, и на Тракторный поселок не ездил, выебывается только.

Гришка же загадочно улыбается и посматривает на Эди.

Эди-бэби чувствует, что Гришка в этот момент имеет над ним несомненный психологический перевес, потому чтобы скомпенсировать себя за Гришкин перевес в области трансцендентного, чтобы Гришка не загордился, что в нем "темные, непонятные ему самому силы" (его выражение) толкают его на убийство, Эди-бэби читает ему только что написанные стихи о милицейском автомобиле, в котором Эди-бэби везут в тюрьму и на расстрел:

.....

А утром начальник, стесняясь, сказал,
Что "вышку" мне дали за это.
И что через час повезут меня в зал
И там расстреляют поэта.
Что если хочу сигарет и вина,
То мне принесут их без звука,
И что мне письмо переслала "она",
Но я перебил его: "Сука!"...

Закончить Эди-бэби не успевает, потому что Гришка останавливает его, как всегда идиотским Гришкиным вопросом:

— Кто сука, начальник или Светка! — спрашивает Гришка ехидно.

— При чем здесь Светка? — говорит Эди. — Это же стихи.

— Нужно выразаться яснее, — поучительно выдавливает из себя Гришка. К эди-бэбиным сочинениям он относится скептически, считая, что Есенина Эди-бэби все равно не переплюнуть, потому и незачем заниматься глупостями. Не то, чтобы Гришка не знал о существовании других поэтов, но салтовским ребятам в их салтовской атмосфере Есенин гораздо ближе, ближе всех.

— Продолжай! — говорит Гришка.

— Не буду! — отрезает Эди. — Ну тебя на хуй, тебе что стихи, что не стихи, все равно. — И он разозленно отдает Гришке его бутылку.

— Обиделся? — спрашивает Гришка. И трогает Эди-бэби за плечо. — Не обижайся, — говорит Гришка извиняющимся тоном. — Я просто думаю, что это не самая удачная твоя вещь. Я лично люблю другие, — льстит ему Гришка. — Помнишь, эти, "про Наташу". Как там, прочти, а, Эд?

— Ни хуя не буду тебе читать, — угрюмо говорит Эди. — Мне уходить нужно, денег нужно достать, время-то не стоит, — прибавляет он чуть мягче.

— У меня есть колоссальная идея! — восклицает Гришка, хлопая себя по лбу. — Ты знаешь Вовку Золотарева, из моего подъезда, конечно? Он тебе займет денег. У него всегда деньги есть. Он на радиозаводе мастером ведь вкалывает. Идем!

Эди-бэби понимает, что Гришка чувствует себя виноватым и старается как-то искупить свою вину. Гришка парень неплохой, — думает Эди, — пиздит только много и очень ехидный.

— Пойдем, попробуем, — неохотно соглашается Эди. — Только я Вовку совсем плохо знаю. Идти занимать деньги к человеку, которого видел пару раз в жизни? — с сомнением произносит Эди.

— А ничего, я за тебя поручусь, мы же соседи с Вовкой. Только ты сразу не вываливай, что мы за деньгами

пришли, а то он думает, что все ребята с ним дружат только для того, чтобы деньги занимать. Посидим с полчаса, а потом я его спрошу.

— Хорошо, — говорит Эди. А что ему еще остается. Он уже побывал у Борьки, их никого нет дома, вместе с матерью Чурилов уехал к сестре на Журавлевку. Праздник.

11

У двери в Вовкину квартиру Гришка хитро улыбается. — Слушай! — говорит он и нажимает кнопку звонка.

Эди-бэби слушает. Вдруг откуда-то с потолка раздается суровый, усиленный репродуктором голос Вовки:

— Ты кто? — спрашивает голос.

— Я Гриша, сосед, — ухмыляется Гришка.

— Зачем пришел? — все так же сурово спрашивает голос. Теперь Эди-бэби понимает, что голос доносится из репродуктора над дверью. Репродуктор затянута металлической сеткой.

— Поговорить нужно, — важно объясняет Гришка.

— С бутылкой или без бутылки? Один или не один? — спрашивает лаконичный Вовка.

— С бутылкой, — врет Гришка, хотя огнетушитель у него в руке более чем наполовину пуст. Хорошо, если осталась половина вина, меньше наверное.

— И с приятелем, — добавляет Гришка. — С Эдом.

— Хорошо, — удовлетворенно заключает невидимый Вовка Золотарев. В репродукторе что-то шипит и клацает. — Нажми кнопку справа от двери и входи, — добавляет Вовка.

Гришка, подмигивая Эди, нажимает черную пластмассовую кнопку, и дверь открывается сама.

— Все автоматизировано! — с восхищением говорит Гришка, обращаясь к Эди. — Вовка даже дверь не ходит

открывать. Развалился себе на постели и только трубку снимает да кнопки свои жмет.

У Вовки, несмотря на всю его автоматизацию, есть одна соседка. Вовка поклялся эту соседку выжить и захватить ее комнату. Пока что Вовке принадлежит большая комната в квартире, а одна из двух маленьких принадлежит его матери. И он, и мать давят на соседку всевозможными способами, в основном травят ее Вовкиной музыкой и его образом жизни. Соседка, Вовка зовет ее "Машка", хотя ей лет сорок, вызывает милицию едва ли не два раза в неделю, благо она рядом, двор отделения милиции виден из окон квартиры, но так как Вовка не безобразничает над соседкой физически и работает, милиция ничего не может с ним сделать. Теперь милиция вообще отказывается приходить. Вовка убедил их, что Машка сумасшедшая.

Вот если бы Вовка был тунеядец, как ребята из "Голубой лошади", с ним могли бы что-нибудь сделать, например выслать его на 101-ый километр от Харькова, а так, что они могут с ним сделать? Ничего. Вовка даже не стилига, он даже и не алкоголик, хотя очень много пьет, и у него каждый вечер собирается компания.

Вовка, хотя его и зовут все не иначе как Вовец, или Вовка, совсем старый мужик, ему больше 30 лет. Но с мужиками его возраста Вовка водиться не любит. "Вовиться", — думает Эди. Он предпочитает школьников. Даже Сашка Плотников бывает у Вовки иной раз. Вовка утверждает, что со школьниками ему веселее. И спит он, и ебется с девочками возраста Эди. Галка Ковальчук из одного класса с Эди ебалась некоторое время с Вовкой, все об этом знают.

12

В своей комнате Вовка действительно лежит на постели одетый. У изголовья постели в стену самым Вовкой ма-

стерски вделан пульт с многочисленными стрелками индикаторов, кнопками, ручками и лампочками. Это пульт Управления. На Салтовке редко у кого есть телефоны, но на пульте у Вовки помещается и телефонная трубка, посредством ее Вовка говорит с посетителями за дверью. Вовка грозитя "выбить" себе и настоящий телефон, он сказал, что в милиции ему обещали, что подключат его к милицейской линии. Очень может быть, — думает Эди, — Вовка пробивной мужик, а кроме того, познакомившись через Машку с милицией, он теперь иногда работает электриком для милиции, бесплатно, разумеется, помог им оборудовать техническую комнату. Вовка понял, что с милицией нужно дружить.

Лицо у Вовки почти всегда неколебимо-суровое. Те, кто его не знают, могут подумать, что он скучный или грустный человек, или что Вовка только что проснулся и все еще помнит плохой сон. На деле ничего подобного, Вовка просто деловой, у него все рассчитано, все движения.

— Здорово! — говорит Гришка и ставит на стол свой огнетушитель. Стол у Вовки, как у всех салтовцев, стоит посередине комнаты.

Не отвечая, Вовка встает с постели, подает руку Гришке и потом Эди. Рука у него вялая-вялая. Между Вовкиной кипучей энергией и его внешним видом глубочайшая пропасть.

Опять-таки не произнося ни слова, Вовка подходит к буфету о двух стеклянных крыльях, открывает одно крыло и молча вынимает оттуда стаканчики. После этого Вовка идет в кухню и возвращается с кухни с большой тарелкой, в которой лежат соленые огурцы, кусок докторской колбасы, уже тщательно нарезанной, и кусочки черного хлеба. Поставив тарелку на стол, Вовка смотрит на Гришкин огнетушитель в раздумье, затем опять уходит на кухню и возвращается оттуда с бутылкой водки и тремя вилками. Поставив бутылку на стол, Вовка идет к своему пулту и дергает за какой-то рычаг. Из невидимых репродукторов

в комнату вливается западная музыка. Вовка не меньший специалист по западной музыке, чем даже Кадик, но только Вовка играет на гитаре, а не на саксофоне.

Когда они садятся к столу, Гришка спрашивает:

— А где Машка, Вовец?

Гришка хочет быть светским и завязать беседу.

Видно, что Гришка угодил в самую точку. Вовкино лицо, во всяком случае, заметно оживляется.

— Уебалась к своему братцу-куркулю в деревню, — говорит Вовка, разливая водку по граненым стаканам. Все его движения поразительно точны и профессиональны. Водку он разливает, почти не глядя на стаканы, но удивительно ровно. Видно, что Золотарев занимается этим всю свою жизнь.

Глядя на Вовку, Эди-бэби думает, что тот напоминает ему машину для разлива минеральной воды в бутылки, такую машину он недавно видел в документальном фильме по телевизору. Клац — налил, ... клац ... клац... следующая ... клац!

— Чтoб ее там бык выебал, — говорит Вовка.

Эди-бэби видел Машку в прошлый свой визит к Вовке. Ничего особенного — баба как баба. Здоровая, полудеревенская, дура наверное, но чтoб ее выебал бык — это уж Вовка зря. Эди-бэби представляет себе Машку с быком и, неожиданно для себя, фыркает.

— Ты чегo? — спрашивает Гришка.

— Да так, представил себе Машку с быком, — улыбаясь, отвечает Эди.

Гришка ржет, держась за свою обильно прыщавую шею возле уха. Гришка любит смеяться долго и нарочито, такая у него манера. А может быть, Гришка хочет казаться развязным или взрослым, Эди-бэби не знает. Сейчас Гришка ржет особенно долго, Эди-бэби даже неудобно перед Вовкой.

Гришка перестает смеяться, и воцаряется молчание, смягчаемое только музыкой. Гудят саксофоны, орут тру-

бы в буги-вуги. Если бы был здесь Кадик, — думает Эди, — он бы сразу сказал, что исполняет и что за вещь.

Проходит несколько минут, во время которых ребята и Вовка жуют, хрустят огурцами, скрипят стульями, прихлопывают руками по столу в такт музыке, но молчат. С Вовкой всегда так, не знаешь, что ему сказать, пока не напьешься, но когда напьешься, тогда становится куда веселее. Тогда Вовка только один из них, а они все хозяева, становится шумно, накурено, ребята смеются, рассказывают анекдоты. Если кто-нибудь из ребят привел к Вовке девочек, то некоторые танцуют. Получается как бы клуб, а Вовка — директор клуба.

— Ну, поехали, еще по одной, — предлагает Вовка и, не дожидаясь согласия ребят, опять наполняет граненые стаканчики. И опять точно, как машина.

— Ты, Вовец, можешь в филармонии работать с этим номером, — гнусавит Гришка, подхохатывая, указывая на стаканчики.

Вовка ничего не отвечает, берет свой стаканчик, поднимает его.

— Будем! — провозглашает Вовка и опрокидывает водку в свой широкий зубастый рот. Кроме некрасивого рта, Вовка имеет еще дефект — сутуловатость, и он меньше Эди-бэби ростом, но девочки, по всей вероятности, все же любят Вовку, потому что Вовка гитарист, он играет и поет. Отец Эди в свое время пытался научить его играть на гитаре, поощряя его именно обещанием, что за его гитару и песни Эди-бэби будут любить девочки. Но у Эди не оказалось ни слуха, ни голоса.

Впрочем, петь Эди любит. Когда он был поменьше, он порой пел для отца и матери, тогда еще у них были хорошие отношения. Мать с отцом садились на диван, а Эди становился у стола, держа в руке песенник, и пел. Предпочтение Эди-бэби отдавал песням народным. Любимой его песней была старинная баллада о Хаз-Булате.

Сюжет баллады не совсем обычен, построена она в

форме диалога между старым воякой-горцем Хаз-Булатом и молодым, очевидно грузинским, князем. Князь уговаривает старого Хаз-Булата отдать ему жену:

”Хаз-Булат удалой! Бедна сакля твоя,
Золотою казной я осыплю тебя!
Дам коня, дам кинжал, дам винтовку свою,
А за это за все ты отдай мне жену!
Ты уж стар, ты уж сед, ей с тобой не житье,
На заре юных лет ты погубишь ее!..”

Эди-бэби распевал со всей серьезностью, держа перед собой песенник, как оперный артист. Мать и отец же показывались со смеху. Вениамин Иванович говорил Эди, что у него прекрасный козлетон. Не бас, не баритон, но козлетон. Однако Эди, как настоящего артиста, смех почему-то не смущал. Он чувствовал основную песню своего репертуара всем сердцем и потому, исполняя ее, получал чисто эстетическое наслаждение. Хаз-Булат в конце концов убил свою прекрасную жену и презрительно отослал ее труп князю, и Эди-бэби, у которого все в жизни еще было впереди, мечтал побыть и молодым грузинским князем, который влюблен в жену Хаз-Булата, а через годы и самым удалым, иссеченным шрамами жизни Хаз-Булатом и гордо убить красавицу, отстаивая свою честь.

Где-то среди старых фотографий у матери хранится и фотография Эди-бэби, стоящего в штанишках ”под коленку”, разинувшего рот, — Эди поет. В руке Эди пухлый, карманного формата песенник.

Штанишки же под коленку относятся к стремлению семьи Эди-бэби (вся семья-то отец да мать!) быть интеллигентной семьей. Первые штанишки под коленку со шлейками были, очевидно, куплены у кого-то, кто в свое время побывал в Германии и привез их оттуда в качестве трофея. Все последующие, становившиеся все больше и больше, Эди рос, мать шила сама. Только в пятом классе Эди на-

конец избавился от штанишек под коленку, а Салтовка окончательно победила его семью. Осталась только любовь к книгам, и как следствие ее — книжный шкаф, набитый до отказа.

13

— Поиграй, Вовец! — просит Гриша после пятой водки. — Повесели душу!

Эди-бэби думает, что Гришка ведет себя с Вовкой ненатурально, стремится выглядеть старше, этаким развязным парнем, в то время как Гришка куда глубже на самом деле. Что это за "повесели душу"? — думает Эди. Если бы Гришка вздумал о чем-то попросить Эди, он бы не употребил это выражение. "Повесели душу!" Так говорят купцы в старых книгах или в ненавистных Эди пьесах Островского, которого они начали изучать в школе.

Вовка берет гитару и, как все они, гитаристы, начинает вначале тереть струны, настраивается. Отец Эди-бэби играет на гитаре лучше всех их и настраивается быстрее всех.

Настроившись, Вовка спрашивает, что спеть.

— Давай, Вовец, "Проходят дни и годы..." исполни, — возглашает Гришка. — "Любви вино", — уточняет он.

Вовка кивает, устраивается на стуле поудобнее и трогает струны.

"Проходят дни и годы, и бегут века,
Уходят и народы, и нравы их, и моды,
Но неизменно верно
Лишь одной любви вино!..."

...поет Вовка. Затем, взглянув на Гришку и Эди, кивнув им головой, чтобы они поддержали песню, он переходит к припеву:

”Любви волшебной вино
На радость людям дано,
Огнем пылает в крови
Вино любви!”

Эди-бэби и Гришка подтягивают припев, и Эди думает, что странное дело, песня эта, с довольно банальными, как поэт Эди это понимает, словами, все же всегда оказывает на него действие, ему становится грустно и радостно тоже, что проходят годы и даже века, а любовь пьянит жителей Салтовки, и Тюренки, и Харькова по-прежнему. Эди-бэби думает о Светке, о ее кукольном личике и ее тщеславии с нежностью. Милая Светка! — думает Эди, — я ее люблю.

14

Основным песенником и гитаристом, и гармонистом тоже, в жизни Эди-бэби был кудрявый и синеглазый блондин Витька Немченко. Но в сентябре за ним приехал его отец с Урала и забрал его с Тюренки, от бабки и деда, на Урал. Эди-бэби очень переживал, что Витька уехал. Он прожил на Тюренке всего два года, с Эди-бэби они дружили еще меньше, но Витька внес в жизнь Эди-бэби нечто, что не внесли ни Костя — Кот, ни Кадик, ни Саня Красный, — природу, песню, деревню, избу, своих деда и бабу.

Весной их посадили за одну парту. После уроков они выяснили, что им по пути. Обычно Витька ездил на трамвае с Викой Козыревой, Витькой Проуторовым, Сашкой Тищенко и другими тюренцами до остановки, называемой ”Электросталь”, а потом они шли пешком на свою Тюренку.

В тот день Витька пошел с Эди-бэби, чтобы мимо дома Аси выйти к автобазе и через русское кладбище пройти на Тюренку. Проходя мимо своего дома, Эди-бэби забро-

сил на веранду полевую сумку-портфель и мешочек с тапочками. В восьмой средней школе, как и в других харьковских школах, полагается, войдя в школу, сменить обувь, одеть тапочки. Выше первого этажа в грязных сапогах или ботинках не пускают. Может, это и необходимо, потому что весной и осенью вокруг Восьмой средней школы разливаются необъятные грязи, но ходить в легких тапочках унижительно для мужчины, — считает Эди. Лишая тебя каблуков и тяжелых ботинок, необходимой тяжести на ногах, тебя как бы лишают мужественности.

Избавившись от ненавистных тапочек, Эди-бэби пошел провожать Витьку.

На кладбище уже зацвели яблони, полудикий фруктовый сад представляло из себя кладбище. Ребята шли, переговариваясь, солнце уже припекало настолько, что появились мухи, шмели, бабочки и дикие пчелы. Эди даже снял свою черную вельветовую куртку, на которую по суровым школьным правилам полагается пришивать белый воротничок, и шел в одной рубашке, распахнутой на груди...

На Тюренке было тихо и очень светло, пахло свежей зеленью и старыми деревянными домами, из труб клубились почему-то разноцветные дымы. Блекло, пастельно, как на пейзажах импрессионистов, которые Эди-бэби видел в больших книгах Борьки Чурилова, выглядела расположившаяся на холмах, мирная в этот послеобеденный час Тюренка.

— Через несколько дней Пасха, — сказал Витька. — Видишь, дымы разноцветные — готовятся наши, самогон варят. Видишь тот розоватый дым, — сказал Витька, — это из груши самогон. Тетя Галя всегда из груши варит. — Витька ухмыльнулся.

Эди-бэби не очень себе представлял, что такое Пасха. Он знал, что на Пасху красят яйца, обязательно яйца, и ребята крашеными яйцами в школе стучаются. Каждый зажимает свое яйцо в ладони и норовит ударить по яйцу про-

тивника так, чтобы его яйцо разбилось, а твое осталось целое. Тогда тебе достанется его яйцо, и ты его съедаешь.

Мать Эди-бэби тоже с недавнего времени стала красить яйца. Желтые — в луковых чешуйках, фиолетовые — в растворе марганцовки, но мать Эди-бэби в Бога не верит. Семья у них синтетическая, как сказал сука классный руководитель Яков Львович, у них нет никаких корней. Яков Львович тоже не верит в Бога, разве что тайно, в еврейского, и то непохоже, он слишком высокий и здоровый, чтобы верить в Бога, но о синтетической семье он сказал с осуждением. Разве Эди виноват, что его военного отца только семь лет назад перестали переводить из города в город и что у них нет родственников, все погибли или умерли молодыми?..

— А что такое Пасха, Вить? спросил Эди смущенно.

— Ну, это день, когда Христос воскрес, после того как его на кресте распяли, — объяснил Витька.

— Воскрес? — произнес Эди недоверчиво. — Что значит — воскрес?

Эди знал все детали путешествий Ливингстона по Африке, мог с закрытыми глазами связать морские узлы любой сложности, мог наверное читать бы лекции о завоевании испанцами Мексики или государства инков, он знал, что на дело следует ходить в башмаках на резине, умел открыть почти любой замок, но о Боге Эди знал очень мало.

— Воскрес, это оживился, — сказал Витька. — Он был мертвым, а потом оживился.

— Я не люблю Бога, это скушно, — сказал Эди оправдательно. — Я никогда не был в церкви.

— А я люблю Пасху, — сказал Витька. — На Пасху тепло всегда и весело. Ты что делаешь на Пасху? — спросил он Эди.

— Ничего, — ответил Эди растерянно. — Мы не празднуем. Мать, может, пойдет к соседям, к тетям Марусям. А отец — коммунист, ему нельзя. И военный. Да и все равно он в командировке.

— Приходи к нам, — предложил Витька. — Бабка и дед верят в Бога, им можно, они не коммунисты. Будет весело. Бабка уже новую брагу поставила. Ты любишь бражку?

— Никогда не пробовал, — смутился Эди.

15

Эди-бэби пришел на Пасху к Витьке. Он даже надел белую рубашку отца с пристегивающимся воротничком и свой единственный пиджак, а в карман на всякий случай положил галстук-бабочку — подарок другого Витьки, Головашова.

К Пасхе Тюренка сделалась еще красивее. Дополнительно расцвели фруктовые деревья в тюренских маленьких садах. Большое старое яблоневое дерево перед Витькиной избой все было усыпано огромными цветами и распространяло удивительный прекрасный запах. Большую овчарку с тяжелыми лапами и внушительной пастью загнали за избу и привязали ее в огороде, но она и оттуда все слышала, и когда Эди подошел к калитке, овчарка залаяла из-за дома.

Из дома доносился запах готовящейся еды, чуть несло папиросным дымком, слышался смех и звон посуды. Открыв калитку, Эди прошел за яблоню, и навстречу ему из дома вышел Витька в голубой, как и его глаза, рубашке и черных брюках. Его короткие блондинистые кудри были аккуратно причесаны, и от Витьки пахло одеколоном.

”Кармен”, — подумал Эди, он умеет хорошо определять запахи. ”Кармен”, наверное у бабки взял.

— Здорово! — сказал Витька. — Христос Воскрес! — сказал Витька. — Давай поцелуемся! — И он потянулся к Эди.

Эди слышал об этом обычае и видел, как целовались мужики у пивной в прошлую Пасху, но целоваться Эди стесняется, ему хочется целовать только Светку. Даже матери он давно запретил себя целовать. Но делать было нечего. Осторожно он поцеловался с Витькой. Ничего особенного не произошло. Ткнулись в друг друга губами и носами и пошли в дом.

В доме Эди-бэби ожидало, по меньшей мере, еще несколько десятков христосований, гостей за столом в большой комнате оказалось неожиданно много. Некоторые христосования были совсем не неприятны Эди, например, с большой и красивой девушкой по имени Люда. По виду она была на пару лет старше Эди-бэби и Витьки. Губы у Люды были мягкие. Обойдя всех за столом, Эди был уже профессиональным целовальщиком.

После этого Витька повел его в сени показать ему бочку с брагой. Брага стояла и на столе в бутылках, но Витька хотел показать бочку. Витька снял с бочки крышку и приоткрыл покрывающую бочку марлю — на Эди пахло хмельным кисловатым и свежим запахом, бочка была полна бурой жидкости.

Деревянным ковшом Витька зачерпнул жидкость и разлил ее в граненые стаканы. Чокнувшись, они выпили.

— Смотри, — сказал Витька, — я знаю, ты хорошо пьешь, но бабкина бражка хуже водки, обманчивая. Пьешь, вроде ничего, слабенькая, но хмельная до ужаса. Здоровых мужиков сваливает.

Они вернулись в большую комнату и сели на деревянную лавку к столу, другие гости чуть потеснились, давая им место. Витька, как хозяин, поухаживал за Эди, положил Эди на тарелку домашнее, сделанное бабкой холодное, а к нему — тертого, почему-то яркочерного хрену.

— Хорошо под бражку идет, — сказал Витька. — Бабка сама готовила.

На Тюренке они, как в деревне, многое готовят и производят сами. У многих тюренцев есть свои свиньи, и

несколько раз в год на праздники они закалывают своих свиней и готовят из них колбасы. Ничего не может быть вкуснее домашне сделанной украинской колбасы, когда ее холодную, застывшую в сале, приносят из погреба и подают на стол... Тюренцы еще и подторговывают своими фруктами и овощами на базарах и живут куда лучше салтовцев, почему салтовская пролетарская голь и зовет их куркулями. Тюренцы все местные, дома их — старые-пре-старые, и в этих же домах жили их деды и бабки, они оседлые. Салтовская же голь приехала отовсюду, и из пригородных деревень, работать на заводах. В этот день на Тюренке Эди-бэби понял, что имел в виду классный руководитель Яша, когда сказал, что семья Эди не имеет корней, она синтетическая.

Корни Витьки Немченко — дед и бабка оказались очень симпатичными и еще молодыми. Дед Витьки был как бы второй Витька, только лет на сорок старше, с такими же голубыми глазами, такой же высокий и костистый, только выше. Если Витька еще вырастет, сам Эди собирался еще чуть вырасти, то будет совсем как дед подумал Эди. Дед был стеснительный, главной у них была бабка.

Ну, бабка был еще тот человек! К концу вечера, раззадорившись танцами и выпитым, даже Эди-бэби пошел с бабкой плясать, хотя никогда еще в жизни этого не делал и не знал, как это делается. Витькина маленькая бабка насильно подняла Эди с лавки, вытащила в круг, и Эди, на удивление ему самому, стал плясать!

К концу же вечера бабка вдруг исчезла на какое-то время в спальню, о чем-то предварительно пошептавшись с Витькой, который был в центре внимания в этот вечер, потому что он без усталости наяривал на своей украшенной перламутром гармошке. Гармонист на Тюренке, как в деревне, первый человек. Когда же бабка вернулась, Витька вдруг грянул "Барыню". Бабка была уже в кепке, в клетчатой рубашке и наверное Витькиных, модных, узких, только что появившихся тогда в магазинах китайских

брюках, подвернутых внизу и натянутых на заднице. Маленькая и круглая, хулиганистая бабка пошла плясать свою "Барыню" специалистом высокого класса, выделявая такие штуки, что даже выскочивший было поплясать с нею дядя Володя Житков развел руками и остановился.

"Вот это бабка!" — восхитился Эди, завидуя Витьке. У Эди сохранилась одна бабка в городе Лиски, Воронежской области, бабка Вера, но он ее никогда не видел. В тот вечер Эди захотелось увидеть свою бабку. Может, и она такая.

В конце вечера Эди-бэби стало так хорошо и весело, что он опять похристовался со всеми гостями и с теплой Людой, которая оказалась соседкой Витькиных деда и бабки. С Людой этой Эди-бэби пошел целоваться в сад, под большую яблоню, и то ли от бражки, то ли от Люды, которую он целовал, Эди-бэби, в его появившейся на свет во второй половине вечера бабочке, казалось, что яблоня пре-красно пахнет духами "Кармен".

16

После Пасхи Эди-бэби стал ходить к Витьке на Тюренку очень часто. Оказалось, что бражку бабка делает не только на праздники. Холодная, коричневая, похожая на безобидный квас и взрывчатая бражка стояла в сенях дома Немченко круглый год. Всю весну и лето Эди-бэби помнит себя, сидящего рядом с Витькой и подпевающего его гармошке. Витька также играл на гитаре и учился играть на трубе. Витька мечтал стать музыкантом в ресторане, а Эди-бэби было просто приятно петь тюренские песни, которые он узнал от Витьки. Некоторым песням было, по меньшей мере, лет пятьдесят, но почти все песни были блатные. О тюрьме, о радости выйти из тюрьмы и даже о радости опять войти в тюрьму. И о любви, конечно. Тюрьма и Любовь — вот что занимало тюренские умы и сердца.

”Прокурор затребовал расстрела нам...” — пел Витька, и у Эди сжималось сердце, он переносил всю ситуацию на себя, ему казалось, что это Косте и ему прокурор затребовал расстрела и что это он и Костя и Гришка сидят ”на скамейке в жарком нарсуде...”, где ”видно было занавес качался, слышно было, муха пролетит...”

Все детали песни, несмотря на их кажущуюся банальность, были удивительно точны. Эди приходилось не раз бывать в жарком нарсуде, он был действительно всегда жарко натоплен, даже летом, а от обилия горя, обилия родственников подсудимых, выделяемых ими эмоций, слез, воплей, обмороков, в нарсуде бывало невозможно дышать. И Эди прекрасно знал, какая страшная тишина воцаряется, когда выходит наконец судья, и все встают, и судья прокашливается, чтобы зачитать приговор.

И какой взрыв радости, когда вдруг ”15 лет!” вместо расстрела.

”Вижу, нам защитник улыбается,
Из кармана вынув пистолет,
Вижу, нам судья переменяется,
Главный обвиняет на пять лет!
Матеря от радости заплакали,
Даже улыбнулся нам конвой,
Что ж ты не пришла, голубоглазая,
И не попрощалась со мной...”

Сука, голубоглазая, — думает Эди-бэби зло, — она изменила мне. Ну ничего, — убеждает себя Эди, — я убегу с Колымы и отомщу. Отомщу! Убежал же Толик Ветров с Колымы, значит можно убежать. Приду и грозно стану в ее дверях. Ну что? — спрошу. Светка!

.....
 "Огнем пылает в крови
 Вино любви!"

— заканчивает Вовка и кладет гитару на свою автоматизированную постель.

— Охуенно исполнил, Вовец! — говорит Гришка. — Обалдительно! — Желтыми пальцами Гришка выуживает из пачки беломорину. Даже в метре от Гришки можно почуять запах табачищи, он прокурен, как старый дед.

Вовка со скучающим видом наливает еще водки. Если не знать его, то можно подумать, что ему ужасно надоели гости и он хочет, чтобы все ушли. Но на самом деле Вовка полчаса не может прожить без компании. Ему одному скучно.

— Будем! — говорит Вовка, но вдруг ставит стакан обратно на стол. Забыл музыку. Идет и включает магнитофон. Глена Миллера. Нет, убрал Миллера, не подходит Вовке Миллер в этот раз. Перемотал пленку, слышно, как шуршат кассеты, и поставил другую кассету. Гершвина поставил. Из "Вест-Сайдской истории". Про Микки-наиф, что значит — нож. "Микки-нож". Эди-бэби нравится эта вещь, может быть потому, что Микки-нож тоже шпана? Наверное. Суровый человек Микки-нож, — думает Эди, слушая музыку. Таким и должен быть мужчина. Суровым. Эди-бэби ходит с опасной бритвой именно поэтому.

— Будем! — восклицает опять Вовка. Они чокаются и выпивают. Эди-бэби толкает Гришку под столом ногой. У Вовки хорошо, но Эди пришел за деньгами. Часы, стоящие у Вовки, как и у всех уважающих себя салтовцев образца 1958 года, на телевизоре, указывают тревожно на юго-восток — полчетвертого.

Гришка прокашливается и начинает: — Вовец! Тут та-

кое дело у нас. У тебя денег нет, одолжить до... — Он смотрит на Эди-бэби.

— На неделю, — говорит Эди. Он думает, что или Саня продаст часы, или он перезаймет где-нибудь денег, у того же Борьки Чурилова, но деньги он Вовке отдаст через неделю.

— Сколько? — спрашивает Вовка. Лаконичный Вовка до ужаса. Спартанец.

— Двести, — отвечает Эди. Он тоже лаконичный.

— Нет, таких денег нету, — качает головой Вовка. — Я деньги не печатаю. Я только аванс получил, мне самому хорошо, если на праздники хватит. Вот в зарплату — пожалуйста, — добавляет Вовка.

Ребята молчат.

— Да-а! — вздыхает Гришка разочарованно. — Жаль.

— Ты, Григорий, знаешь, что я не жлоб, — произносит Вовка с достоинством. — Были бы деньги — занял бы.

Эди-бэби думает, что Вовка не жлоб. Он всегда поит ребят водкой и закуски не жалеет, а если они собираются гулять вместе по тому или иному поводу, то покупает и шампанское, и шоколад, зная, что у школьников, если они не воруют, денег мало. Откуда.

Действительность начинает казаться Эди мрачной, как вечная ночь. Он совершенно не знает, что ему предпринять. Насесть опять на мать? Сказать ей, что их ебаная система воспитания сына в умеренности (у Эди-бэби нет даже наручных часов) толкает его, Эди, на преступления, а не воспитывает в умеренности?..

Однажды от злости на родителей произошла обычная история, как и сейчас, не дали денег; Эди даже успешно подделал несколько десятков чеков в гастрономе на Сталинском проспекте, и вместе с ребятами из его класса два дня подряд ходил за ликерами, тортами, коньяком и шоколадом.

Талантливый Эди-бэби вырезал все содержание чека на подошвенной резине ножом. В пару дней. Только сум-

мы денег и порядковый номер чека проставлялись позже. Чековую же бумагу в рулоне ему принес Яшка Славуцкий, еврей из их класса, у которого мать работает в городе кассиром в магазине.

Механика этого мошенничества была несложной. Дело в том, что покупатель вначале платил деньги в кассу. Скажем, если покупатель хотел приобрести пять бутылок водки по 28 рублей 70 копеек каждая, то он шел в кассу и платил 143 рубля 50 копеек. Взамен ему давали чек, где была обозначена сумма 143.50. С чеком он шел в винно-водочный отдел и там говорил: "Пять бутылок водки, пожалуйста!", отдавал чек и получал водку. Выбранный Эди гастроном был большой, народу там всегда было много, и в винно-водочный отдел всегда стояла очередь.

Обычно кто-нибудь из ребят шел в кассу и выбивал маленький чек, грамм на сто дешевых конфет. Рубль ноль две, скажем. Затем с этим чеком он быстро выходил на улицу, и во дворе за гастрономом Эди-бэби, срочно макая свои резиновые цифры в специально подобранные чернила, ставил на свои несколько чеков с уже давно высчитанными и проставленными суммами (всегда свыше 150 рублей, чтоб не возиться) — порядковые номера. Начиная с конфетного чека, плюс еще несколько цифр на следующие, в зависимости от того, сколько ребят пришло с ним в гастроном отовариться.

В последний раз, на улице было холодно, Эди-бэби торопился, руки у него мерзли, и наверное, он почти уверен, одну из резиновых цифр он поставил кверху ногами, чего в кассовой машине быть не может, литеры намертво закреплены там, хуй их перевернешь...

Продавщица, толстая баба в очках, уже наколола чек на специальный стальной штырь за прилавком, как... Эди-бэби скорее почувствовал, чем увидел, внезапно ее взгляд задержался на чеке, и она необычайно ласковым голосом сказала:

— Ох, ликер-то у меня весь вышел, извини хлопчик.

Пойду из подсобки принесу, — и двинулась по направлению к кассе, от которой ее отделяло метров двадцать пять. Чек она почти незаметным движением сняла со штыря, но Эди, нервы которого были, естественно, напряжены, заметил легкое, почти мушиное движение рук продавщицы и, выждав несколько секунд, до момента, пока она скроется за колонной, магазин напоминал многоколонный дворец, ринулся прочь из гастронома, опрокидывая по пути ящики и людей. Ребята бежали за ним.

Они все убежали и воссоединились в полукилометре от места преступления, в сквере. Оказалось, что никто не бросил своих только что приобретенных бутылок, а получили их все, за исключением Эди-бэби, он был последним, так что все кончилось счастливо. Они даже приобрели два больших торта. Торты чуть помялись во время бегства...

Но естественно, аферу с чеками пришлось прекратить. И Эди-бэби не распространился на другие магазины, как он мечтал. Во-первых, подделывание чеков не приносило ему денег, только продукты и выпивку, во-вторых, ребята сказали ему, что теперь встревоженные мусора наверняка начнут следить за чековыми операциями и продолжать дело опасно...

Даже если бы и не было опасно, на эту операцию требуется несколько дней, — с горечью думает Эди. — К тому же Плотников и компания просили сдать деньги, а являться к ним в бабочке, под руку со Светкой в ее кринолинах, с авоськами, нагруженными бутылками, глупо. Да и все равно, что попусту мечтать, — думает Эди, — и бутылки достать невозможно.

18

Эди хочется уйти, но по мещанским правилам пролетарской Салтовки он должен еще просидеть у Вовки "для приличия" хотя бы с полчаса. Чтоб Вовка не обиделся.

Эди кажется, что Вовка не может обидеться, что Вовке все глубоко безразлично. А может, Эди ошибается. Лицо у Вовки, по крайней мере, вяло-безразличное. И серое. Темно-русые мягкие и редкие волосы Вовки распадаются посередине на ненужный пробор. Не такой, как у Эди-бэби, а неряшливый, самообразовавшийся. Губы у Вовки розовато-запекшиеся в корочку, неприятные губы. Недаром Борька Чурилов терпеть не может Вовку. Борька говорит, что Вовка оказывает на ребят плохое влияние, что он слизняк и подлец и когда-нибудь попадет в тюрьму за то, что спит с несовершеннолетними девочками, за то, что он развратник. Вовка напаивает девочек и насилует, — говорит Борька, — а если девочки не дают ему, он бьет их кулаком по печени и они теряют силы на пару минут. За пару минут Вовка успевает снять с жертвы трусы и начинает ебать жертву.

Однажды Борька даже пригрозил Золотареву, что набьет ему морду, если тот не перестанет сбивать с дороги Витьку Головашова, который может стать очень хорошим борцом, если не будет пить. Витька часто заходит к Вовке и у него напивается.

Вовка, в свою очередь, ненавидит Борьку и называет его "дрочилой". То есть Вовка подразумевает, что Борька онанист. И сектантом он его тоже называет. Разумеется, называет за глаза, потому что железное тело Борьки не оставляет сомнения в его возможности сделать Золотарева калеккой на всю жизнь, хотя Борька Чурилов миролюбивая личность.

Звонок в дверь оповещает о прибытии гостя или гостей.

— Кто ты? — спрашивает Вовка в трубку, плюхнувшись на диван.

— Ольга! — шипит трубка. — И Мушка со мной.

У Ольги и Мушки Вовка не спрашивает о бутылке. "Нажми кнопку", — говорит Вовка. Через некоторое время в дверь вваливаются две девочки. Мушку Эди не раз ви-

дел и еще больше о ней слышал, хотя они и незнакомы. Да и кто о ней не слышал? Мушка — блядь салтовских летописей. Ивановские ребята, включая толстенького Витьку Фоменко, даже его, ебли ее несколько раз "хором" — то есть, выстроившись в очередь. Чтобы добиться этого, нужно вылить в Мушку поллитру водки, и тогда она охотно раздевается и раздвигает ноги сама, — говорят ребята. Ольга, большая, выше Эди, девушка из его школы, но классом старше. У Ольги белое, грустное лицо, ребята считают ее красивой, но не Эди.

Мушка в мужской кепке, из-под которой выбиваются выжженные перекисью до песочной желтости волосы. На ней черное, наверное мужское тоже, драповое пальто едва не до полу. На ногах — "шпильки", на металлическом каблуке. Мушкины шпильки надеты на белые носки, достигающие ей до лодыжек. Выше, несмотря на ноябрь, — голые ноги. У Мушки, — думает Эди, — довольно миленькая рожа, хотя и точно блядская, но миленькая. Мушка, сняв пальто, остается в черном бархатном платье с открытыми плечами. Платье стянуто в талии белым пластиковым ремешком, а на шее у Мушки белые бусы. Очевидно, она нарочито оделась в черно-белом стиле, — думает Эди. Смешно только.

— Здравствуйте, чуваки! — возглашает развязная Мушка.

Галантный Гришка давно встал и крутится вокруг девочек.

— О, вы же знаете, Мушка, я ваш давнишний поклонник! — говорит галантный Гришка хриплым голосом выроденца и на "вы". Так, наверное, обращается к дамам его дядя — экс-президент Сабурки. Гришке явно нравится Мушка.

Эди ловит себя на том, что он тоже обращает все свое внимание на блядь Мушку и едва заметил хмурую и красивую Ольгу, затянутую в шерстяное темнозеленое платье. Наверное потому, что Мушка веселая, — думает Эди.

Мушка, наконец, снимает свою мужскую кепку, и ее выжженная челка падает ей на лоб. Исчезнувший в кухню Вовка возвращается с новой бутылкой водки и уже не с тарелкой, а с целым пластиковым подносом, уставленным закусками.

Поднос Вовка определенно спиздил в милицейской столовой, — мимоходом констатирует Эди. Эди-бэби успевает заметить также, что Вовка переоделся, снял домашние тапочки и одел черные туфли на каблуке.

— Сейчас я мамашу мобилизовал, она сделает горячую закусочку. А пока закусим, чем Бог послал, — объявляет заметно оживившийся Вовка.

Очень заметно оживившийся. Куда девалась его вялость и сонность. Вовка наполняет стаканы водкой в очередной раз, но уже не с монстровидным равнодушием, а улыбаясь, как гостеприимный, радующийся своим гостям хозяин.

Гришка вскакивает со стула и, встав в позу гусарского поручика, даже щелкнув каблуками при этом, открывает рот:

— Позвольте мне выпить за наших прекрасных дам! — выпаливает Гришка на удивление звонко.

Мушка кокетливо улыбается сиреневым ртом. Говорят, она и в рот берет, думает Эди, поглядывая на Мушкин рот. Берет хуй в рот и сосет. Это называется минет. Эди знает, ему Славка Цыган рассказывал о минете. Славка большой любитель минета. Лучше всего минет делают прибалтийские девушки, знает Эди от Славки, потому что они очень западные, а не такие деревенские, как наши русские или украинки. У прибалтийских девушек и трусики другие, — говорил Эди Славка. — Они носят маленькие трусики, а не большие и уродливые сиреневые или голубые толстые штаны, в которых задерживается вонь и всякая гадость от тела, как харьковские, — сказал, морщась, Славка.

Эди разглядывает Мушку, пытаясь понять, как такое нежное с виду существо может ебаться хором с десятком

ивановских хулиганов, сосать всем десяти хуи, в том числе и толстенькому Витьке Фоменко? Вид у Мушки наглый, конечно, но она худенькая, и ей даже нет еще пятнадцати лет. Эди слышал об одном из последних Мушкиных подвигов — она залезла в мужское общежитие через окно и провела в общежитии несколько дней, переходя из комнаты в комнату и ебась с четырьмя мужиками в одной комнате, потом с четырьмя в другой, в общежитиях живут по четыре человека в комнате. Говорят, что Мушка сделала это на спор и чтобы досадить Витьке Крюкову, который в нее влюблен. У Витьки золотые фиксы, и человек он, как все считают, страшный и одинокий, ребята его боятся, но не Мушка. Мушка вертит им, как хочет.

Мушка замечает, что Эди смотрит на нее слишком пристально.

— Купить хочешь? спрашивает она, улыбаясь и кокетливо прижимаясь щекой к плечу. — Я дорогая, — продолжает Мушка, и горделиво демонстрирует Эди профиль.

Эди-бэби как раз слышал, что она дешевая, но Мушке он об этом не говорит, он только улыбается. Он не знает, что сказать. С девочками он стеснительный. Не с Асей, Ася — друг, а вот с такими.

— У него нет денег, — вставляет вдруг Вовка. — Занимать деньги пришел.

Ну и сука Вовка! — изумляется Эди. По неписанному салтовскому кодексу этого не полагается говорить. За такие речи можно и по роже схлопотать, и очень серьезно. Некоторое время Эди не знает, что ему предпринять, но поймав просительный взгляд насторожившегося Гришки, решает проглотить обиду. Не полагается перед девочками позорить парня, говоря, что у него нет денег. Это обида.

— А я знаю твою Светку, — вдруг говорит Мушка. — Мы когда-то вместе в 136-й школе учились. Даже дружили.

Эди искренне удивляется. Светка никогда не говори-

ла ему, что она знакома с Мушкой. Вообще Эди-бэби как-то даже и не думал, что Мушка когда-либо училась в школе, ходила в форменном платье и переднике...

— Да? — только и выдавливают из себя Эди. Если бы он мог краснеть, он бы наверное покраснел.

— А ты хорошенький! — вдруг говорит Мушка через стол. — Только волосики должны быть длиннее, — прибавляет она, смеясь. — Что это у тебя за солдатская стрижка?

Эди еще больше смущается. — Не солдатская, — говорит он, — у меня же пробор, а польская. Меня Вацлав стрижет, а он очень хороший парикмахер, — оправдывается Эди.

— Ну, как у приказчика, — бросает Мушка. — Приказчики до революции носили проборы. Тебе "кок" очень пойдет, — продолжает Мушка, склонив голову набок и бесцеремонно разглядывая Эди. — Как у Элвиса кок. У тебя такой же тип лица. — Мушка замолкает и, многозначительно улыбаясь, смотрит на Эди. И трется щекой о свое плечо.

— Неужели я ей нравлюсь? — думает Эди испуганно. — Вот блядь! — думает он. — Вот сука! — Ему стыдно признаться, что Мушка ему ужасно нравится сейчас, с ее челкой, с ее открытыми маленькими тонкими плечиками, в черном взрослом платье...

— Дернем? — поворачивается Эди к Гришке, о чем-то беседующему с Ольгой. Ольга живет недалеко у речки, в бараке. Она бедная, у нее только старая мать и еще две младших сестры. Живет она именно в том бараке, где и Славка Панов со своим дедом. Эди знает, что Ольга собирается как можно скорее выйти замуж, чтобы уехать из измучившей ее барачной жизни, у нее даже есть уже взрослый жених, намного старше Ольги. Лысый.

— Дернем! — с готовностью отзывается Гришка. Они наливают по половине стакана и пьют, не дожидаясь Вовки, который пошел танцевать с Мушкой. Эди видит, как узкая спина Мушки кокетливо извивается в Вовкиных руках. Спина у Мушкиного платья, оказывается, тоже откры-

та, и Эди-бэби видны два красноватых, чуть припудренных прыщика на Мушкиной спине. Почему-то глядя на эти прыщики, Эди понимает, что Мушка, да, может ебаться "хором" и причмокивая, сосать хуй даже у Витьки Фоменко. Почему-то смотреть на Мушку и Вовку, который время от времени мелко целует Мушкину шею своими запекшимися розовыми с корочкой губами, Эди неприятно.

— Ну, я пойду! — объявляет он. — Попытаю счастья в другом месте. — Наспех прощаясь, Эди хочет ускользнуть от прощания с Мушкой, но заметив, что Эди встал и натягивает куртку, Мушка тащит Вовку к Эди.

— Уходим, солдатик? — спрашивает она сладким голосом.

— Уходим, — подтверждает Эди. — Пока!

Мушка, наглая Мушка, сует Эди-бэби свою руку, согнув ее в кисти как бы для поцелуя.

"Не буду!" — мысленно сопротивляется Эди, но помимо своей воли целует протянутую Мушкину руку. От руки, впрочем, пахнет приятно, какими-то цветочными духами.

— Пока, — прощается и Вовка. — Извини.

Гришка хлопает Эди по плечу. — Пока, старик! Заходи завтра.

Ольга машет Эди от стола рукою, она, очевидно, и сейчас думает о том моменте, когда она выйдет замуж за лысого и покинет, наконец, свой барак. Лицо у нее рассеянное.

19

На улице стемнело, и опять падает полудождь, полуснег, еле-еле, но падает. Настроение у Эди паскудное. Что он скажет Светке в восемь часов, он не знает. Со стыда можно сгореть с этими деньгами. Сука мать! У них же есть деньги, что ей стоит дать ему эти 250 рублей, и все наладит-

ся. В конце концов, всем ребятам родители дают деньги три раза в году — на Майские, Новый год и Октябрьские. Это традиция. Самые бедные рабочие дают своим детям-подроскам деньги, чтобы быть "как все", не хуже других, чтоб их ребенок мог собраться в праздничный вечер с друзьями — выпить, потанцевать под радиолу или магнитофон. Его отец офицер, он получает денег вдвое больше, чем рабочие, и из-за их ебанных принципов только страдает Эди.

Поеживаясь, Эди идет по опустевшей на второй день праздника Материалистической улице и, вопреки себе самому, ругается вслух. "Мы хотим, чтобы ты вырос честным человеком!" — передразнивает он отца. "Я хочу, чтобы ты был, как твой папа! Он никогда не присвоил чужого и не использовал служебное положение в личных целях!" — передразнивает он материн голос.

Хуя! Не хочу быть, как папа! — кричит Эди, потом оглядывается. Нет, никого нет вокруг. — Честным человеком, да, хотите, чтоб я был? — продолжает он вслух. — Так дайте мне эти несчастные деньги и не заставляйте меня лезть в столовую, рискуя пятью годами. Вон Сашка Ляхович — вот он не ворует, потому что мать и приемный отец не только дают ему деньги, но и позволяют ему приводить домой всех друзей, каких он хочет, и девочек тоже, и даже оставлять девочек на ночь, если он хочет. Вот это родители! Поэтому Сашка не шпана!.. Ох, блядь! — заканчивает Эди ругательством свою тираду.

Эди решает пройти мимо окон Борьки Чурилова, может, окна светятся, может, Борька вернулся домой с Журавлевки. В Борькином дворе, при лампе, закутавшись в пальто, за деревянным столом под грибком-навесом сидят доминошники и играют.

Этим мудакам, — думает Эди с презрением, — что дождь, что снег, им лишь бы стучать бессмысленно костями домино. Приходят с завода, пожрут и во двор, за домино. Играют при лампе до поздней ночи. Во всех дворах на

Салтовке сидят свои доминошники, везде, или почти везде светятся лампы. Борька смеется над доминошниками, Эди-бэби их презирает. Он вообще презирает всех рабочих, кроме Борьки. Он знает, что рабочие самые неинтересные и остальные люди. Репатрианты интересные. Ася интересная. Ее семья. Их сосед, другой репатриант, Виктор Аполлонович — интересный, хотя и сумасшедший, наверное. Даже зимой бородатый Виктор Аполлонович ходит без пальто, во фраке, в бабочке и в котелке — по салтовским снежным улицам — призраком из сказки братьев Гримм... Даже Катька Муравьева интересная, — думает Эди, — она, как рассказывала Ася, стрелялась, хотела покончить с собой. Правда, Катька почему-то попала себе в ногу, потому она и хроמת, но хотя бы стрелялась. Пролетарии нет, они не стреляются.

Презрение Эди странным образом не распространяется на время от времени работающую шпану. Шпана устраивается на работу только под нажимом милиции, удерживается на каждой работе недолго и только и смотрит, как бы сбежать. Как правило, зимой шпана работает охотнее, чем летом. С первыми лучами солнца в сердца шпаны вселяется беспокойство. "Погода шепчет — бери расчет!" — гласит салтовская поговорка, и шпана дружно увольняется с заводов в апреле.

Никогда не буду работать! — шепчет злой Эди-бэби, проходя мимо доминошников, и, завернув за угол, безнадежно видит, что Борькины окна темны.

Эди ничего больше не остается, как отправиться домой и попытаться как-то выжать деньги из матери. А в шесть часов к нему должен придти Кадик. Может, Кадик, который умеет разговаривать с Раисой Федоровной, поможет упросить ее дать Эди денег? Слабая, но надежда вспыхивает в Эди, и он, поживаясь от внезапно почувствованной сырости, направляется в сторону своего дома, к Салтовскому шоссе.

Диктатура взрослых, — думает Эди, шагая по темным салтовским улицам, он знает наизусть каждый камень и каждое дерево в округе. — Диктатура взрослых и диктатура пролетариата.

Эди считает, что взрослые занимаются полнейшей хуйней, что они со значительным видом делают то, чего, может быть, и не нужно делать. Например, работой они прикрывают собственную слабость. Эди-бэби знает, как на самом деле не любят работать их соседи по дому номер 22 на Первой Поперечной улице. Дядя Саша Чепига так любит болеть и очень радуется, когда не нужно идти на работу. Он тогда играет со своим Витькой и горбатеньким Толиком в футбол возле дома и может играть целый день, даже от водки может отказаться ради того, чтобы поводить мяч.

Глядя рано утром, как невыспавшиеся салтовские жители идут к семи утра грустной вереницей, со злыми лицами на свои заводы, нельзя сделать никакого иного вывода, вывод может быть только один — салтовские жители ненавидят свои фабрики и заводы. Веселеют они только два раза в месяц — в дни аванса и получки.

В этом году Эди-бэби начал учить новый предмет "Конституция СССР". Учить конституцию скучно и противно. Запоминать громоздкую бюрократию первого в мире советского государства Эди-бэби не хочется. Но как мальчик с головой, Эди время от времени думает по поводу Конституции. Особенно поразило его то, что, например, восьмичасовой рабочий день считается одним из самых значительных достижений Октябрьской революции. До революции, оказывается, рабочие работали по 10, 12, и даже 14 часов в сутки. Ни хуя себе! — думает Эди. — Каким же нужно быть рабом, чтобы согласиться работать 12 часов в сутки!

Однако начитанный Эди знает, что примитивные

племена Новой Гвинеи, где столько лет провел исследователь Миклухо-Маклай, и еще Австралии, Африки и Океании работают — охотятся, собирают фрукты и корни в среднем всего *три* часа в сутки! Кой же хуй! — думает Эди. — Получается обман. Эди предпочел бы жить в примитивных условиях, лишь бы работать на пять часов в сутки меньше, раз уж совсем не работать нельзя.

Отец Эди-бэби тоже не любит свою военную службу. И мать не любит отцовскую работу, она иногда в запальчивости утверждает, что жизнь их семьи разрушена отцовской службой, что Эди-бэби и мать совсем не видят отца. С другой стороны, отец, разозлившись на материны причитания, резонно замечает, что как же они будут жить, что есть и во что одеваться, если ненавистная матери военная служба вдруг исчезнет из их жизни.

Эди же иногда мечтает, что семья их живет по-другому — в деревне и отец его пашет землю в белой рубашке. Эди видел такого отца в венгерском фильме. В мечтах у отца и матери и Эди-бэби есть дом, похожий на тот, который есть у Витькиных деда и бабки, только больше. Но в мечтах Эди и семья их больше, кроме Эди есть еще Ася, и Кадик, и Витька — другие дети. И Витькины дед и бабка — его, Эди-бэби, дед и бабка в мечтах. И у всех у них много цветущих яблонь вокруг, и лошади, и ружья, чтобы себя защитить. Эди не хочет, чтобы милиция его защищала, он защитит себя сам.

И почти все время семья Эди-бэби одета в белое. Никто из членов семьи не хочет носить темные тряпки. И у каждого ребенка есть своя отдельная комната. Наконец, у Эди-бэби есть место разложить свои выписки, тетради, книги и повесить географические карты. Сейчас все это лежит кучей в неработающей ванной комнате, но так как вскоре строители обещали пустить горячую воду, то может быть, придется перенести пожитки Эди в подвал под домом 22, где у них, как у всех жителей дома, хранятся мешки с картошкой, а раньше, до газа, хранились дрова и уголь.

Взрослые серьезно играют в игру, в которую половина, а может быть, и никто из них не верит, — Эди-бэби в этом убежден. Эди-бэби отлично знает, кто такой его отец, и знает, как он слаб, а взгляни на отца со стороны, когда он в мундире и с колодками медалей и орденов, в фуражке, сапогах и галифе идет по улице, — о, тогда отец само воплощение силы и власти! А сам квартиры не может добиться у начальства!

Слушая по телевизору и разглядывая лица руководителей Украины и Советского Союза, Эди-бэби удивлен, что они такие примитивные и говорят с таким деревенским акцентом. До 1953, когда у них появился телевизор в доме, один из первых телевизоров в Харькове, Эди не видел руководителей своей страны двигающимися и говорящими. Теперь он видит и потрясен. — Почему Хрущев такой деревенский и выглядит, как украинский боров? — думает он. Что же, нету у них в стране людей покрасивее и позначительней? Местные их руководители, с которыми Эди сталкивается в его жизни, — директор школы, начальник милиции, все они кажутся Эди ужасными, грубыми и провинциальными фашистами, издевающимися над детьми и подростками. Кого бы Эди хотел видеть на их месте, он не совсем ясно себе представляет, но кого-то лучше по качеству. Мать и отец Эди гордятся своим чистым русским языком, как же Эди, которому тоже внедрился в сознание чистый русский язык, может уважать бэкающего и мэкающего и говорящего по бумажке на экране телевизора жирного и некрасиво одетого человека?

Есть у Эди тетрадь, в которую он выписывает должности и имена. Эту тетрадь никто не видел, Эди прячет ее вместе с романом, который он недавно начал писать, в подвале, в деревянном ящике под картошкой. Если кто-нибудь увидит эту тетрадь, Эди-бэби наступит конец и, может быть, его отец повезет его на Колыму или на расстрел. Потому что в той тетради — имена и должности членов Политического Бюро Партии, генералов и министров и

секретарей обкомов, которых нужно убрать. Ликвидировать. Эди-бэби считает, что у власти в стране должна быть шпана. В Советском Союзе должна быть диктатура шпаны, а не пролетариата. Ведь шпана по праву куда более развитая, ловкая и умная, чем пролетариат. Любой пролетарий отпрянет перед ножом шпаны. Шпана всегда побеждает пролетария.

О своей идее Эди-бэби хочет поговорить с Саней Красным. Хочет, но оттягивает. Он собирается сделать это после того, как их банда ограбит богатого дядю Лешу, чтобы выглядеть в глазах Сани значительнее, а не как малолетка.

Эди-бэби убежден, что если ликвидировать главных людей в государстве, то в стране начнется хаос, во время которого власть сможет захватить хорошо сплоченная банда людей. Может быть, Костина банда. Конечно, не сейчас, лет через двадцать. И ликвидировать их — руководителей — следует всех в один день.

Ничего невозможного в своей идее Эди-бэби не видит. У большевиков и Ленина тоже была совсем маленькая банда в 1917 году. Однако они взяли власть. Костя, единственный человек, которому Эди сказал о своем красном списке, красном, потому что список Эди написал красными чернилами, сказал, что Эди сумасшедший. Однако со временем Эди рассчитывает все же убедить Костю, может быть когда они станут взрослыми. "Почему я сумасшедший? — спросил Эди. — Ведь жили же и Александр Великий, и Цезарь, и Наполеон? А совсем недавно были Гитлер и Геринг, похожий на Саню Красного? Не всегда же были только тысячи скушных и похожих друг на друга дядей Вась вокруг, и дядей Толь, и дядей Саш, и дядей Иванов? Ведь Гитлер был великий человек, Костя, хотя и наш враг, Костя, ты согласен? — сказал Эди.

Костя сказал, что Гитлер да, был великий человек, и он, Костя, лично любит СС, особенно их черную форму, но нужно быть сумасшедшим, чтобы на Салтовке планировать такие вещи. И еще он приказал Эди, как атаман, никому

больше о своем красном списке не говорить, а выбросить его как можно скорее, пока кто-нибудь не заложил Эди-бэби.

Эди не выбросил список, потому что он долгое время выписывал фамилии из газет и книг и классифицировал их, как он привык классифицировать все свои знания. Жалко работы. Он только перенес список из тайника на веранде в подвал.

21

У двери в его подъезд стоит горбатенький Толик Перворачаев, и не обойти его, не объехать. Когда-то они были с Эди друзьями. Теперь Эди вырос, стал взрослым, пусть и не совсем, а Толик так и остался маленьким, горб не дает ему расти, хотя Толик и на год старше Эди.

— Здорово, Толик, как жизнь? — несколько более развязно, чем это необходимо, спрашивает его Эди, чувствуя, однако, что он фальшивит. Какая может быть у человека жизнь, если человеку 16, а он горбат и в нем всего 1 метр 51 сантиметр росту? Хуевая только может быть жизнь у Толика, Эди-бэби противен его собственный мудачески-бодрый голос, которым он говорит с Толиком.

— Да ничего, — смущенно отвечает Толик. — Вот новую картинку нарисовал. Чапаев тонет в реке Урал. Хочешь посмотреть?

Эди не очень хочет посмотреть. Толик рисует только Чапаева, иногда последнюю войну, немцев и наших, но в основном Чапаева, и Эди видел уже сотни его картинок акварелью и цветными карандашами — Чапаев всегда в черной казачьей бурке и с усами. Цвета на картинках Толика очень яркие, даже глаза режет. Мать Эди говорит, что из-за своего горба Толик умственно отсталый и психология у него, как у ребенка, а половое развитие Толика нормальное, потому он хочет женщину, а как он может достать

женщину, если он горбатенький? Потому Толик из мягкого горбатенького мальчика становится злым фыркающим горбуном и даже, это сказала под большим секретом дяди-сашина тетя Маруся, соседка Переворачаевых, пристаёт к своим сестрам, Любке и ребенку-Надьке, как к женщинам.

На Эди-бэби злость Толика не распространяется. В свое время, в детстве, вместе с Эди-бэби они изготовили немало самодельных машин, и даже несколько самокатов на подшипниках. А когда Эди-бэби болел воспалением легких и лежал с температурой 39 градусов, никто иной, как горбатенький Толик, сидел у его постели и терпеливо чиему, Эди, книгу о путешествиях, чтобы отвлечь его от температуры.

Эди-бэби не хочется обидеть Толика, но еще больше ему не хочется идти в противно-жаркую, почти влажную атмосферу комнаты Переворачаевых, здороваться с угрюмым печником и Черной — матерью Толика, садиться на вонючее байковое одеяло и разглядывать еще одного Чапаева, высунувшего руку из волны.

— С удовольствием бы, Толь, — говорит Эди, — но меня дома приятель ждет. Завтра, хорошо? — обещает Эди, полный ненависти к самому себе.

— Ну ладно, завтра, — соглашается желтолицый, скорее зеленолицый Толик, наверное зная или предчувствуя, что и завтра у его бывшего приятеля не будет для него времени.

Эди пробегает мимо посторонившегося горбунка и у себя на этаже облегченно вздыхает. Прорвался.

Матери дома нет. И даже нет записки на кухонном столе. Обычно Эди и Раиса Федоровна обмениваются записками. Отсутствие записки всегда безошибочно указывает на то, что мать обижена на Эди за что-нибудь. За что сейчас? — пытается понять Эди. Однако он не может определить вот так, сразу, что он сделал, или напротив — не сделал, чтобы заслужить неудовольствие матери.

Ровно в шесть часов, как и обещал вчера, появляется Кадик. Он в очень хорошем настроении, он, впрочем, редко бывает в плохом настроении. Кадик личность жизнелюбивая.

— Ой, чувак, что вчера было! — объявляет он прямо с порога, — ты себе представить не можешь!

”Можешь себе представить?” или ”Не можешь себе представить...” — любимые выражения Кадика.

— Людка Шепеленко боралась с Жоржем! Ты помнишь Жоржа, Эди? Людка боралась с ним на столе! — восторженно выпаливает Кадик. — Ох, и отрывная чувиха!

Эди прерывает его восторги: — Я не достал денег, — сообщает он мрачно. — Не знаю, что я буду делать...

У Кадика меняется выражение лица. Эди знает, что он бы рад ему помочь, но никак не может. Как? У него самого нет денег. Порой Кадик зарабатывает хорошие баблишки пластинками, но вот уже с месяц как ”пластов”, как он их называет, ему не привозят из Прибалтики.

— Хуево, чувак, — говорит Кадик осторожно.

— Давай выпьем, — предлагает Эди озабоченно и приносит с холодной веранды бутылку портвейна. Обычно в доме нет выпивки, отец не пьет совсем, его рвет от алкоголя. Для гостей тоже вина не держат, не хотят баловать Эди. Когда гости приходят, мать идет в магазин за вином. Но сейчас праздник.

— А похавать ничего нет? — спрашивает Кадик. — Я прямо от Юджина привалил, дома еще не был.

С кухни Эди приносит несколько холодных котлет, хлеба, пару вареных яиц и тарелку с холодными же, слипшимися вместе пельменями. Эди ставит все это на письменный стол, пододвигает Кадикую стул, а сам взгромождается на край стола.

— С праздником тебя, — говорит он Кадикую, и они чокаются стаканами.

Холодный желтый напиток почему-то ошпаривает горло Эди, как кипятком.

— Ух, хорошо пошел портвешок! — вздрагивает Кадик и цепляет вилкой котлету. — У-у! — произносит он с наслаждением, проглотив первый кусок. — Твоя маханша куда лучше готовит, умеет готовить, не то, что моя идиотка!

Дурак Кадик, не понимает, какая у него мать хорошая, — думает Эди. Да если ее Колечке нужны деньги, почтальонша сквозь землю провалится, а достанет ему денег. Может, именно потому, что она всегда готова помочь Кольке, Кадик ее и не замечает. Вслух же Эди только и говорит:

— Ну чего зря пиздишь, мать твоя прекрасно готовит.

— А-а! — машет руками Кадик, рот у него набит котлетой. — Маханша готовит, как крестьянка. Намешает всего, так свиньям в деревне готовят.

Эди думает, что Кадик явно стыдится своей матери-почтальонши только потому, что она почтальонша, и что наверное он так хорошо сошелся с его матерью, так они друг другу нравятся, что его мечта — иметь respectable родителей. Офицер Вениамин Иванович и начитанная Раиса Федоровна Кадика вполне бы устроили.

— Давай поменяемся, — предлагает ему Эди, наливая опять портвейну в опустевшие стаканы. — Если бы у меня была такая мать, как у тебя, у меня сейчас лежали бы вот тут в кармане 250 рублей. А так, что я вот должен делать? — с горечью заключает Эди.

— Ну, чувак, — заявляет Кадик уже даже и раздраженно. — Ну, скажи ты своей Светке, что не достал денег. Пойдите просто в кино, а потом можете или ко мне придти, музыку послушать, я маханшу выгоню к соседям, или вон к Вовке Золотареву можно пойти потанцевать и выпить. Что ты с ней носишься, со Светкой, — говорит Кадик. — Клевая чувиха поймет, что у чувака нет денег, что чувак сейчас на мели, и подождет. Праздник будет в другой раз. Всякое бывает, — говорит Кадик рассудительно.

Эди молчит. Откуда Кадиду знать, что он очень бо-

ится потерять Светку. Как настоящий салтовский подросток, Эди не может ему сказать, что он любит Светку до ужаса, что он не трахал ее еще ни разу и что он боится, что если он не будет водить Светку к Сашке Плотникову и вообще развлекать, Светка будет "ходить" с Шуриком. Хотя она и убеждает Эди, что Шурик такой же ее приятель, как например Ася — приятельница его, Эди, честно говоря, Эди не очень верит Светке. Он видел, как Шурик порой смотрит на Светку. Откуда Кадику знать, как это тяжело, когда такой вот Шурик есть рядом со Светкой. К тому же он старше Эди, работает, и у него есть деньги. И главное, главное в этой стыдной тайне, что Эди не трахается со Светкой, а значит, они не совсем связаны и она, Светка, ничего собственно Эди не должна. Если б они трахались, Эди мог бы запретить ей встречаться с Шуриком, потому что он, Эди, этого не хочет. Эди не может объяснить все это Кадику, потому что Эди вырос на Салтовке, где подросток должен быть мужчиной. А Эди даже плакал втихаря несколько раз, когда ссорился со Светкой. Никто, конечно, этого не знает.

— Ну, что будем делать? — спрашивает Кадик.

— Хуй его знает, — отвечает Эди задумчиво.

— Поедем лучше к "Победе", — говорит Кадик. — Почитаешь стихи, чувак, я уверен, что выиграешь приз, а?

— А как же Светка? — спрашивает Эди неуверенно.

— Возьмем и Светку, — решает Кадик. — Ей будет приятно, что ее чувак при тысячах народу выиграл приз за лучшие стихи. Девочки это любят, — говорит Кадик воодушевленно. — Свет, микрофоны — а на эстраде ее чувак! О-о-о! — тянет Кадик. — Ты сразу подымешься в ее глазах.

А что, — думает Эди. — Может, он и прав, Кадик. Что Светка тщеславна, в этом сомнений у него нет. Может быть, это и неплохая идея. А денег, он скажет, не доста^т, ну не достал, и все тут. Бывает.

— Хорошо, — говорит он. — Пойдем к "Победе". Который час, наш ебанный будильник остановился? — спрашивает он Кадика.

— Полседьмого, — сообщает Кадик. — Только полседьмого, а поэтический конкурс объявили в восемь. — Кадик подходит к двери на веранду, открывает ее и всматривается в темноту. — Вот, — говорит он удовлетворенно, — и погода наладилась. Сухо, ни дождя, ни снега, значит, конкурс точно состоится. Времени — вагон, и Светку успею взять. Одевайся, — говорит Кадик.

Эди-бэби одевается не так, как он оделся бы к Сашке Плотникову, но все же одевает свои праздничные туфли, предварительно завернув голую ногу в газету, а потом уже натянув носок. Газеты — испытанный способ. Заворачивать ноги в газеты, чтоб не мерзли, научил его Славка Цыган, когда прошлой зимой в жестокие морозы они ходили на танцы в легких туфлях на коже.

Эди надевает также свои праздничные, очень узкие брюки, белую рубашку, сверху натягивает куртку с капюшоном, а бабочку сует в карман, на всякий случай. Может быть, он оденет бабочку перед выступлением. Если будет выступать. Честно говоря, самого выступления Эди немного боится. Он никогда еще не выступал перед тысячами людей, а на "народные гулянья" у "Победы" — как они официально называются, действительно без преувеличения собираются тысячи и даже десятки тысяч молодежи и не молодежи. Эди подумает по дороге, в конце концов одно дело выступать на пляже, там собирается, ну, с сотню слушателей, а потом в случае чего всегда поддержат свои, а другое дело, когда твои стихи судят и дают тебе за это место. А если дадут не первое? — со страхом думает Эди. — Что тогда? Что скажет Светка? Что скажет Кадик?

— Стихи-то, стихи-то, тетрадку не забудь, — напоминает Кадик приятелю. — Лучше читать, конечно, без тетрадки, но вдруг забудешь?

Свернув ее вдвое, Эди сует в карман тетрадь в вельветовом переплете, он сам обклеил тетрадь вельветом, чтоб необычно выглядела его тетрадь.

— Пойдем, — говорит он Кадик, — зайдем за Свет-

кой. Даже и лучше, что вместе с тобой, будет удобнее объяснить ей ситуацию. При тебе она постесняется меня доебывать.

22

Случилось то, чего Эди не ожидал никак, и что хотя и чуть-чуть даже порадовало его, но и насторожило. Светки не оказалось дома. Никого не оказалось дома.

Эди-бэби и Кадик посидели некоторое время у дома Светки с соседскими пацанами, которые все хорошо знают Эди, и подождали Светку, в конце концов Эди ведь договорился зайти за ней около восьми. Но когда стрелки часов Кадика показали половину восьмого, Эди с Кадиком решили уйти, чтобы приехать к "Победе" вовремя, успеть записаться на конкурс.

Покидая лавочку в Светкином дворе, Эди поймал себя на том, что он испытывает тревожное, но облегчение от того, что ему не пришлось позориться перед Светкой, объяснить ей, что он не достал денег, и тем самым унижать себя. Эди-бэби попросил ребят из Светкиного дома передать ей, что он заходил и что если Светка хочет, пусть появляется у "Победы" — Эди будет там. Никаких объяснений, почему он поехал к "Победе", а не пошел к Плотникову, он Светке не оставил. Кроме того, Эди был почему-то уверен, что к условленным восьми часам, до которых оставалось уже меньше чем полчаса, Светка домой не появится. В то же время он не волновался за Светку, зная, что она поехала в Днепропетровск вместе с матерью и потому с ней ничего особенного не может случиться. Наверное, из-за праздника просто опаздывает их поезд. Если поезд опаздывает больше чем на час или полтора, то вообще все устроится прекрасно, — размышлял Эди, пока они с Кадиком ехали в переполненном трамвае к "Победе".

У "Победы" из трамвая вышли почти все пассажиры, и

дальше он поехал пустым. Прямо за трамвайной линией сразу же начиналось кипящее варево людей, густо кольхающееся, и как всякая толпа, подчиненное своим внутренним течениям, вполне бессмысленным, но очевидно подвластным все же какому-то общему закону. Как-то раз победский киномеханик Витька Жук взял Эди с собой высоко на крышу Дома Культуры и показал ему толпу сверху. Эди был поражен тем, что толпа сверху напоминала опасную реку — во многих местах она клубилась воронками, сталкивалась, вдруг некоторое время могуче текла в одном направлении, чтобы так же внезапно остановиться, и вдруг потечь в другом. "Ни хуя себе!" — только и сказал тогда Эди, но в тот же вечер попытался написать о толпе стихи. В стихах Эди тоже сравнивал толпу с рекой, но стихи не получились, самому Эди они не понравились.

— Пошли скорее, запишешься! — тащит Эди Кадик. — Идем, идем! — подгоняет он Эди, и они двигаются сквозь толпу к широким ступеням, которые ведут на первую цокольную террасу, "Победа" построена, как Парфенон, но она куда огромнее. На террасе возвышаются микрофоны, ящики с электроаппаратурой, знаменитые усилители, так восхищающие Кадика, и место для оркестра, который сейчас ушел на перерыв, вместо оркестра невидимый Витька Жук где-то в глубине "Победы" ставит пластинки. Играют модную в этот год песню, называемую "Черное море":

Тот, кто рожден был у моря,
Тот полюбил навсегда
Белые мачты на рейде,
В дымке морской города...

— поет слащавый голос изо всех репродукторов и усилителей на площади. Кое-где толпа танцует, кое-где нет, просто гудит, орет, разговаривает, собравшись в группки.

Взобравшись на террасу, Эди-бэби и Кадик пролезают под веревками, ограждающими микрофоны и инстру-

менты, и подходят к группе людей, сгрудившейся вокруг человека в черном костюме и с бабочкой у горла — конференсье. Их пытаются было остановить несколько дежурных комсомольцев-дружинников, упитанных юношей с красными повязками на руках, но Кадик солидно бросает им: "Мы — выступающие, участвуем в поэтическом конкурсе", и комсомольцы пропускают их к конференсье.

— Простите! Простите! — вежливо говорит всем наглый и настойчивый Кадик, неуклонно расталкивая маленькую группку. — Мой друг, очень талантливый салтовский поэт хотел бы принять участие в вашем конкурсе, — с достоинством обращается Кадик к конференсье.

— Милости просим! — отвечает конференсье без особого восторга, но с профессиональной вежливостью. — Чьи стихи вы будете читать, молодой человек? — обращается он к Эди.

Эди открывает было рот, но Кадик уже отвечает за него: — Естественно, свои. Чьи же еще стихи может читать поэт?

— Свои. Очень хорошо! — говорит конференсье, оживившись. У нас записалось уже десять человек, но большинство из них будут читать стихи известных советских и русских поэтов. Только... — конференсье заглядывает в бумажку, которую он держит в руке, — ... только четверо будут читать свои стихи. В прошлом году было куда больше, — замечает он рассеянно, как бы недоумевая, не зная, чем объяснить спад в количестве поэтов, читающих свои стихи у "Победы".

— Но у вас же конкурс на лучшие стихи? — спрашивает его Кадик.

— Вообще-то да, мы планировали состязание поэтов, — подтверждает неуверенный конференсье, — но ввиду их малочисленности мы было уже хотели устроить состязание чтецов поэзии...

— Ну нет, вы сделайте состязание поэтов, как было объявлено! — требует возмущенный Кадик. — В прессе же

было сказано, что состязание поэтов, — вещает строгий Кадик-Колька.

Эди даже забывает о своем страхе перед толпой, так он весь уходит в восхищение своим другом-импрессарио. Вот как чешет, как ответственный товарищ, — ”в прессе было сказано...”

— Ну вот, теперь у нас уже есть пятеро, это немного, но я думаю достаточно, чтобы устроить состязание, — решается конферансье. — Четыре поэта было уж очень мало, — оправдывается он перед Кадиком.

— Публика пришла послушать состязание поэтов, — констатирует Кадик, обводя рукой море толпы под ними. — Видите, они ждут, волнуются, — добавляет он.

Толпа действительно волнуется, но Эди-бэби, и Кадик, и конферансье прекрасно знают, что стихи ей до лампочки. Они бы с большим удовольствием посмотрели бы цирк. Они хотят хлеба и зрелищ, биомицина и цирк. Выкати им бочки биомицина и пригласи сюда, к ”Победе”, областной цирк с медведями, слонами и клоунами, и толпа у ”Победы” будет самой счастливой толпой в мире. Годами после вспоминать будут, — думает Эди, усмехаясь.

Молодежь приходит к ”Победе” встретиться, выпить вместе, подраться, попиздеть с друзьями. Каждый район имеет свое место на площади. Вправо от Эди, вся правая половина площади, принадлежит тюренским и салтовским ребятам, ”нашим” — думает Эди. Левая принадлежит плехановцам, и те делятся своей половиной с журавлевцами как хозяева. Это не значит, что тюренцы или салтовцы не могут ходить на половину плехановцев и журавлевцев, и наоборот, они могут, но официально банды собираются на разных сторонах — так разделена территория. Кто ее разделил, Эди-бэби не знает, но так было всегда, это традиция, передающаяся из поколения в поколение.

— Я хотел бы посмотреть ваши стихи перед выступлением, — обращается конферансье к Эди. — Простите, молодой человек, как вас, кстати, зовут?

— Эдуард Савенко, — называет себя Эди неохотно. Он не любит своей фамилии и мечтает ее сменить, когда вырастет.

— Так вот, Эдуард, — говорит конферансье, — я хотел бы взглянуть на ваши произведения, вы не обижайтесь, но у нас такая традиция... — мнется конферансье.

— Цензура, — вставляет нахальный Кадик насмешливо. — Покажи им, Эди, что ты собираешься читать.

К счастью, Эди захватил с собой тетрадку. Потому он некоторое время листает тетрадь, чтобы подыскать нужные стихотворения. Тут не пляж, о милиции и тюрьме читать не дадут, нужны стихи о любви, о любви везде можно читать.

— Вот это, — тычет он пальцем в тетрадь. — И это, — указывает он, переворачивая страницу. — И еще вот это, — говорит он, — совсем маленькое, — и отдает конферансье тетрадь. Тот углубляется в чтение.

Читает он профессионально-быстро, через несколько минут он отдает Эди тетрадку.

— Очень талантливо, молодой человек, — говорит он, — очень. Приятно поражен. Большинство выступающих у нас, — он берет Эди за рукав и чуть-чуть как бы отвлекает в сторону от остальных, — ... большинство поэтов, как бы вам сказать... — он морщится, — не очень поэтически грамотны. И потом, — добавляет конферансье снисходительно, — им недостает душевной культуры... Вы понимаете, о чем я говорю? — заглядывает он Эди в глаза. — Кстати говоря, кто ваши родители? — спрашивает он.

— Отец офицер, а мать домохозяйка, — отвечает Эди коротко. Несмотря на комплимент, который конферансье сделал его стихам, он Эди не нравится. Что-то в нем есть неприятное. "Культурный наемник!" — мысленно называет его Эди.

— Я так и думал, я так и думал! — обрадованно дергается конферансье. — Отец — офицер. Офицеры — наш советский мидл-класс... Конечно, — говорит он, — все понятно...

— А вы, молодой человек, — обращается он к подо-

шедшему их послушать Кадику, — насчет цензуры вы не правы. Я не осуществляю цензуру, у нас давно не сталинские времена в стране, но мы имеем здесь гигантскую аудиторию, — конференсье обводит рукой залитую народом площадь, — иной раз десятки тысяч человек... Нет, мы не цензурируем наших поэтов, мы просто обязаны оградить их, людей, от возможного хулиганства, от возможной провокации. Вы, например, ребята, знаете, что случилось еще несколько месяцев тому назад в газете "Правда Украины"? — обращается он уже к ним обоим, к Эди и Кадику.

— Нет, — говорят ребята.

— Ужасная провокация. И какая ловкая! — улыбается конференсье ядовито. — В редакцию газеты пришло письмо из Канады. В письме канадский украинец, молодой человек, писал о том, как он любит нашу страну, писал о том, что он рабочий, и просил напечатать его стихи, в которых он прославляет Первую в мире страну победившего социализма и говорит о своей ненависти к капитализму, который обрекает рабочих людей на безработицу. Стихи напечатали. Но... — голос конференсье достиг возвышенного шепота. — Вы как поэт, Эдуард, — обращается он к Эди, — должны знать, что такое акростих. Знаете?

Эди-бэби кивает. Он знает.

— Так вот, — торжествуя объявляет конференсье, — это был акростих. И прочитав только первые буквы, все первые в строке, можно было прочесть знаменитый петлюровский призыв: "На москалів, ляхів та юд, — ножи точите там и тут". Видите, молодые люди... а вы говорите... цензура... — и конференсье с самодовольной улыбочкой отходит от Эди и Кадика, дабы объявить о начале поэтического конкурса.

Поражен даже Кадик. Он смеется.

— Ни хуя себе! — восклицает Кадик. — Редактора, наверное, под суд отдали!

Не то, чтобы Кадику было жаль редактора или он одобрял провокационные обманные действия канадского

поэта, но как и все салтовские жители, он почему-то рад, когда власть садится в лужу. Тем более "Правду Украины" все считают противной газетой, да еще на украинском языке, который считается в Харькове деревенским. Никто не хочет учиться в украинских школах, потому теперь всех ребят в неукраинских школах заставляют учить украинский язык, хотя преподавание и ведется на русском. Эди-бэби учит украинский со второго класса и знает его очень хорошо, но где его употреблять, украинский, в деревне, что ли? Но где такая деревня? Даже в Старом Салтове только старики еще говорят по-украински. Молодежь не хочет. В Киеве говорят интеллигенты из пижонства, стоят на Крещатике и громко "размовляють по-українськи". Но из пижонства можно и по-английски говорить. Вон Ася — скромный человек, она своим французским не хвалится, хотя говорит лучше любой учительницы французского, — думает Эди.

А скушнее украинской литературы нет в школе предмета. Бесконечное нытье по поводу "крипацтва" — уши вянут. Крипацтва давным-давно нет, а нытье осталось.

23

Эди выступает вторым. Это хорошо, потому что к пятому поэту слушатели устанут и будут свистеть, требуя музыки. Первый поэт — мускулистый парень лет 25, читает свои стихи о боксере очень плохо. "Наверное, он сам боксер!" — шепчет Кадик. Стихи сами по себе не так плохи, поэт, конечно, подражает Евтушенко и Рождественскому одновременно, пусть его, но читать парня никто не научил. Он еле мямлит в микрофон, в то время как перед такой толпой читать нужно четко и громко.

"И стоять следует куда ближе к микрофону", — рассуждает Эди, анализируя ошибки своего предшественника. Когда поэт уходит от микрофона, раздаются лишь жи-

денькие хлопки. "Он мог бы куда лучше выступить, — решает Эди. — Хорошо прочитанные, его агрессивные стихи о боксере, нокаутирующем, в конце концов, своего противника, должны были непременно понравиться именно этой толпе молодежи, полублатной и больше всего на свете уважающей агрессивную силу. Дурак!" — снисходительно жалеет Эди своего неудачливого противника.

К Эди подходит конферансье.

— Вы так и хотите, Эдуард, чтобы я объявил вас салтовским поэтом? — спрашивает он, улыбаясь.

— Да, — говорит Эди.

— Конечно, — подтверждает Кадик. Хотя Кадик не любит Салтовки, но он понимает, что все салтовские жители сейчас будут болеть за Эди и аплодисментов будет куда больше. Какой уважающий себя салтовский патриот не поаплодирует своему салтовчанину?

— А сейчас я хочу вам представить, — объявляет конферансье в микрофон задушевым голосом, — самого молодого участника нашего поэтического состязания... Салтовский поэт... как он сам себя называет... — в этом месте конферансье делает значительную выжидательную паузу, чтобы вдруг проорать, — ... ЭДУАРД САВЕНКО!

Да, вот кто профессионал, — думает Эди с завистью. — Его и не хочешь — а услышишь. Даже самые дальние, скрывающиеся за последними фонарями у самой трамвайной остановки толпы слышали о салтовском поэте, и отовсюду раздались поощрительные хлопки. Эди и Кадик рассчитали правильно, салтовских на гулянье были тысячи. Здесь и там, узнавая Эди, вышедшего к микрофону, заорали "Эд!", а потом справа, от места сбора салтовской шпаны, стали хлопать организованно и гулко, и опять и опять поощрительно орать "Эд!" "Эд!"

— Слышно! — громко и нагло спросил Эди в микрофон. Руки у него дрожали, во рту пересохло, но он знал, что еще чуть-чуть и страх пройдет совсем. Как только он начнет читать.

– Слышно! Слышно! – заорали из толпы.

”Наташу”, ”Наташу” читай! – вдруг раздался из толпы истошный крик. И еще несколько голосов из разных концов толпы подхватило:

– Давай ”Наташу”! – Очевидно, ребята слышали, как он не раз читал Наташу на пляже.

”Наташу” Эди написал после Пасхи у Витьки Немченко. Вообще-то Эди не собирался читать ”Наташу” и конференсье ее не показывал. Но теперь, стоя лицом к лицу с тысячами людей, он подумал, а почему бы и не ”Наташу”? Слушателям она всегда нравится. Он только не будет читать последнюю строфу, там про шпану, а так, что, конференсье и дружинники его с эстрады, что ли, стянут? Улыбнувшись, Эди почти спрашивает в микрофон, дружелюбно, но властно, первые строки стихотворения:

Это кто идет домой,
Не подружка ль наша?
Косы в лентах за спиной
– Милая Наташа!..

Толпа заткнулась и слушает его. Эди видит, что даже дальние ряды заткнулись. Все слушают, не то что при чтении боксера. Только трамвай прошумел да перетопыванье многих тысяч ног слышно, а так все, бляди, слушают, – думает Эди восхищенно. Он знает, что больше трех стихотворений они не выдержат, начнут дергаться, но ”Наташу” он им выдаст по первому классу, при всеобщем молчании, как государственный гимн. И он четко и сильно продолжает:

Ветер свежий, и сирень
Расцветает пышно,
В белом платье в белый день
Погулять ты вышла...

Когда Эди выпаливает им все двенадцать строф и заканчивает той же самой первой строфой-рефреном, только две последние строчки другие:

Это кто идет домой,
Не подружка ль наша?
Величавою стопой —
Русская Наташа!

— вся площадь разражается аплодисментами, ревом, и Эди понимает, что что бы ни произошло, какие бы после него не читались стихи — первый приз ему достанется. Поэтому он читает еще два стихотворения, и несмотря на возгласы "Браво!" и "Еще!" "Еще!", уходит от микрофона.

— Молодец! — говорит ему конферансье, почему-то переходя на "ты". — Молодец! Я уверен, что жюри даст тебе первый приз. Ты что, в театральную студию когда-нибудь ходил? — спрашивает он. — Держался великолепно! И стихи прекрасные, — говорит конферансье, даже не упоминая, что Эди не показал ему "Наташу" до выступления. Победителей не судят. А ведь легко могло оказаться, что "Наташа" — акrostих и, прочитав первые или последние буквы в строке, можно обнаружить какую-нибудь гадость, — смеясь, думает Эди. Например, "Хуй вам всем на рыло!"

— Ну, чувак, поздравляю! — орет радостный Кадик, тряся Эди за плечи. — Видишь, как все прекрасно выходит, если ты слушаешь старика Кадика? Сегодня лучшие девочки здесь будут наши! — вопит Кадик восторженно. — Подходи к любой и бери! Конечно, если Светка не придет к "Победе", — поправляется Кадик.

Слова приятеля возвращают Эди к действительности и отвлекают его от самого большого в его пятнадцатилетней жизни социального триумфа. Его включившаяся сама собой интуиция сообщает ему какое-то беспокойство. Если бы он чувствовал беспокойство до выступления, он отнес бы беспокойство за счет того, что он боится, но сейчас он

начинает думать, что со Светкой случилось что-то неладное. Может быть, поезд сошел с рельс? — думает он с ужасом, но тотчас отгоняет от себя эту мысль. Фу, глупость какая, часто ли поезда сходят с рельс? С таким же успехом кирпич может свалиться Светке на голову. Глупость.

24

В последующие полчаса Эди-бэби пожимает по меньшей мере сотню рук и получает столько одобрительных хлопков в плечо, что плечо у него болит. Вместе с Кадиком он бродит в толпе по площади, здороваются со знакомыми, время от времени кто-нибудь из приятелей дает ему и Кадиду выпить, вынимая из-под полы пальто бутылку неизменного биомидина или "портвеша" — портвейна. Результат поэтического состязания объявят после танцевального перерыва, жюри, состоящее из каких-то вовсе никому не известных активистов и деятелей культуры, ушло совещаться внутрь кинотеатра, но все ребята уверены, что Эди получит первый приз.

— Первое месте тебе, чувак, обеспечено, — говорит Кадик. — Можешь быть спокоен. Я внимательно слушал всех других поэтов, они не тянут, — говорит Кадик. — Твое только счастье, чувак, что среди поэтов не было женщины или национального меньшинства, чукчи или эвенка, потому что жюри бы присудило первую премию женщине или национальному меньшинству, даже если бы стихи были полная хуйня. Такая у них сейчас политика на всех народных гуляньях. Дают им премии для поощрения, — говорит Кадик. — Что бы развивались.

— Да, — хмыкает стоящий с ними скептический Витькак Головашов. — Какой, интересно, приз-то? Хуйню небось какую-нибудь дадут. Книгу, наверное.

— Давали бы деньги, — говорит Эди. — Даже пусть немного.

— Я однажды выстрелял в тире плюшевого медведя, — говорит Кадик, — по движущимся мишеням. Я медведя одной чувишке подарил, она за медведя со мной потом поборалась, — говорит Кадик.

Наверняка врет Кадик, — думает Эди. Ему он этого случая не рассказывал. Впрочем, он сейчас врет не для Эди, а для Витьки, посему это простительно.

Чьи-то руки внезапно закрывают Эди глаза. Эди пытается стряхнуть руки, но руки сильные. После небольшой возни он все-таки захватывает противника за ногу и выворачивает перед собой на асфальт.

— О, еб твою мать! — говорит противник. Он чуть шепелявит. Перед Эди с асфальта вскакивает улыбающийся Аркашка Епкин. — На хуя на асфальт-то? — спрашивает он, впрочем, без обиды. — Чувствуется, борцы собрались, швыряются...

Борцы — это Эди-бэби и Витька Головашов. Витька, правда, борец опытный, у него третий разряд, Эди же еще считается начинающим, но все равно "борцы собрались".

— А хуля же вы, боксеры, руки свои выставляете? — отвечает за Эди Витька.

Аркашка становится в боксерскую стойку, а Витька в борцовскую. Некоторое время они прыгают друг против друга, очистив для себя круг в толпе. Публика поощряет их возгласами: "А ну, ребята, кто кого!" "Покажите класс!", но Витька и Аркашка и не собираются сцепиться. Попрыгав, "пофраерившись", как говорят салтовские, они шумно хлопают ладонью о ладонь — здороваются.

— Привет, боксер хуев! — провозглашает Витька.

— Привет, ебанный борец! — отвечает Аркашка.

Они друг друга уважают. Витька считается перспективным борцом, а Аркашка очень хороший боксер. Очень. Хотя и недавно начал.

Епкиных три брата. Два уже боксеры. Третий еще маленький совсем, но тоже уже машет кулаками. Их мать

русская, а отец — ”чучмек”, как говорят на Салтовке, — какой-то азиат, не то узбек, не то казах. Во всяком случае у всех Епкиных восточные плоские рожи, узкие хитрые глаза монгольских ханов, мускулистые желтокожие тела и очень хороший для боксеров темперамент. У Эди-бэби тоже желтая кожа, но не такая, конечно, желтая, как у Аркашки Епкина, у Аркашки и рожа желтая, а у Эди лицо и кисти рук намного белее остального тела.

— Молодец, Эд, хуй тебе на обед! — орет Аркашка, он бывает, приходит на лавочки под липами по праву спортсмена и потому знает дурацкую присказку. На Аркашку Эди не обижается, Аркашка только дразнит Эди, но когда нужно, он всегда выступает на его стороне и спокойно поддерживает Эди в драке, хотя ему как боксеру драться на улице запрещено, могут дисквалифицировать.

В этот момент к микрофону выходит какой-то лысый чмур — конферансье назвал его харьковским писателем Борисом Котляровым, если Эди не ошибается.

— Котляров? — спрашивает он у ребят.

— Да вроде... Котелков... — отвечает всегда насмешливый Епкин.

— Да, Эди, Котляров, — подтверждает Кадик, досадливо прислушиваясь. Кадик не любит Епкина, или, как он его зовет, Ебкина, а может быть даже он его опасается, потому Кадик всегда нервничает в присутствии Ебкина. Уже начал нервничать, — думает Эди. — Сейчас сбежит. Кадик явно ревнует Эди к другим ребятам и вдобавок сторонится шпаны.

После несколькоминутной речи, прошептанной в микрофон, даже внимательный Кадик ничего не услышал, Эди-бэби наконец слышит, как ”харьковский писатель” Котляров произносит его имя.

— Иди! Иди! — толкают его ребята. — Первый приз. Иди!

Эди, а с ним и Витька Головашов, Епкин, Кадик и подошедший Ленька Коровин — неизменный Витькин собу-

тыльник и друг, все они проталкиваются к ступенькам, и подлезши под веревки, ограждающие эстраду, направляются к микрофону.

— Не все! Не все! Один Эдуард! — останавливает их встревоженный конферансье. — Эдуард, подойди, пожалуйста, к товарищу Котлярову. А вы, ребята, подождите тут.

Эди приближается к "харьковскому писателю". Эди никогда в своей жизни не слышал о писателе Котлярове, но кого это интересует.

— Поздравляю! — говорит ему Котляров. — Позвольте мне пожать вашу руку, поэт Эдуард Савенко, — говорит Котляров, открывая и закрывая розовый рот на розовом лице, — и вручить вам, — продолжает он, — грамоту победителя поэтического конкурса Дома Культуры Сталинского района.

Грамоту? — думает Эди. — На хуй мне ваша грамота! А приз?

— Давайте, товарищи, поаплодируем победителю поэтического конкурса! — обращается к толпе подскочивший к микрофону конферансье.

Толпа шумно плещет руками, как пингвины в харьковском зоопарке шлепают лапами. Некоторое время над площадью стоит шум, рев и приветственный свист салтовской и тюренской шпаны из их части территории. Эди-бэби засовывает в карман свою грамоту и собирается уходить, но у писателя появляется в руке еще какой-то небольшой предмет, завернутый в красную бумагу.

— В дополнение к грамоте разрешите мне вручить вам, товарищ Савенко, памятный подарок, — говорит розовый Котляров.

— Правильно! — кричат Епкин, Витька, Ленька и Кадик от веревок, где они все стоят. — Правильно!

Эди берет сверток из рук писателя, они опять обмениваются рукопожатиями, толпа, уже потеряв интерес к зрелищу, жидко аплодирует. Эди сбегает по ступенькам к своим. Епкин, взяв у него из рук красный сверток, немед-

ленно начинает сдирать с него бумагу, а конференсье уже объявляет следующий по программе аттракцион-игру, желающие будут перетягивать канат.

— Домино! — орет Епкин разочарованно. — Педерасты! Не могли что-нибудь подороже подарить, что-нибудь стоящее, хотя бы маленький приемник. Домино! — произносит Епкин с презрением.

Все единодушно сходятся на том, что Дом культуры пожадничал и наверное администрация пропила в кабаке деньги, выделенные на призы, а взамен накупила всякого говна, все другие участники конкурса, получив не первое место, получили свои подарки раньше. Что, никто не знает, но тоже говно, очевидно.

Епкин свистит, свистит и Ленька. Кадик и Витька не свистят, а Эди равнодушно сует коробку с домино в карман.

— Отдам дяде Саше, — говорит он. — Пусть с мужиками хлопают. Они свое домино совсем расколотили. Бьют им по столу что есть силы. Азартные, козье племя!

Ребята продираются сквозь толпу.

— Нужно выпить, отметить... — замечает Витька Головашов.

— Да-да, обмоем первое место, — поддерживает кореша Ленька. — С тебя, Эд, причитается.

— Я сбегая в гастроном, — охотно вызывается Епкин. Этим беганием в гастроном Аркашка пытается скомпенсировать всегдашнее отсутствие денег. Сброситься, как другие ребята, он не всегда может, семья у них большая, и они бедные.

Эди лезет в карман куртки, вынимает вначале скомканную грамоту, которую у него тотчас забирает Кадик и рассматривает, а потом вынимает деньги.

— Я угощаю, — говорит Эди и высыпает Епкину в ладонь всю мелочь, которую он взял ночью в столовой, и все рубли.

— Там около 50 рублей, Ебкин, — объявляет он. — Купи на все биомидина.

— Четыре бутылки? — спрашивает Епкин.

— Получается четыре, возьми четыре, — отвечает Эди. Он решает, что все равно уже почти десять часов, Светка наверняка застряла с матерью в Днепропетровске, и эти полсотни его не спасут.

Епкин зачем-то пересчитывает мелочь. Витька сует ему еще какие-то деньги. Витька всегда при деньгах.

— Держи! — отдает ему Кадик грамоту. — Покажешь Светке, когда приедет. Пусть видит, чувиха, вещественное доказательство таланта ее чувака.

— Откуда приедет? — отзывается на замечание Кадика Епкин. — Куда она уезжала? Я ее вчера видел.

— Как ты мог ее вчера видеть, — настороженно спрашивает Епкина Эди, — если она еще позавчера утром уехала с матерью в Днепропетровск к родственникам?

Эди вдруг чувствует, как беспокойство опять вселяется в него, и почти уже зная ответ Епкина, все же с надеждой спрашивает его:

— Ты наверное ошибся, ты видел ее не вчера? Несколько дней назад...

— Похож я на лунатика? — спрашивает Епкин, выпялив свое монгольское круглое лицо и выставив стриженую голову чуть вперед. — Я ее видел вчера вечером выходящую из подъезда с какой-то еще девкой и с Шуриком Иванченко. Тащили какие-то сумки.

Выпалив все это, Епкин, наверное, вдруг понимает, что трепанул лишнего, так как все ребята замолкают и поглядывают на Эди.

Значит, она меня обманула, — думает Эди. — Точно, обманула. Никуда, ни в какой Днепропетровск она не поехала, а осталась и гуляла праздники с Шуриком. Эди-бэби мысленно вспомнил почему-то жиденькие блондинистые усики семнадцатилетнего Шурика, и ему представилось, как, касаясь этими усиками Светкиной щеки, Шурик целу-

ет Светку. Для Эди Шурик раб и дурак, который так всю жизнь и будет работать в своем обувном магазине, в то время как Эди будет совершать великие подвиги, но для Светки, очевидно, Шурик кажется другим. Эди-бэби видит, кто такой Шурик, Шурик фраер и мудака, про таких, как он, и поется в блатных песнях: "Может, фраер в галстучке атласном / Вас сейчас целует у ворот..." Действительно, даже в галстучке — аккуратный Шурик носит галстуки. Ну, блядь! — вскипает кровь Эди, — что же теперь делать? — думает он и замечает направленные на него взоры.

— А разве вы еще "ходите" вместе? — виновато спрашивает Епкин. — Я думал, вы давно не ходите...

— Ну, ты идешь или не идешь в гастроном? — спрашивает его Кадик зло. — Идешь, иди!

— Иду! — огрызается Епкин. — Ты на меня не ори, а то схлопочешь!

— Не хочешь идти, я пойду, — примирительно говорит Кадик.

Епкин уходит, а Кадик успокаивает Эди:

— Ну и хуй с ней, со Светкой, Эди. Тебе нужна настоящая чувиха, а не эта сопливая малолетка. У нее и ног-то настоящих нет, — говорит Кадик. — Спички, а не ноги.

Хуй-то! — думает Эди грустно. Светкины ноги лучше всех — они у нее длинные и ровные и совсем не спички, не худые, как кажется Кадику. Эди знает Светкины ноги, а что на них еще не так много мяса, так Светке же всего четырнадцать лет, будет и мясо. Светка красивая, она как из сна, — думает Эди. — Что делать? Что делать? — размышляет он лихорадочно. — Зарезать Шурика? Эди представляет, как он кромсает своей опасной бритвой ненавистное ему лицо, усики и галстук. — Взы! Взы! Взы! — свистит бритва. Из глубоких порезов на щеках, по носу и рту Шурика, мгновенно набухнув, выливается вдруг темная кровь. "Сука! Сука! Гад — не трогай мою Светку!"

— Эди! Эди! — доносится до него голос Кадика хуй знает откуда, как из Славкиного Владивостока, — Эди!

Не очень это легко, когда у тебя хуево и невыносимо на душе, находиться среди друзей и вести себя как обычно. Эди хочется немедленно сесть в трамвай и умчаться к Светкиному дому, и найти Светку, и убить Шурика, и сесть в тюрьму, остаться одному в камере, но чтоб не было так невыносимо, а он вместо этого должен делать вид, что ничего не случилось, быть мужчиной, чтобы потом ребята не сказали, что Эди расклеился, когда узнал о Светкиной измене. Что Светка ему изменила, Эди не сомневается, он подозревал об этом давно, теперь речь идет только о том, что предпринять.

Явившийся из гастронома Епкин кладет руку на плечо Эди и говорит, виновато шепелявя:

— Ну хочешь, Эд, я набью этому фраеру морду, хочешь?

— Ладно, — бросает в ответ Эди, — успокойся, сам справлюсь, это мое дело.

Действительно, это его дело, размышляет Эди, выпивая с ребятами принесенный Епкиным биомидин, они зашли в парк, хотя и по-осеннему голый, но все же прикрывающий их от возможного набега милиции, на площади во время народного гулянья пить не полагается, противозаконно. Это его дело, как справиться с этой сукой, подло притворявшейся Светкиным другом. И Светка — блядь! — думает раненый Эди. — Меня, меня она предпочла Шурику. Меня!

Эди пьет, подняв бутылку к небу, но вместо темного неба и оголенных верхушек деревьев, скорее похожих на клубки колючей проволоки, чем на верхушки деревьев, он видит Светку в лиловом саржевом платье-кринолине, в котором она пришла на вечер в их школу с Риткой, именно тогда они и познакомились, и слышит ее ласковый смех куклы, когда он целовал ее в пустой классной комнате, и

луна через окно падала на мел и доску. Его Светка. Как она могла?

Эди-бэби непривычно больно. Не так больно, как больше четырех лет назад болело все тело от побоев сибирского бычка Юрки Обоюка. Более глубокая боль мучает сейчас Эди. Как бы меня внутри разрезали бритвой, — думает Эди удивленно. Все внутри разрезали бритвой. Кровь не идет, снаружи ничего не видно, но все сердце разрезано, — думает Эди. Столкнувшись с подобной болью впервые, он ничего не понимает в своей собственной ситуации, кроме чувства несправедливости. Почему? — мучается он непониманием.

Единственное, что удерживает его от животных криков боли — пункт первый несложного кодекса салтовского подростка: "Всегда и везде нужно быть мужчиной". На людях плачут только бабы, — думает Эди. Признаются, что им больно, только бабы. Мужчина терпит и молчит. Если бы Эди-бэби был знаком с японским кодексом бусидо или с учением стоиков, читал бы Марка Аврелия или Юкио Мишиму, он бы знал, что салтовский кодекс недалеко ушел от названных кодексов, и ему было бы чем занять свои мысли, рассуждая о сходствах и различиях и тем самым смягчая свою боль, но Эди-бэби еще не слышал о бусидо и хагакурэ и стоиках, у него только боль — примитивная боль внутри, и кукольное личико Светки перед глазами, и ее маленькая удивительно белая грудь, которую иногда она дает ему потрогать...

Когда ребята, покончив с бутылками, выходят из парка, опять возвращаясь в гудящую, как котельная гигантского парохода, толпу, Кадик идет рядом с Эди и ноет:

— Брось, Эди-бэби, не переживай! — бубнит Кадик. — Пошли поотираемся в толпе — чувишек подкадрим, а? Они же тебя все видели, как ты выступал. Сегодня это легко. Или знаешь, что? — еще более оживляется Кадик. — По-

едем на Сумскую, а? Прошвырнемся? Я тебя с клевыми чуваками познакомлю, а, Эди?..

— Хуля ты приехал ко мне, — вдруг останавливаюсь, говорит ему Эди отчужденно. Кадик своим нытьем мешает ему думать о Светке.

— Ну, как знаешь! — обижается Кадик. — Я только тебя пригласил, хотел тебя от мыслей об этой тощей малолетке отвлечь, а ты же на меня и бочку катишь...

Поругаться они не успевают, потому что к Эди подбегает тюренский малолетка — все зовут его "Дымок", а настоящее его имя Дима, ему и вовсе лет 12 или 13, Эди он как-то сказал, что Эди старый, и, запыхавшись, орет:

— Где тебя хуй носит, а, позт? Тебя Тузик давно разыскивает, говорить с тобой хочет. Пошли! — Дымок тащит Эди за рукав куртки, — Тузик сказал привести тебя.

При имени "Тузик" Кадик даже бледнеет, потому что Тузик — атаман всей тюренской шпаны, ему 20 лет, но он скрывается от армии и живет... ох, кто же знает, где он живет, но без огромного немецкого штыка и десятка адьютантов Тузик на улицу не выходит. Там же, где он скрывается, его, по слухам, охраняют ребята с винтовками. Как бы там ни было, Тузик человек загадочный и страшный. Зачем он зовет Эди-бэби? Зачем Тузику понадобился Эди?

— А зачем зовет, "он" не сказал? — осторожно спрашивает Кадик Дымка.

— Отъебись, стилига, — бросает Дымок. — Тебя он и не звал. Иди себе, убывай! — добавляет Дымок презрительно.

Дымок — личность знаменитая. Он всеобщий тюренский любимец, и потому в свои 12 лет он ужасная избалованная сволочь. Тюренская шпана, если хочет к кому-то приехать, всегда посылает вперед Дымка. Дымок подходит к здоровенному мужику и, глядя на него снизу вверх, орет что-нибудь очень обидное, вроде: "Эй ты, хуй, дай огня!"

Редко кто после подобного обращения удерживается от желания дать Дымку по шее. Именно на это и рассчитывает тюренская шпана. Тут же, как из-под земли, появляется с десятков тюренских головорезов, и орут классическое: "Ты что же, сука, маленького обижаешь!", и начинают бить мужика. Бьют чем придется, тюренские ребята в этом смысле очень неразборчивые — железными прутьями, кастетами, цепями, а если мужик проявляет очень уж большую силу, пускают в ход и ножи. Как бы ни был здоров мужик или даже несколько, что он может сделать с толпой охувших малолеток? Да будь он и чемпион мира по борьбе или боксу или даже джиу-джитсу, что он может сделать с шакалами, волнами набрасывающимися на него? "Против лома нет приема", — гласит тюренская пословица.

Дымок же, сука, в таких случаях бегаёт вокруг и все старается садануть мужика или каблуком в лицо, или порезать его хоть чуть-чуть, для этого у Дымка есть специальное лезвие, всажённое в деревянную рукоятку. Убить не убьёшь, а разукрасить рожу уже поверженного можно на всю жизнь.

— Вы останьтесь, ребята, я сам схожу, — говорит Эди Кадику и Витьке с Ленькой. Епкин давно уже ушел, у него встреча с девочкой.

— Смотри... — говорит вдогонку Эди Кадик. Сказать, что "остерегайся..." он при Дымке не может.

Эди-бэби не боится за себя. Тузик его не тронет, даже он уважает Красного и не будет портить с ним отношения, избив его лучшего кореша. Это абсурд, — решает Эди, но зачем зовет его Тузик, на хуй он нужен Тузику, он не может догадаться...

Костя и Эди втихомолку презирают Тузика, не понимая, почему он, имея в своем распоряжении больше сотни ребят, а если бы Тузик хотел, их было бы еще больше, не делает крупных дел, а шумит и буйствует со своей шпаной, большей частью избивая и грабя ни в чем не повинных прохожих на Ворошиловском проспекте. "Мелкий бандит", —

отозвался однажды Костя о Тузике, но от его армии Костя бы не отказался. У Тузика целая армия шпаны, имя "Тузик" вселяет ужас во всех без исключения девочек у них в школе, хотя тюренский Сашка Тищенко говорил Эди, что у Тузика будто бы даже есть жена.

26

Дымок и Эди выныривают из толпы, и Дымок вприпрыжку шагает к высоченной железной ограде, отделяющей собственно двор кинотеатра "Победа" от площади. Эди идет за ним. Ограда — толстенные железные пики высотой метров в пять-шесть, выкрашенные в черную краску, кончаются высоко вверху расплюснутыми остриями-наконечниками, на такие пики в древние времена язычники сажали христиан. Турки, кажется. Шурика бы, суку, посадить на один из них, — думает Эди с ненавистью.

Несмотря на то, что в ограде не видно просвета, а ворота заперты на цепь, способную удержать слона, Дымок уверенно идет прямо к ограде. Только подойдя ближе, Эди видит, что в одном месте прут-пика отсутствует и посему возможно спокойно протиснуться через ограду во двор. Что они и делают, Дымок — первым, Эди-бэби за ним.

Эди сразу же видит Тузика и его банду. Ребята сидят на ступеньках, таких же, как и с внешней стороны "Победы", расположились в живописных позах вокруг одного несомненного центра — своего атамана. После освещенной площади Эди вначале нелегко привыкнуть к темным задворкам кинотеатра, где наверное специально и уже давно банда ликвидировала все фонари. Окон же с этой стороны, по конструктивистскому проекту, не полагается.

Ветер свистит в деревьях и голых кустах вдоль ограды. Странно тихо, только урывками ветер доносит гул человеческого моря с площади. Плеснет, и откатится...

Человек двадцать или может быть тридцать сидят на ступеньках. Тузик — мордатый парень в черном пиджаке и белой рубашке, на фоне которой выделяется резко его красноватого цвета физиономия, сидит в обнимку с бело-волосой девкой с ярко накрашенными губами, которую Эди не знает.

— Что шуришься, поэт... Подходи... — говорит ему Тузик.

Догадался, сука, — думает Эди. Неужели видно, что я близорукий? Вот Витька Головашов только немного близорукий, но шурился он куда сильнее, чем Эди. Эди старается не шуриться.

Тузик поднимается, освободившись от девки, и подает Эди руку.

— Здорово, поэт! — говорит он. Кисть у него широкая и крепкая. Сильный, говорят, как машина, не руки — маховики. Как и полагается атаману, — думает Эди с уважением. Хоть и пьет, как лошадь, и спортом не занимается.

Эди-бэби первый раз видит Тузика вблизи. Ничего особенного в его облике нет. Тузик похож, может быть, на откормленного матроса из кинофильма "Оптимистическая трагедия". Он невысокого роста, но широк, как горилла в зоопарке. Зловещего в его лице ничего нет, а судя по его славе и проделкам, он должен быть зловещим. Честно говоря, Эди ожидал увидеть исковерканную шрамами физиономию и черную повязку-фишку на глазу, как у пиратов Стивенсона.

— Это Коха, — представляет Тузик белую девку. Девка протягивает Эди маленькую горячую руку.

— Меня зовут вообще-то Галя, — говорит девка. — "Коха" — это моя кличка.

— На, глотни, поэт, — протягивает Тузик бутылку водки и, кивнув на девку, говорит: — Ей твои стихи про Наташу понравились. Ты можешь про Галю такие же написать?

У Эди тяжесть неизвестности спадает с души. Все яс-

но, девка Тузика захотела, чтоб про нее были написаны стихи. Светка тоже просила его не раз написать ей стихи. Эди уже знает, что женщины тщеславны и что ничего с этим не поделаешь. Глотнув водки, Эди отвечает, пожав слегка плечами:

— Могу, чего ж нет.

— Что они тебе за приз дали? — интересуется Тузик, взяв из рук Эди бутылку и отхлебывая.

— Да ну, хуйню, — мнется Эди, — ... домино.

— Да, бля, — ухмыляется Тузик. — Щедрыми их не назовешь. Я тебе деньгами заплачу, ты только напиши. Очень уж ей хочется стихи про Галю, — кивает он в сторону "Кохи", даже как кажется Эди, стеснительно. Стеснительный Тузик.

— Только я так сразу не могу, — предупреждает Эди. — Мне время нужно.

— Ну, понятно, — соглашается Тузик, — вдохновение нужно. Когда сможешь?

— Неделю, а то и две мне нужно... — решает Эди.

— Хорошо, — говорит Тузик. — Запомни, я тебе плачу, это не задаром.

— Садись, — продолжает Тузик, но уже другим голосом, как бы покончив с официальной частью и переходя к развлечениям, — чего стоишь. — Он отбрасывает уже пустую бутылку из-под водки в сторону, и бутылка разбивается об асфальт где-то в темноте. — Садись, сейчас дури покурим. Тимур! — зовет Тузик.

Хмурого вида черный долговязый парень в солдатской шинели с оторванными пуговицами, сидящий чуть выше их, сползает к Тузику и протягивает ему коробку с папиросами.

— Любимые папиросы Иосифа Виссарионовича, — замечает Тузик насмешливо.

Действительно, на картонной коробке золотом вытеснено название папирос — "Герцеговина Флор". Вся страна знает, какие папиросы курил вождь и учитель, даже спустя пять лет после его смерти.

— Но внутри, — продолжает Тузик, — совсем другая начинка. — Тузик открывает коробку и достает одну из папирос. Дымок, сидящий у Тузика в ногах, моментально протягивает атаману уже горящую зажигалку. Как фокусник.

— Папиросы набиты планом, — поясняет Тузик. — Тимур родился в Таджикистане. У них гашиш и анаша заместо чаю подаются по утрам. На, — протягивает Тузик Эдибэби папиросину. — Знаешь, как курить?

Так как Эдибэби молчит, не желая признаться, что он никогда еще в жизни дури не пробовал, то Тузик считает нужным выдать ему короткую инструкцию в курении плана: "Затянись глубоко-глубоко, насколько можешь, и держи дым, не выдыхай как можно дольше. Иначе не подействует".

Эди много слышал о дури, но видит ее в первый раз. Он берет папиросу из рук Тузика. С виду папироса как папироса, только запах необычайный, удушливый. Эди осторожно затягивается, как научил Тузик, но осторожно.

— Ну, как? — спрашивает Тузик весело. — Действует? Чувствуешь что-нибудь, поэт?

— Не... ничего... — отвечает раздосадованный Эди. — Ничего не чувствую.

Тузик всасывает в себя дым с такой силой, что папироса укорачивается на глазах. Еще бы, с такой, как у него грудной клеткой... — думает Эди уважительно.

— На, глотни еще, — говорит атаман, отдавая папиросу Эди. — А мне уже захорошело, — сообщает он действительно даже и другим голосом, чем до этого.

Эди опять затягивается, но опять ничего не чувствует, только вонь папиросины и неприятную горечь в горле.

— Ладно, — решает Тузик, — не действует, не переводи доброе. Возьми вон у ребят водки! — Тузик кивает в сторону своих ребят, куда-то выше.

Эди взбирается вверх по ступенькам, и парень в полубубке с обрезанными рукавами, козий мех вьется вокруг

горла, воротника тоже нет, протягивает ему бутылку.

Эди пьет и рассматривает лица. Знакомых нет. Наверное, эти ребята — ядро банды... Эди же знает более безобидных тюренских ребят, тех, кто учится в школе на Салтовке, тех, кто живет вокруг пруда, в районе Витьки Немченко. Тузиковы ребята, во-первых, старше, и кроме того они, очевидно, почти все с дальней Тюренки, которая граничит с Журавлевкой, иначе бы Эди их знал.

— А как "товары" хорошо идут на стихи? — спрашивает Эди парень в полушубке, протягивая ему кусок плавленого сыра. — На загрызни! Я слышал, что Есенин был грозный ебака, — говорит парень, — и от блядей ему отбою не было.

"Товары" — это девочки. По-харьковски это девочки. Эди с горечью думает про себя, что его "товар" — Светка, любит, вернее, любила его стихи, но не очень их понимала. Ее мать, тетя Клава, любит стихи Эди гораздо больше, хотя и говорят, что она проститутка. Ей Эди нравится.

Вслух Эди говорит совсем другое: — "Товары" хорошо клюют на башли. И на хорошую жизнь. Лучше нет приманки.

Для самого Эди его слова звучат очень грустно, но ребята смеются почему-то. Эди опять протягивают бутылку, и на сей раз он делает хороший огромный глоток, чтобы не думать ни о Светке, ни о ее матери, ни о чем. — Ну их всех на хуй! Сейчас, здесь, ему хорошо.

— Эй, поэт, — зовет Тузик, — иди сюда!

Эди спускается к атаману.

— Погрей-ка ее, пока я схожу отолью, — смеется Тузик, подымаясь от своей девочки. — Садись!

Несколько ошарашенный этим странным приглашением, Эди стоит, колеблясь, не зная, что ему делать. Ситуация начинает ему не нравиться. Голос у Тузика уже пьяный, не такой твердый. Эди-бэби почему-то вспоминает обезумевшего сержанта и его черножопых солдат.

— Садись, садись! — пригибает его к земле Тузик, —

она просила. Садись! Ты ей нравишься.

Атаман нетвердыми шагами спускается по ступенькам и отходит к ограде — отлить. Девочка Атамана Галя-Коха смеется в темноте.

— Боишься? — спрашивает она Эди-бэби.

— Нет, — врет Эди-бэби, — почему я должен бояться?

— А его все боятся, — говорит Галя-Коха и опять смеется. — Кроме меня. Обними же меня, если не боишься. Мне холодно! — восклицает она притворно-жалобно.

Эди-бэби забрасывает руку за Галину спину и обхватывает девочку атамана. "Она очень теплая, — обнаруживает Эди-бэби, — девочка атамана, она сама кого хочешь согреет. Зачем ее греть?"

Галя-Коха поворачивает к нему лицо, и впервые Эди-бэби видит ее совсем близко. Она не такая уж девочка, как ему вначале показалось. Она старая! Ей точно больше двадцати лет. Может быть, даже двадцать пять. Большинство тюренских девочек перекрашено в блондинок, но девочка атамана не перекрашена, это видно по ее светло-серым глазам. Или может быть они голубые, Эди не уверен, потому что темно.

— Что смотришь? — спрашивает Галя-Коха.

— Изучаю, — находится Эди, — я же должен писать про тебя стихи.

Галя-Коха смеется.

Отливший Тузик возвращается.

— Посидел, и хватит, — говорит он покровительственно, похлопывая Эди-бэби по шее. — Ей все равно пора домой. Хочешь ее проводить? — спрашивает Тузик Эди-бэби.

Эди-бэби боится девочки атамана, он не хочет ее провожать. Кроме того, он знает, что ему сегодня обязательно нужно увидеть Светку и объясниться с ней, иначе оставшись один, он опять будет думать только о ней, опять заболит располованное сердце, или что там у него болит внутри. Душа? Медицина утверждает, что души у человека не существует, что же тогда у него болит?

— Я не могу, у меня свидание, — выдавливают он из себя. И прибавляет: — Деловое.

— Занятой ты человек, поэт, — говорит Тузик голосом, в котором можно услышать даже и угрозу. Вообще Эди начинает понимать, что Тузик не так прост, как ему показалось вначале. Во всяком случае, искусством повелевать своими подданными он владеет прекрасно. Все, что он говорит, как бы имеет двойной смысл, в одно и то же время таит и угрозу и поощрение, заставляет нервничать и недоумевать.

— Жорка! Владимир Ильич! — кричит Тузик. — Проводите ее!

Про Владимира Ильича Эди слышал. Лысый чуть ли не с пятнадцати лет, этот тюренский парень, говорят, похож на молодого Ленина, потому его так и прозвали. Впрочем, сейчас, в темноте, Эди не имеет возможности хорошо его разглядеть, к тому же на голове Владимира Ильича белая кепка, глубоко натянутая на глаза.

— Пока, поэт! — прощается Коха и неожиданно целует его в губы. Эди даже не успевает понять, что произошло, а девочка атамана уже отлепилась от него и уходит в сопровождении двух ребят.

— Я же говорю, что ты ей нравишься, — ухмыляется Тузик.

— А теперь выпьем! — кричит Тузик. — Саня! Сыграй нам про Лелю!

К своему удивлению Эди-бэби вдруг обнаруживает, что чуть ближе к ограде, там темнее, сидит среди других ребят его одноклассник — Сашка Тищенко с гитарой.

Хриплым и совсем не школьным голосом Сашка запекает:

Леля комсомолкою была. Да-да!

(и ребята подтягивают дружно "Да-да!")

Шайку блатышей она имела. Да-да!

Только вечер наступает,

Леля в городе шагает,
А за нею шайка блатьшей. Да-да!

Эди-бэби знает эту песню прекрасно, и она его всегда смущает. В песне шпана ебет Лелю "хором", только непонятно, дает ли им Леля сама, или шпана всякий раз насилует ее. По песне получается, что будто бы насилует. Тогда почему "Шайку блатьшей *она имела?*"

... Юбка порвана до пупа,
Из пизды торчит залупа,
И смеется Гришка-атаман!

В этом месте песни Саня останавливается, и Тузик вдруг пьяно смеется... Пока Тузик смеется, Саня аккомпанирует ему на гитаре. Когда Тузик перестает смеяться, Саня поет дальше. Действие в песне развивается — Лелю долго ебут "хором", как Мушку... В момент, когда шпана ебет Лелю, появляется "старый хрен" и тоже пробует стать в очередь. А шпана ему говорит:

— Старый хрен, куда ты прешься?
Что ты дома не ебешься?
Иль тебе старуха не дает?! Да-да!..

На замечание шпаны о старухе "старый хрен" браво отвечает следующее (Саня исполняет арию старого хрена гнусавым голосочком):

— Граждане, какое ваше дело?
Может, мне старуха надоела?
Старый хрен перекрестился
И на Лелю повалился,
И пошла работа полным ходом. Да-да!"

"Да-да!" — грозно подхватывает банда, размахивая бутылками...

Час спустя банда, обросшая еще множеством ребят, валит по Ворошиловскому проспекту. Тюренцы возвращаются домой от "Победы". Тузик уже жутко пьян. Он идет, опираясь на Дымка и Эди-бэби и время от времени вдруг орет: "Неужели я никого не убью сегодня!" И тяжело зависает на двух малолетках. Знаменитый штык его у него под белой рубахой и пиджаком, за поясом. Как он не наколет-ся на штык брюхом? — поражается Эди. Привычка, наверное.

Эди тоже пьян, хотя, конечно, и не так, как Тузик. Он давно бы мог уйти от банды, но неизвестно зачем, наверное из тщеславия, идет, поддерживая атамана, во главе тюренской шпаны вдоль трамвайной линии по Ворошиловскому проспекту, мимо наглухо скрытых заборами одноэтажных и даже двухэтажных частных домов. Люди на Ворошиловском проспекте живут обеспеченные — отовсюду рычат и воют на своих цепях овчарки "кабыздохи" — как их называют тюренцы; производное от выражения "кабы сдох" — если б умер, чтоб ты умер.

— Ну, неужели я никого не убью сегодня! — орет опять Тузик, сжимая своих малолеток за шеи. Рубаха у него вылезла из штанов и торчит из-под пиджака. Вид у него безумно-зловещий. Не хотел бы Эди встретиться с ним как с врагом.

Заслышав впереди гул и грохот и шум, создаваемый бандой (некоторые парни от избытка молодецкой силы отрывают от заборов доски, швыряют булыжники в кабыздохов или в легкомысленно не закрытые ставнями окна), случайные прохожие, очевидно, прячутся, спешно сворачивают, может быть, в ведущие прочь с Ворошиловского проспекта маленькие переулки. Во всяком случае, пока ребята еще никого не встретили.

— Туз! Туз! — подбегает к Тузику цыган Коля. — Там фраер с двумя девками стоит. На хуя ему две, а, Туз? Пусть отдаст нам одну!

— Пусть отдаст, да, — пьяно соглашается Тузик. — Дымок! — орет он, хотя сам опирается на Дымка. — Дымок, пойдй, вежливо попроси фраера, пусть отдаст нам одну.

Дымок выскальзывает из-под руки атамана и убегает с Колей-цыганом.

Коля-цыган был долгое время врагом Эди-бэби. Несколько лет тому назад, летом, когда Эди купался в тюренском пруду, Коля-цыган забрал у Эди новую синюю майку, взял поносить, да так и не отдал. Тогда Эди, хоть и не был уже примерным мальчиком, но все же побоялся востребовать майку. Теперь Коля-цыган ведет себя, как лучший друг Эди-бэби. Не всякому атаман доверит себя, не с каждым пойдет в обнимку. Несмотря на пьяное беспокойство интуитивного Эди, он признается сам себе, что ему приятно играть роль друга атамана, его кореша, и идти вместе с ним во главе сотни головорезов, по крайней мере половина из которых готова за него в огонь и в воду. Эди оглядывается. Вооруженная чем попало, валит банда... Ну и сила! — восхищенно думает Эди.

В этот момент Тузик дергается вперед и едва не опрокидывается вместе с Эди...

Впереди, у ворот одного из домов, Дымок и Коля-цыган разговаривают с мужиком и двумя девушками. Без крика. Тихо.

— Неужели я никого не убью сегодня! — намеренно громко стонет Тузик, и они подходят к группе.

— Не хочет он, Туз, отдавать одну нам. Говорит, ему обе нужны. Одна, говорит он, его сестра... — ласково общается Тузику Коля-цыган и тотчас комментирует почти равнодушно: — Врет, конечно.

Тузик освобождается от помощи Эди-бэби и как бы становится трезвее. — Не хочешь? — спрашивает он мужика.

Мужик молчит.

Теперь, подойдя вслед за Тузиком к группе, Эди наконец получает возможность рассмотреть и девушек, и мужика. Мужик здоровенный, потому он и не спрятался, как все нормальные прохожие, в переулок, понадеялся на свою силу. Здоровенный и взрослый. Мужику лет тридцать, и по одежде судя, он явно приехал из центра города. На нем короткое драповое пальто бежевого цвета, он без шапки, черноволосый. Стоит, хлопает глазами, в то время как их окружает все гуще и гуще подходящая постепенно шпана.

Девки испуганно прижались друг к другу и к забору. Девки тоже взрослые, наверняка живут на Салтовке в общешитии. Подружки. И как обычно в таких случаях, одна страшная и толстая, а другую даже можно назвать красивой — во всяком случае, она высокая, светлорусые ее волосы подняты кверху и подтянуты с висков, на губах полустертая фиолетовая помада. Мужик наверняка познакомился с подружками у "Победы" и пошел их провожать. Мудак, — думает Эди презрительно, — что стоило спрятаться в переулок и подождать, пока пройдет банда. Нет, блядь, решил сыграть перед девками героя. Вот теперь заплатит за это... Идиот!

Тузик вдруг ласково улыбается: — Боишься? — спрашивает он мужика.

— Не боюсь, не боюсь я вас, шакалы! — вдруг огрызается мужик. — Не боюсь!

— Ты чего? — наигранно удивляется Тузик. — Что с тобой, милый? — еще ласковее добавляет он и вдруг обнимает мужика за плечи.

Эди-бэби знает этот азиатский подлый тюренский прием — заговорить жертве зубы, прикинуться ласковым, расположить жертву к себе, и когда она совсем уже поверит в твою доброжелательность, вдруг неожиданно ударить ее ножом, или прутом по голове, или цепью, Коля-цыган, тот носит цепь вместо пояса на брюках...

Мужик пытается высвободиться, но Тузик не слабый человек, хоть и пьян. Он прижимает мужика к себе и шепчет ему, чуть уводя его от девок: — Друг! Будем друзьями! Зачем нам ссориться, а?..

Мужик не верит Тузику, но он стоит один в толпе пьяной молодежи, и шансов у него почти нет. Разве только милиция примчится немедленно на пяти автомобилях, с одним тут делать нечего, но это почти исключено. Поэтому мужик идет с обнимающим его Тузиком, который продолжает шептать ему что-то ласковое, что, Эди уже не слышит, так как их разделяют теперь с десятков метров...

— Ребята, отпустите девушек! — вдруг раздается спокойный голос Тузика.

Это сигнал. Дымок оглушительно свистит и кидается под ноги светловолосой.

— Не надо! — кричит та. — Мальчики! Не надо!

Колька-цыган распахивает на ней пальто и рвется к ее груди, срывая пуговицы, распахивает кофточку и одним движением рвет с ее груди лифчик...

— У-у-у! — ревет толпа в восхищении на вывалившиеся груди. Снизу Дымок орудует у светловолосой под юбкой, слышен треск разрываемой материи, и девка, причитая: "Мальчики, родненькие, не надо! Ой!..." — валится на Дымка. Дымок всегда хватается девок за пизду, так что сопротивляться уже бессмысленно. Колька-цыган и Дымок профессионалы.

Вторую девку тоже атаквали, и первым делом кто-то срывает с нее часы. "Золотые!" — раздается удовлетворенный голос. Десятки рук хватают девок и рвут на них одежду. Через несколько минут на толстой страшной девке висит сразу несколько малолеток, пальто с нее давно сняли, рукава и весь перед ее блузки оторваны — большая грудь с темными коричневыми сосками беспомощно болтается из стороны в сторону. Руками девка защищает самое важное — свою пизду. Про груди она забыла. Все происходящее очень походит на обычное "зажимание", кото-

рое Эди и его друзья в свое время практиковали в школе (теперь Эди из этого вырос, и мальчики его класса стали даже стесняться девочек), только то, что происходит сейчас, куда более серьезно и грубо.

В стороне, ближе к трамвайной линии, слышна возня и вскрики — очевидно, Тузик с ребятами бьют мужика.

— А-а-а-а! — раздается вдруг пронзительный вопль боли. И опять удары и ругательства: — На, блядь! На! Хотел? Получи! Хотел? На!

Что они его, ножом, что ли? — не понимает Эди. Все старшие ребята куда-то исчезли. Вокруг Эди одни малолетки. Где старшие ребята? — думает Эди.

Один из малолеток вдруг изо всей силы бьет толстую девку по лицу. — Сука! — кричит он. — Укусила меня!

Из разбитых губ и носа толстой девки течет кровь. Кровью забрызгиваются постепенно и ее огромные и безобразные кочаны груди.

Малолетки совсем уже ободрали толстую. Только на поясе у нее болтаются остатки платья. Глядя на большой живот толстой девки, который она все еще прячет руками, Эди внезапно очень хочется схватить ее за живот. Он столько раз видел такой живот, мягкий и выпяченный вперед, в своих снах. Сейчас самое подходящее время попробовать, какой же у них живот на самом деле. Когда же, как не сейчас, — думает Эди. — Все равно никто никогда не узнает, малолеток столько, что и арестовывать их всех нет смысла, — убеждает себя Эди, все еще колеблясь. Никогда никто не узнает, — трусливо повторяет он себе, и, наконец решившись, прыгает к девке.

Живот у девки оказывается теплым. Девка уже не сопротивляется, она закрыла глаза и медленно съезжает вниз. Если бы не держащий ее сзади со спины Тимур, в его шинели, девка давно бы свалилась на холодный ноябрьский асфальт. Другие пацаны хватают девку за ляжки, тискают и щиплют, смеясь, куски мяса и попеременно лазают руками в ее пизду. Эди тоже, тяжело дыша, опускается на

колени, и все еще держась одной рукой за живот девки, другую спускает на ее волосы, жесткие, как проволока, а когда один из пацанов вынимает свою кисть из пизды, напоследок щипнув девку изо всей силы, отчего она мычит: "М-м-м-м!", Эди сует руку в девкину скрытую волосами дыру. Там мокро и холодно у девки, хотя должно быть тепло. Эди отдергивает руку, вынимает ее и рассматривает. На руке его слизь и кровь...

Кровь из девкиной пизды почему-то отрезвляет Эди, он вдруг опять слышит все вокруг. Откуда-то неподалеку раздаются стоны. "Ох-ах-ох", — ритмически стонет где-то другая девка. "Ох-ах-ох..."

На тот момент, в который он исследовал толстую девку, Эди как бы оглох, сейчас все звуки включились опять. Ликуя, разинув оскаленные рты, малолетки сваливают девку под забор. Эди отходит от них и идет в направлении стонов...

Светловолосую девку, оказывается, ебут, положив ее в переулке на ее же пальто. Теперь Эди понятно, куда девались все старшие ребята. Старшие все здесь. Они, пересмеиваясь и потягивая из бутылки вино, у кого-то оказывается еще осталась бутылка, ждут своей очереди.

Ноги девки задраны вверх и в стороны, на ней лежит, опираясь на руки, зад гол, штаны сбились ему на щиколотки, один из парней, и то надвигается на девку, то чуть-чуть от нее отодвигается. Девка не сопротивляется, очевидно, давно — ее стоны спокойны. — Ох-ах-ох, — расслабленно стонет она. И опять: — Ох-ах-ох...

Очень белыми, в темноте переулка, руками своими девка обхватила спину парня, и их движения сопровождаются чавкающими звуками, как будто кто-то неряшливо ест. Вениамин Иванович обычно не любит, когда неряшливо едят, — почему-то думает Эди.

Вдруг парень начинает двигаться на девке быстро-быстро и, наконец, скорчившись, шипит: — А-а-а! — и съезжает с девки. Кончил.

Очень белая в темноте, почти голая, только чулки, съехавшие к ступням и собравшиеся там нелепыми жгутами, на ноябрьском воздухе лежит девка и болтает ногами, наверное в истерике. — Ну? — вопросительно хрипит она. — Ну же?!

— Вот то-то. Нравится, — говорит один из парней, — а то корчила из себя целку.

— Нравится новый хуй, сука? — спрашивает ее злобно новый парень, становясь на колени и всовывая в девку член.

— М-м-м-м! — мычит девка, как бы от боли.

— Нравится здоровый хуй, блядь? — опять спрашивает парень, зло хватая девку за бока и надвигая себе на хуй.

— М-м-м-м-да! — выдыхает девка с трудом.

— Сейчас он ее пропесочит своим бревном, — пьяно усмеваются парни. — Прочистит ей духовку. У Мишки хуй, как у слона!

Эди думает, прислоняясь к забору: "И вот это называется ебля. И так вот все мужчины и женщины на Салтовке, и в Харькове, и в мире лежат вместе и делают так. И так, наверное, Светка делает с Шуриком".

Под новым парнем девка дышит все сильнее и шумнее. "У-у-у-у-у-у!" — завывает она. "У-у-у-у-у!" — выдает девка еще одну трель-стон и вдруг пердит. Парни зло смеются...

И что же, так и Светка делает? — спрашивает себя с ужасом Эди. — С Шуриком? А должна бы со мной, — растерянно думает Эди. Ему становится страшно. Он вдруг понимает, почему Светке нравится Шурик. Он вспоминает некрепкие, но усы Шурика, его грубую обветренную кожу на щеках, его большие, корявые семнадцатилетние грубые руки. Светке, как и этой девке, и другой девке, и любой, в конце концов приятно, когда ее теплый и мягкий живот и мягкое тело хватают такие грубые, шершавые руки. По контрасту, — думает Эди. — И Мушке приятно...

Впервые за всю его жизнь Эди вдруг ясно видит, что

в конкурентной борьбе зверей мужского пола у него хуевые изначальные данные, чтобы выиграть. Пальцы его рук слишком длинные, кожа на лице слишком нежная, и благодаря мамочке-полумонголке, — с неприязнью думает Эди о матери, — почти не растут усы и борода. Как может полюбить такого человека Светка, сама нежная, тонконогая и незащищенная? Вон Шурик посадит ее на свои высокие волосатые колени, обхватит жесткими руками-граблями, потрется срезанной бритвой щетиной о нежную Светкину щеку, и Светка, наверное, чувствует себя в безопасности...

Осторожно, боясь, что кто-нибудь его остановит, Эди движется к источнику своей боли, в сторону Салтовки идет он, лавируя между смеющимися и пьяно ругающимися ребятами, к Светке движется Эди, даже не понимая зачем, но к Светке.

У самой трамвайной линии несколько ребят стоят и на что-то смотрят. В луче фонаря (а у всех тюренцев есть с собой карманные электрические фонари, пробираться ночью в родительские деревянные дома, не включая свет), лежит избитый мужик. Эди на минуту останавливается посмотреть. Мужик лежит на животе, одна его рука неестественно заломлена под живот, другой руки совсем не видно. Пальто его уже не бежевого, но темно-грязного цвета, очевидно пропиталось кровью. Лица его не видно, вместо же уха и щеки — грязное и кровавое месиво. Мужик не двигается.

— По-моему, — шепотом и озираясь, говорит Эди Сашка Тищенко, с гитарой на спине абсурдно выглядящий в этой ситуации, — Тузик все-таки саданул его в живот штыком. Замочил, наверное...

Помолчав, Сашка продолжает: — Его уж очень долго били... за нож. Нож у него был. Он Вальке Фитилю руку порезал, ну, ребята и озверели. Цепями били и штакетником. Каждый по разу приложился — много ли надо...

Опять помолчав, Сашка вздыхает и говорит, ни к кому не обращаясь, может быть сам себе:

— Сваливать нужно... Пока мусора не появились. Точно мертвый, не движется, — подытоживает он и выключает фонарь. — Не повезло человеку...

28

Когда Эди добирается до Светкиного дома, стоит уже глубокая ночь. Только найдя себя уже в Светкином дворе, Эди обнаруживает, что он не знает, что дальше делать. Определенного плана у него нет. Пришел он сюда, повинувшись инстинкту. В Светкином же дворе инстинкт оставил Эди-бэби.

Светкины окна выходят не во двор, а на другую улицу. Эди-бэби осторожно, как преступник, хотя чего ему, собственно, бояться, обходит Светкин дом и, отойдя немного от дома, разглядывает Светкины окна на втором этаже. Окна темные. Или никого нет в доме, или те, кто есть, спят.

Вспомнив, что еще два Светкиных окна, а именно — в ее комнате, выходят на другую сторону, Эди огибает дом и разглядывает два другие Светкины окна. Шторы задернуты, но все равно, если бы был свет, было бы видно.

Именно потому, что людская молва утверждает, что Светкина мать проститутка, у них со Светкой на двоих отдельная квартира из двух комнат. Только такой человек, как Вениамин Иванович, может умудриться, будучи мусором, не иметь отдельной квартиры, — зло думает Эди об отце. Этой ночью он обо всех зло думает.

Подняться и позвонить в дверь? — размышляет Эди. — Но если мать Светки дома, то она ужасно рассердится, сейчас, должно быть, уже больше двух часов ночи. Между двумя и тремя часами сейчас, — решает Эди. — А если матери нет, и Светка с Шуриком? — думает Эди. — Что тогда? Взяв к "Победе" тетрадку со стихами, Эди забыл захватить свою бритву. — С этим Кадиком, стилигой, ну его на хуй! —

злится Эди. — Что он будет делать с Шуриком без бритвы? Бить Шурика без бритвы?.. — Эди не знает, он полупьян и не может собраться с мыслями. Эди стоит и смотрит на окна.

К концу второго дня Октябрьских праздников большинство салтовских жителей утомились праздновать и легли спать пораньше — во многих окнах темно — они залиты черным. Но несколько неугомонных компаний еще догуливают праздники — из приоткрытых окон слышится музыка, Эди-бэби краем уха улавливает все то же модное: "Черное море мое... Черное море мое..."

Вернувшись во двор, Эди усаживается за доминошный стол и сидит некоторое время, положив локти на стол и закрыв лицо руками. Голая ветвь большого дерева дрожит на ветру перед фонарем, и потому смазанные тени от ветви, чудовищно увеличенные, все время колышутся на поверхности стола и на Эди-бэби, создавая впечатление, что стол и Эди непрерывно движутся.

Почему-то вспомнив, что у него в кармане лежит "первый приз" — коробка домино, Эди вынимает коробку и машинально раскладывает домино по столу. Убить Светку? — думает Эди. — Убить Шурика? Убить и Шурика и Светку? Никого не убивать? — думает Эди... Он не боится убить, но его останавливает маленькая техническая деталь — отсутствие бритвы, — орудия убийства. Выкладывая домино на стол, Эди внезапно понимает, что он не убьет сегодня никого. Нечем. А завтра, — думает Эди, — он уже не найдет в себе сил убить Светку или Шурика или их обоих. Потому что завтра будет день. А до этого он будет спать. А пока он будет спать, самая решительная часть его боли выйдет из него и останется только та боль, с которой ему придется жить.

Глупо, — думает Эди, — глупо было не взять бритву. Изза того, что взял тетрадь со стихами, оставил бритву дома в пиджаке. Дурак, — с горечью думает Эди, потому что ему хочется поступить так, как его обязывает тюренский

и салтовский неписанный закон. Эди хочется убить. Ребята, шпана — общественное мнение — оправдает его за это убийство, он будет долгое время героем для ребят, потому что он поступил "как надо". Расстрелять его не расстреляют, он малолетка, но дадут самое большее 15 лет, больше наказания в Уголовном кодексе нет. Мудак! — шепчет Эди, — всегда был и будешь мудаком, — обращается он к самому себе.

Что-то с ним не то, — думает Эди. Наверное, он все-таки особый, другой чем ребята. Это в сущности очень трудно определить — другой ты или такой же, как они, потому что в чужую шкуру влезть невозможно. Конечно, ребята не пишут стихов, не умеют, но то, что Эди умеет писать стихи, вовсе еще не свидетельствует, что он не такой, как все. Но если бы он был такой, как все, он бы ебал Светку. А он не ебет...

В одном из подъездов Светкиного дома, в том, который посередине, не в Светкином, слышны шаги, кто-то спускается по лестнице. Когда спускающийся, посвистывая, вываливается на улицу, Эди узнает его — это Гарик. Ничего удивительного в присутствии здесь Гарика в три часа ночи нет, его Ритка живет в одном доме со Светкой.

— Здравствуйте, поэт, — церемонно приветствует Гарик Эди, узнав его. И увидав на столе домино, качает головой и, поднеся палец к виску, выразительно крутит пальцем...

— Чокнулся? Совсем? Сам с собой в домино играешь среди ночи?

— Светку жду, — говорит Эди.

— А разве она не дома? — удивляется Гарик. — Мы когда с Риткой пришли, я ее во дворе встретил, она домой шла.

— Одна? — спрашивает Эди. Сердце его замирает. Он так хочет услышать от Гарика в ответ "одна".

— Нет, — говорит Гарик неохотно. — Не одна. С этим вашим приятелем, как его — Иван... что-то... Иванков-

ский?.. — неуверенно спрашивает Гарик.

— Иванченко, — сурово поправляет его Эди. — Только он не мой приятель. Он Светкин приятель. Давно ты ее видел?

— Не знаю... полчасика назад, час? — пожимает плечами Гарик. — А вы что же, разругались? И к Плотникову не пришли, все вас ждали, — говорит Гарик.

— Ну, как было? — для приличия спрашивает Эди. На самом деле ему все равно, "как было" и он ждет, чтобы Гарик скорее ушел, чтобы подняться к Светке. И... что "и", Эди не знает. Вбежать в квартиру, оттолкнув Светку... и, может быть, задушить этого Шурика, чтоб его никогда на земле и не было...

Однако от Гарика не так легко отделаться. Морфинист любит бродить ночами, попиздеть тоже любит.

— Весело было, — говорит Гарик. — И твоя подруга Ася была... Плохо выглядела, — констатирует Гарик.

Он любит, чтоб все плохо выглядели, только он и Ритка хорошо. Гарик сука и корчит из себя аристократа, хотя мать его всего-навсего медсестра, даже не доктор. Из-за того, что мать его медсестра, Гарик и сделался морфинистом. Мать его ходит по домам к очень больным и делает им уколы морфия, чтобы снять боль. Потому ампулы с морфием в доме никогда не переводятся. Только недавно мать Гарика обнаружила, что сын ее ворует у нее ампулы и колется морфием уже несколько лет...

Почему она раньше этого не замечала, Эди понятно — он знает истеричку, мать Гарика, ее саму следует каждый день колоть морфием, такая она дерганая. Куда уж ей ампулы с морфием считать, ей бы успокоиться хотя бы... Теперь Гарик вынужден доставать морфий другими путями. Покупать. И потому ему всегда очень нужны деньги. Один раз Гарик-морфинист даже участвовал с ними — Костей, Эди, Ленкой Тарасюком, — во взломе магазина. Толку от него было мало.

Гарик, к ужасу Эди, садится с ним рядом на лавку и тоном заговорщика вдруг требует:

— Покажи мне свою левую руку.

— Зачем? — досадливо спрашивает Эди.

— Я теперь умею гадать по руке, — говорит Гарик. И, не спрашивая Эди, хватает его левую руку и вглядывается в ладонь...

— Ну и рука у тебя, как у обезьяны! — замечает Гарик. — Старая какая-то. Ладонь ужасно старая.

— Ты гадать взялся или критиковать меня будешь? — спрашивает Эди. Его очень интересует собственное будущее, всегда интересовало, тюренские цыгане много раз хотели ему погадать по ладони, но он отказывается. Вениамину Ивановичу как-то цыганка нагадала, что жена у него будет Рая, вот у него уже 16 лет как жена Рая. Эди-бэби не хочет жену Раю.

Наклонившись над ладонью Эди так низко, что все его волосы, а у Гарика волосы до плеч, повисли вниз, Гарик изучает ладонь Эди-бэби...

— Так, — говорит Гарик. — В возрасте тридцати с лишним лет ты должен умереть.

— Спасибо! — злится Эди и выдергивает свою руку. — ... Нагадал.

— Чего ты злишься? — мирно говорит Гарик. — Все помрем. Один раньше, другой позже. После тридцати с лишним у тебя обрывается линия жизни. Правда, есть намерение, что ты почти умрешь, но может быть, выживешь... Вот если выживешь, будешь жить долго, очень долго...

— А точно ты не можешь сказать, когда это произойдет, чтобы я хоть приготовился? — полунасмешливо, полусерьезно спрашивает Эди. — Завещание составил. — Приговор Гарика его тревожит.

— Что это тебе, алгебра? — спрашивает Гарик важно. — Хиромантия не в состоянии давать точных дат. Мы только можем предсказывать, что случится. Дай посмотреть, что у тебя по части любви...

Гарик мнет ладонь Эди, рассматривает, даже скоблит ладонь ногтем.

— Да, не хуево, — объявляет Гарик. — Я даже завидую тебе. С любовью у тебя все в порядке.

Как бы не так, — грустно думает Эди-бэби. — Как же, в большом порядке. Нашел Гарик, кому позавидовать... Он-то ебется со своей Риткой, и это точно.

— Ни хуя себе! — искренне восхищенно возглашает Гарик. — У тебя, старик, двойная Венерина дуга на ладони, что по всем книгам означает необычайную половую активность. Ебальный гигант! — возвещает Гарик. — Одинарная дуга, и то редкость. Двойная же — редчайший подарок судьбы. Правда, она у тебя разорвана в нескольких местах — Венерина дуга. Это неврозы, — шпарит Гарик.

Гарика делать не хуй, вот он и учится хиромантии по старым книгам. Школу Гарик бросил и целыми днями сидит у своего дома на скамеечке, теребя струны гитары. Он даже не одевается — часто сидит в халате и домашних тапочках. Никто на всей Салтовке не имеет халата, даже Плотников, а Гарик имеет. Гарик сидит, почесывает ногу о ногу и тихо напевает какие-то песни, которые кроме него на Салтовке никто не знает. Самая любимая песня Гарика — о кокаине:

Перебиты, подрезаны крылья,
Мне судьба улыбается зло,
Кокаина серебряной пылью
Все дороги вокруг замело...

Гарик утверждал, что он пробовал кокаин. Может быть, да, может, нет, — думает Эди. Эди читал в одной книге, что кокаин всю нюхали во время Гражданской войны развратные белые офицеры и еще знаменитый Женский батальон. С той поры о кокаине никто не слышал. Может быть, он исчез. Вот морфий есть. Гарик раз уговорил Эди попробовать один укол и всадил ему сам шприц в вену.

Эди совсем не понравилось, он после укола почувствовал себя слабым и растерянным, и ему захотелось блевать. Гарик объявил тогда, что Эди ни хуя не понимает в кайфе и он только зря извел на Эди морфий.

Гарик еще что-то бормочет о линии сердца, но слова доносятся до Эди как бы издалека. Он думает, что хиромантия их — сплошной обман и средневековое изуверство. Реально одно: несмотря на две Венерины дуги, Светка, по видимому, бросила его и выбрала Шурика. Если б она хотела сохранить в тайне то, что она не поехала в Днепропетровск, а осталась на Салтовке, она бы не показывалась на улицах, да еще с Шуриком.

— Я пошел, — объявляет Эди и поднимается.

— А домино? — спрашивает Гарик. — Домино-то был...

— Возьми себе! — бросает ему Эди, не оборачиваясь. Он шагает к Светкиному подъезду. Только сейчас он понимает, что уже полчаса он трусит пойти к Светке и спросить ее, что все это значит. Трусит, оттягивает неприятное.

29

Светка живет в квартире 14. Как раз число Светкиных лет. Эди подходит к двери и поднимает руку стучать, но, постояв с поднятой рукой, вдруг прикладывает ухо к двери и слушает... Ему кажется, что за дверью слышна тихая музыка. А может быть, только кажется. Если прикрыть дверь в Светкину комнату, то оттуда, через две двери, ничего не будет слышно, — думает Эди. Тем более тихая музыка.

Эди стучит все-таки. И ждет.

Никакого ответа. Отчасти Эди обрадован, что никакого ответа — может, Светки нет дома. Но уйти, постучав только раз, да и то не очень сильно, Эди не может. Сейчас ночь и все спят, и, может быть, спят крепко, утомившись

после праздников, и чтобы разбудить Светку, нужно стучать сильнее. Он стучит опять, на этот раз сильно, долго и настойчиво. Стучит и прикладывает ухо к двери.

На этот раз он явственно слышит шаги, стук, может быть, двери и даже, кажется, сдавленный шепот. Потому он, как возбужденное животное, предчувствуя беду, теперь уже не стучит, а крушит дверь кулаками, градом ударов осыпает Эди Светкину дверь с номером "14".

— Кто там? — наконец слышен испуганный Светкин голос за дверью.

— Открывай! Это я, Эди, — выдавливает он из себя и опять стучит, атакует дверь.

— Не сходи с ума! — сердится Светка за дверью. — Сейчас открою, оденусь только... — И она топчет в глубину квартиры, очевидно вышла босиком.

Эди прислоняется к двери лбом и внезапно понимает, что он почти плачет. Ебаная Светка! — думает он. — Блядь Светка! При чем здесь Шурик, это она во всем виновата! Это ее решение, ее злая воля заставляют Эди стоять тут под дверью больным и сумасшедшим. Эди чувствует себя так же, как в свое время после Гарикиного морфия, — ослабленно-плаксиво, противно и беспомощно...

Дверь распаивается. На пороге стоит Светка, злая-презлая, в материном халате.

— Как тебе не стыдно! — шипит Светка, — ты что, не мог выбрать другого времени... сейчас четвертый час ночи!

Не слушая Светку, Эди проходит, резко оттолкнув ее, мимо Светки в квартиру и заглядывает в ее спальню. В спальне разложен диван-кровать, на постели — розовые простыни. Материны постелила — знает Эди.

— Что ты делаешь? — бежит за ним Светка. — Это не твой дом! Не смей идти в мамину комнату! — кричит она, увидав, что Эди направляется туда. — Она спит! — кричит Светка и хватается Эди за руку.

— Эх, ты! — восклицает Эди презрительно. — Эх, ты! — повторяет он. И, вырывая руку, он толкает с силой

дверь в комнату тети Клавы. Ему уже все равно, он на 100% уверен, что там Шурик.

Шурика в комнате матери нет. Но матери там нет тоже. Эди подозрительно оглядывает углы и, пройдя к шифоньеру, там свободно могут уместиться три Шурика, такие на Салтовке огромные шифоньеры, распахивает его. Рывком. И роется среди пропахших духами платьев Светкиной матери...

— Сумасшедший! — кричит сзади Светка. — Я всегда говорила маме, что ты сумасшедший! Это она заставляла меня встречаться с тобой, говорила, что ты хороший. Ты мне никогда не нравился! Уходи! Немедленно уходи! — кричит Светка. — Вон! Вон из моего дома! Вон! — кричит она. — Уходи, а то я позову милицию! — визжит Светка.

К его собственному удивлению, эти вопли дико злят Эди. Что она верещит, как дурная свинья, — думает Эди. Он хватает Светку за плечи и трясет, трясет ее изо всех сил, так что кукольная голова Светки тоже трясется. — Блядь! — говорит он. — Так ты, значит, едешь в Днепропетровск, да? Вся Салтовка видела тебя вчера с Шуриком, все тебя видели. Все! — кричит Эди. И опять трясет Светку что есть сил.

Светкин халат распахивается, и под халатом обнаруживается голая Светка, только розовые шелковые трусики на ней. Розовые эти трусики висят на Светке, они явно тоже принадлежат ее матери, как и халат.

— Проститутка! — кричит Эди. — Вся в мать. Проститутка! — И он хватает внезапно зарывавшую Светку за живот, за ее материны, скользкого шелка трусики. — Сними эту проституточную тряпку! — кричит он. — Что, тоже хочешь быть проституткой, как мать? Учишься? Тренируешься! — кричит Эди, ненавидя в этот момент Светку всей душой. Светка плачет и сопротивляется.

Сплетясь вместе, как отчаянные враги, они падают на пол. Эди сдирает-таки со Светки трусы ее матери, и Светка лежит теперь на полу под ним совсем голая, прикрывая ла-

дошкой свою пизду. Она, отвернув голову, уже не плачет, а только тяжело дышит, закрыв глаза...

Эди чувствует такую страшную злобу к Светке, что ему хочется сделать ей больно. Одной рукой он хватается за Светкину грудь и щиплет ее за маленький розовый сосок.

— Ой! — выдыхает Светка.

Эди обеими руками теперь мучает Светкины самые белые на свете маленькие груди и вдруг говорит неожиданно для себя:

— Ну, так тебя зажимал Шурик, да? Так?

Светка почему-то совсем не вырывается из рук Эди, она только лежит и тяжело дышит. И почти не веря в это, Эди понимает: "Светка ждет, что он сейчас ее выебет". Открытие это поражает Эди, он ясно видит, что тяжело дыша, уже не кукла, а живая, розовая Светка, розовая от драки, произошедшей между ними, молча, таинственно дыша, ждет его член.

— Он ебал тебя, да? — зло говорит Эди, чувствуя, как его член встал и налился живой кровью, оттого что он впервые сказал Светке это слово. — Он ебал тебя в пизду, — произносит Эди. — Я знаю, он ебал тебя в пизду, — повторяет лихорадочно Эди, расстегивая брюки, вынимая член...

Светка вздрагивает, когда Эди касается членом ее поросшего светлыми волосами холмика. Она еще раз вздрагивает, когда член Эди упирается в какую-то ее кость. В третий раз член Эди уже не упирается в ее кость — он свободно входит куда-то в Светку. Свободно, потому что в Светке там мокро и скользко. "А-а-а-х!" — стонет Светка.

— Так он тебя ебал? — злорадно спрашивает Эди, водя хуем в Светке. — Так, да? Эди видит, как Светка облизывает губы, но молчит, как бы прислушиваясь не к словам Эди, а к чему-то другому. Она прислушивается к своему хую... — думает Эди с ужасом. — Кто ее научил? — думает Эди. Или она родилась с этим. Он тоже замолкает и ебет Светку, вдвигая свой член в нее и выдвигая. Каждый раз, как Эди вдвигает член, Светка чуть движется вперед, а ко-

гда выдвигает — Светка как бы следует за его членом.

Внезапно он обнаруживает, что его хуй и Светкина пизда чавкают. Точно так же, как чавкала пизда той светло-волосой девки, которую тюренцы ебли хором. От воспоминаний о той девке и сравнении ее со Светкой, мысленно Эди меняет их местами, Эди вдруг дергается несколько раз в Светке, дергается быстрее и быстрее и почти неожиданно для себя вдруг кончает в Светку. При этом он чувствует себя очень нехорошо, как будто бы стыдно, и очень гадко даже. Кончить в Светку совершенно не одно и то же, что кончить, когда онанируешь, почему-то Эди-бэби стыдно, как будто он проявил ужасную слабость, недостойную мужчины...

Некоторое время он лежит на Светке молча, бессознательно целуя ее в шею. Когда же он наконец подымает голову от Светкиной шеи, он видит, что Светка насмешливо-задумчиво смотрит на него. Как бы чуть даже презрительно, сквозь высохшие слезы.

— Ну что? — спрашивает Светка тихо. — Ты видишь, ты опоздал.

Эди вначале даже не понимает, что Светка имеет в виду, под этим "опоздал". Он недоуменно смотрит на Светку.

— Как видишь, — говорит Светка, — я уже не целка. — Говорит она цинично-спокойно, как бы совсем другая женщина, а не та Светка, которую он знал до сих пор, разговаривает сейчас с Эди-бэби. "Целка" в ее устах звучит противно, как будто сказал это Вовка Золотарев или Славка Цыган. Грязно как-то звучит. Так вот она какая Светка на самом деле, — думает Эди.

— Шурик? — спрашивает он.

— Какой там Шурик, — презрительно усмехается Светка. — Два года назад еще меня трахнул один из отцовских друзей, пьяный был. Отец уже умер с перепоею, а друзья его к нам все еще ходили. "Заботились об одинокой вдове с ребенком", — саркастически передразнивает кого-то Светка.

— А Шурик? — спрашивает Эди.

— Дался тебе этот Шурик, — говорит Светка почти дружелюбно. — Ну, и Шурик, — добавляет она смело и усмехается. — Не переживай, — говорит Светка, — я его не люблю. Я никого не люблю...

— И меня не любишь? — спрашивает Эди зло. Он поднялся на локте и смотрит на Светку во все глаза. Он не может до сих пор поверить, что это та самая Светка, с которой он расстался до праздников — три дня назад. Всего три дня назад.

— Ты мальчик, — отвечает Светка задумчиво. — А я женщина. Мужчина должен быть намного старше женщины, потому что женщина созревает быстрее. Так чтобы быть равными в постели, мужчина должен быть намного старше. Лет на десять минимум, — заключает Светка.

Эди-бэби, стесняясь, подтягивает брюки, встает, застегивается, но Светка продолжает лежать на полу. Снизу, с полу, она вдруг говорит Эди:

— Я очень испугалась тебя, извини. Вообще-то я собиралась давно тебе все рассказать, но все оттягивала... Боялась... Мать говорит, ты такой чувствительный, к тебе нужен особый подход. Потом ты всегда ходишь с этой ужасной бритвой... — Светка замолкает.

— Я тебя хоть раз обидел? — спрашивает Эди.

— Один раз показывал нож... — говорит Светка.

Эди-бэби подбирает с полу свою тетрадку со стихами. Во время потасовки тетрадь выпала из кармана куртки.

Светка встает и опять натягивает материн халат. — Уходишь? — спрашивает она грустно.

— Ответь мне на один вопрос, — обращается к ней Эди задумчиво. — На хуя ты во все это играла? Знаешь... поцелуи, зажженный газ у тебя на кухне, вино, я, мудака, читающий тебе свои стихи... Если ты меня не любила, зачем все это?

Светка молчит, потом, трудно подыскивая слова, говорит:

— Видишь ли, ты этого сейчас не поймешь... Дело в том, что в каком-то смысле я тебя любила и люблю...

Эди насмешливо и зло кивает головой. — Я вижу, — говорит он. — Ты меня любишь.

— Да, люблю, — говорит Светка, — но не как мужчину. Мне всегда нравилось с тобой разговаривать, и ни с кем я не чувствовала себя так уютно, как с тобой. Мне было очень с тобой интересно... Ты необыкновенный парень...

— Кончай, — морщится Эди. — Можно и без этого...

Светка замолкает.

— Ну, я пошел, — говорит Эди. — Прощай! — говорит он.

— Никогда не говори "Прощай!" — это очень грустно, — хмурится Светка. — Говори "До свиданья!" Ты придешь к нам завтра на обед? Мама придет утром и сделает праздничный обед. Она просила, чтоб ты пришел обязательно. Она тебя очень любит, — добавляет Светка.

— Ну, до свиданья! — говорит Эди и под задумчивым взглядом Светки выходит из квартиры. Он знает, что не до свиданья, а "прощай". Он никогда больше не вернется в квартиру номер "14". Никогда.

Когда Эди, повернув на площадке лестницы, оказывается лицом к Светке, которая все еще стоит в дверях, Светка говорит неуверенно: — Хочешь остаться со мной?.. На всю ночь?.. — говорит Светка, но Эди ничего ей не отвечает.

На улице как будто еще больше похолодало, и Эди зябко запахивает свою куртку. Люди заслуживают того, чтобы их убивали. Когда я вырасту совсем, я обязательно буду убивать людей, — думает Эди.

На столе, мимо которого он проходит, все так же лежит домино. Гарик только выложил домино в один большой замкнутый круг.

Рано утром Эди выходит из сарая Вовки Болотаренко, где он провел ночь, совершенно замерзший. Домой ему идти ночью не захотелось. Не хотелось видеть заспанное лицо матери, не хотелось отвечать на ее вопросы, не хотелось отказываться от еды, которую она будет предлагать, и слушать ее сегования на то, что у всех дети как дети, а ее сын — негодяй и приходит домой в четыре часа ночи. Эди-бэби хотел побыть один и подумать.

Ключи от сарая Вовка давным-давно дал Эди. Так, на всякий случай. Эди до этого сараем никогда не пользовался, но теперь как раз случился "всякий случай". Вовка только не сказал Эди, что в сарае у него полно крыс, а может, он этого и не знал.

Взгромоздившись на старую дверь, которую он положил на две бочки, Эди полежал только несколько минут спокойно. Вернее, беспокойно, он думал о словах Светки о том, что с ним, Эди, случилось, но первые несколько минут в сарае хотя бы было тихо. Потом послышались первые шорохи, и скоро весь сарай наполнился невидимой возней. Вначале Эди-бэби думал, что это мыши, но в тусклом свете единственного в сарае менее чем полуметрового окна он вдруг, даже с его близорукостью, заметил тут и там глаза. Мороз пробрал Эди по коже, и он стал одну за другой зажигать спички, пытаясь разглядеть, что происходит...

По сараю бродили десятки крыс. Хвостатые и противные, они, попискивая, тыкались в углы, обходили доски, топали по старым чемоданам и коляскам, принадлежащим многолетней семье Болотаренко, взбирались даже на их уголь. Эди-бэби подумал, что все это полчище вполне способно забраться по бочкам и к нему на его дверь или свалиться на него с не внушающего доверия щелястого потолка, посему Эди решил принять свои меры. Достав тетрадь со стихами, Эди стал вырывать пустые страницы, зажигать

их и бросать их в крыс. Крысы не спешили уходить, хотя и явно боялись огня, но уходили медленно и не все сразу. Они только переместились в углы, подальше от Эди-бэби и его горящих снарядов, и там, в углах, невидимо попискивали.

Чистые листы кончились, и Эди, поразмыслив несколько секунд, решительно вырвал первый лист со стихами и поджег его. Скрючиваясь в огне, корежились строчки "Наташи" — "В белом платье / В белый день / Погулять ты вышла..."

"В белом платье..." — шепчет Эди горько. И швыряет "Наташу" в крыс. В грязном платье... В сальном платье... В платье из сала... — шепчет он зло. — ... В украинском национальном костюме, в платье из сала! — говорит Эди вслух и решительно спускается с двери.

В углу стоит хуй знает с какого времени, очевидно с прошлого Нового года — елка. Вернее, скелет елки, с кое-где сохранившимися ржавыми иголками. Эди-бэби вытаскивает елку на середину сарая и зажигает ее, используя для этого свои стихи. Елка вспыхивает и на короткое время пламя вдруг вспрыгивает почти до потолка сарая.

Сгорю еще на хуй, — думает Эди, но почему-то он грустно спокоен. — Ну и сгорю, — думает он. Уже вообще-то сгорел.

Испуганные ярким пламенем, последние крысы втягивают свои хвосты в норы.

Сидя у импровизированного костра, Эди-бэби проводит остаток ночи, сжигая все имеющееся в сарае дерево. Сидит, и думает, и ждет рассвета.

И вот рассвет наступил...

31

Размахивая руками, делая на ходу физкультурные упражнения, чтобы согреться, Эди-бэби идет к трамвайной

остановке, к "кругу". От круга трамвай идет в город. Эди-бэби поедет на вокзал. А с вокзала он поедет во Владивосток, потому что здесь, на Салтовке, ему больше нечего делать.

Только несколько человек сидят на трамвайной остановке под навесом, нахохлившись и спрятав носы в шарфы, досматривают сны в полглаза. Даже самые ранние рабочие еще не идут на работу, но Эди знает, что через полчаса трамваи будут переполнены. Праздник кончился.

Уже усевшись на холодную скамейку, Эди внезапно понимает, что в самом углу, нахохлившись, как все остальные, сидит его друг и атаман Костя. С рюкзаком за плечами.

Эди-бэби встает и подходит к Косте. Глаза у того закрыты. Может, спит.

— Кот! — окликает его Эди.

Костя вздрагивает и, увидев Эди, удивленно улыбается. — Хули ты тут делаешь в такую рань? — изумляется Кот.

— Я хотел тебя спросить, хули ты тут делаешь в такую рань? — говорит Эди.

— Еду на вокзал, — становится серьезным Костя.

— И я еду на вокзал, — восклицает Эди. — Хочу хуйнуть во Владивосток.

— Без вещей? — удивляется Кот. — Так, как есть?

— А зачем вещи? — говорит Эди грустно. — Наворую вещей, — добавляет он неожиданно для себя.

— А ты куда собрался? — спрашивает он Кота.

— В Новороссийск еду, — отвечает серьезный Костя. — В Новороссийске самый большой на Черном море порт. Хочу там закупить жевательной резинки и иностранных сигарет у заграничных моряков, — говорит Костя. — Там это копейки стоит.

— А как ты будешь с ними объясняться? — спрашивает Эди недоуменно. — Ты же на иностранных языках не говоришь, как объяснишь, чего ты хочешь.

— Пустяки, — говорит Костя. — Мне Юрка Ги-ги написал в тетрадь, что нужно говорить и как торговаться. Он не один уже раз ездил в Новороссийск. Там у порта темно, вот ребята ждут там, когда моряков выпускают на берег, и подскакивают к ним в этот момент.

Подходит со звоном трамвай, бежит отлить кондуктор, и Костя с Эди-бэби, усаживаясь подальше от двери, чтоб потеплее было, продолжают разговаривать.

— Чего это ты вдруг? — спрашивает Эди. — И не сказал никому. Может, я бы мог с тобой поехать?

— Ну, вот и поехали, — говорит Костя. — Что у тебя за дело во Владивостоке?

— Да ни хуя никакого дела нет, — признается Эди честно. — Я даже там никого и не знаю, ни одного человека. Мне просто с Салтовки уехать хочется. Не могу я больше здесь... — Он молчит некоторое время, угрюмо отвернувшись от Кости, потом добавляет: — Я со Светкой навеки разругался...

Костя сочувственно молчит, потом говорит: — Ну, тогда поехали со мной в Новороссийск. Вдвоем веселее, И к тому же там куда теплее, чем во Владивостоке. Там уже Кавказ рядом. Захотим, из Новороссийска на Кавказ поедем. Паспортов, вот жалко, у нас нет...

32

Через час они уже сидят, а вернее стоят, между двумя пассажирскими вагонами поезда "Москва—Тбилиси", Костя чуть выше по лестнице, ведущей на крышу, Эди-бэби ниже, почти у самых буферов, и Костя раскалывается — рассказывает Эди-бэби свою историю. Тоже не просто так и не за сигаретами едет Кот в Новороссийск.

— Я его убью, — говорит Кот. — Не сейчас, но я его убью... Он не урка, он сука, настоящие урки так не посту-

пают. Подлый гад! — говорит Костя. — Я ему отомщу, жив не буду, но отомщу...

Костю ударил по лицу на глазах всех воров-карманников пахан Жора. Эди видел пахана Жору и отлично может себе представить, какая это скотина. Пахан Жора только с месяц как освобожден из тюрьмы после очень большого срока и теперь гуляет, дорвавшись до свободы. Он огромный горилла, и ударить ему, хотя и широкоплечего, но маленького Костю, так вот ни за что, ни про что, по пьяному куражу — последнее дело...

— Нужно было мне там же, у магазина, его и прирезать, — сумрачно говорит Костя сверху с лестницы.

— Да... — недоумевают Эди, — вот тебе и организованная преступность... Он же сидел за вооруженное ограбление?

— Сидел, — подтверждает Костя неохотно. — Но он не урка. Урка никогда не поднимет руку на малолетку, своего брата-вора, — говорит Костя...

Но уже не так уверенно говорит, как когда-то, когда Костя восхвалял перед Эди достоинства серьезных преступников. В описаниях Кости они выглядели элегантными, великодушными и героями. Теперь вот оказалось, что они хуже даже мелкого ворья, населяющего криминальный мир Салтовки. Эди не знает, как бы он поступил на месте Кости. Убил бы?..

Они молчат, заслоняясь от ветра. Очень холодно, не совсем сезон для такого рода путешествий. На крыше хорошо летом, сейчас же ребятам приходится все время ползать по лестницам вверх и вниз, двигаться, дабы согреться.

Общая беда как бы сплотила их, и Эди решается сказать Косте о том, что его больше всего мучает сейчас, о Светке.

— Ты знаешь, Кот, — говорит он, — я ведь Светку только вчера выебал, я ее никогда до этого не ебал. — И Эди замолкает.

— Я догадывался, — говорит Костя.

— Скажи, Кот, — спрашивает нерешительно Эди, — а ты слышал, что Светка давно не целка?

— Да, — говорит Кот сверху. — Ребята об этом все знали, но тебе никто не сказал, очень уж ты в нее влюблен был. Дрожал над ней, а зря... Женщины любят тех, кто над ними не дрожит, — произносит Костя грустно-философски. И добавляет: — Она давно ебется, она даже с твоим Саней Красным ебалась...

— С Саней? — спрашивает Эди, пораженный.

Понимая, что сболтнул лишнего, Кот все-таки подтверждает: — Да, но только один раз, и он ее изнасиловал. — Кот замолкает.

Молчит и Эди. Ему кажется, что он внезапно сделался очень старым и очень устал.

Ту-ту-ту-ту-ту-ту-ту, — стучат колеса.

Ту-ту-ту-ту-ту-ту-ту — "Будет Эди и Коту", — бессмысленно рифмует Эди. Что будет, он не знает. Что-то будет.

33

Подъезжая к Ростову, несмотря на то, что во время нескольких стоянок поезда они соскакивали с крыши и бегали среди путей, согреваясь, Эди-бэби и Кот околевают так, что собираются в конце концов прыгать с крыши. Они только ждут поворота, чтобы поезд на повороте замедлил ход.

— Замерзнем на хуй! шепчет Кот. — Если не прыгнем, околеем от холода. Я уже не могу держаться за эти ебаные железные ручки. Руки примерзают. Как ты там?

У Кости хоть есть перчатки, Эди же сунул руки под лестницу и обхватил ступеньку локтевым суставом. Его больно трясет на стыках, на руке, конечно же, будут жуткие синяки после этой поездочки, но все это хуйня. Он и Костя замерзают, а поворота все нет. Если же прыгнуть с поезда на такой скорости — это верная гибель.

Глупо так вот замерзать, — думает Эди, — при полном солнце, при свете, почти возле теплого города Ростова. Но к тому идет, — думает с удивлением Эди, он не чувствует ни ног своих, ни своего тела...

Спасает их внезапно открывшаяся дверь вагона. До этого Костя и Эди уже пробовали дверь, но она была закрыта, и Костя, пройдя по крыше, пробовал двери нескольких других вагонов...

Сейчас в дверь высовывается грузинская девушка-проводница и кричит им... Ветер относит слова:

— Сумасшедшие! Слезайте!.. Мы давно видели тени двух людей на крыше, но не могли поверить... при такой температуре... сумасшедшие, которые влезут на крышу...

— Ну да, слезайте... У вас там небось мусора уже приготовлены для нас, — скрипит недоверчиво Костя.

— Какие мусора? — кричит грузинка.

— Милиция, — говорит Эди.

— Слезайте, дураки, никакой милиции тут нет, — кричит девушка.

Несгибающимися руками перебирая лестницу, Эди, а за ним и Кот втискиваются в вагон. После ледяной крыши в вагоне рай.

— Самоубийцы, — насмешливо говорит им девушка и тащит их в свое проводническое купе. — Сейчас чай будете пить.

34

Спустя час Эди, согревшись чаем, сидит в проводничком купе и глядит в окно. На верхней полке спит или делает вид, что спит, Костя. Напротив Эди-бэби сидит толстый грузинский повар из вагона-ресторана и, с трудом подбирая русские слова, рассказывает ему о своем первом впечатлении от зимней России, до этого он никогда не покидал Грузии, хотя ему уже лет пятьдесят.

— Глыжу в окно ы выжу, — говорит наивный толстый повар, — всэ дэрэвия мэртвы. Всэ мэртвы.

Эди улыбается.

— Твоя улыбаится, — говорит повар, — но я не знала. Я не выезжала из Грузии никогда. Пачему русский нэ слылыт свои мертвый деревья? — спросила я афыцыант. Афыцыант...

Ту-ту-ту-ту-ту-ту-ту, — стучат колеса.

”Будет Эди и Коту”, — грустно рифмует Эди. Что будет, он не знает.

ЭПИЛОГ

И было... В 1962 году Харьковской областной суд приговорил друзей Эди-бэби — Костю Бондаренко, Юрку Бембеля и Славку, по кличке ”Суворовец”, к высшей мере наказания — расстрелу. Через несколько месяцев, за которые Костя очень поседел и, как ни странно, вырос вдруг в тюрьме, ему и Славке смертную казнь заменили длительным тюремным заключением. Старшего, Юрку, — расстреляли. Только случайно Эди не оказался в ту роковую ночь с друзьями. Счастливчик Эди...

Узнав об аресте Кости, глухонемая Гришкина мать сумела выдать из себя исковерканную фразу: ”Костю посадили в тюрьму, а Э-ндик удрал за границу”. Она умела немножко говорить, Гришкина мать, и, очевидно, видеть будущее... Тогда, в 1962 году, фраза прозвучала для Эди-бэби бессмыслицей. И только в 1974 году, когда Эди, неожиданно для самого себя, действительно ”удрал за границу”, а Костю в тот же год расконвоировали наконец на Колыме, после 12 лет заключения, Эди понял фразу Гришкиной матери.

Что случилось с другими? Витька Головашов и Ленка Коровин оба дружно окончили танковое училище, и теперь — майоры-танкисты, служат, по слухам, в Средней Азии.

Сумасшедшая доблестная Антонина Сергеевна умерла – мир ее праху. В эротических фантазиях малолетнего Эди-бэби она, разумеется, была не виновата...

Борьку Чурилова Эди встретил в 1980 году в Париже. Советский гражданин, известный на всю страну народный умелец, Чурилов приехал в Париж со своей выставкой гиснений на бересте, состоявшейся в ЮНЕСКО. Борькины церкви и лики святых наконец пригодились Советской власти. Борька и Эди выпили водки. И в 1982 году, два салтовчанина, они встретились в Париже опять и выпили водки. У Борьки красивая жена и красивая дочь. Жизнерадостная мать Борьки умерла недавно, завещая Борьке всегда работать и быть счастливым и независимым...

Светка, говорят, вышла замуж за начальника цеха, и у нее двое детей.

Гришка, помышлявший об убийстве, стал инженером, но основная его страсть – преферанс. Он профессиональный игрок.

Сашка Тищенко – мастер на заводе.

О других – ничего не известно. Четверть века прошло.

Dépôt légal 3ème trimestre 1983

